

**Белорусский государственный университет
Юридический факультет**

**Совершенствование
уголовного законодательства
и практики его применения
в современных условиях**

**Материалы
Международной научно-практической
конференции
Минск, 14–15 октября 2016 г.**

ЮрСпектр
Правовые информационные технологии

ilex

КонсультантПлюс

Минск
Издательский центр БГУ
2016

УДК 343(06)
ББК 67.408-32я431
С56

Редакционная коллегия:
*С. А. Балашенко (ответственный редактор),
И. О. Грунтов, А. А. Данилевич,
Д. Г. Мороз, О. В. Петрова*

Совершенствование уголовного законодательства
С56 и практики его применения в современных условиях :
материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14–15 окт.
2016 г. / редкол. : С. А. Балашенко (отв. ред.) [и др.]. –
Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – 239 с.
ISBN 978-985-553-388-8.

В сборнике содержатся доклады ученых-юристов и практических работников судебной системы и правоохранительных органов Республики Беларусь и зарубежных государств на Международной научно-практической конференции, посвященной совершенствованию уголовного и уголовно-процессуального законодательства и практикам его применения в современных условиях.

Адресуется преподавателям, студентам и аспирантам юридических факультетов, специалистам в области уголовного права.

УДК 343(06)
ББК 67.408-32я431

ISBN 978-985-553-388-8

© Оформление. РУП «Издательский центр БГУ», 2016

О РОЛИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВОМ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ

В.Л. Калинин,

*Первый заместитель Председателя Верховного Суда
Республики Беларусь*

За период, прошедший после обретения государственного суверенитета, в нашей стране проделала значительный путь к построению и укреплению демократического правового государства.

Особое значение при этом имеет надлежащее осуществление государством правоохранительной функции как системы гарантий реализации прав и свобод личности. В свою очередь, оно требует эффективного нормативного регулирования общественных отношений; своевременной и адекватной реакции на возникающие внутренние и внешние вызовы и угрозы законности и правопорядку.

Насколько успешным будет выполнение этих задач, во многом зависит от направлений развития отечественной юридической науки, где очевидно приоритетным является прикладной характер проводимых исследований. Причем желательно, чтобы предполагаемые законодательные новеллы проходили своеобразную апробацию не только путем системного моделирования и прогноза возможного эффекта от внедрения, но и посредством проработки и обоснования с точки зрения фундаментальной науки.

С учетом сказанного проведение международной научно-практической конференции «совершенствование уголовного законодательства и практики его применения в современных условиях» представляется важным и своевременным.

В последние годы развитие уголовного и уголовно-процессуального законодательства в Республике Беларусь осуществляется достаточно интенсивно. Динамику этому процессу, безусловно, придавала практическая реализация положений Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, а также Послания Президента Республики Беларусь о перспективах развития системы общих судов. В результате в наше законодательство внедрен целый ряд важных новелл, что позволило сделать серьезный шаг по пути развития нашей правовой системы по общепризнанным стандартам.

Так, за последний 5-летний период состоялась серьезная реформа предварительного следствия с образованием самостоятельного Следственного комитета. Это позволило четко разграничить функции государственных органов в сфере противодействия преступности, уголовного

преследования, ведения уголовного процесса и осуществления прокурорского надзора.

Продолжилась оптимизация уголовно-правовых санкций за не представляющие большой общественной опасности и менее тяжкие преступления. Концептуальное развитие получили институты освобождения от уголовной ответственности при наличии смягчающих ответственность обстоятельств; досудебного соглашения о сотрудничестве.

Ведя речь о развитии уголовно-процессуального законодательства, нельзя особо не сказать о концептуальных положениях, внесенных в УПК. Так, существенно усилены состязательные начала уголовного процесса на стадии судебного разбирательства. В частности, основные полномочия по обеспечению явки в судебное заседание потерпевших и свидетелей обвинения переданы государственному обвинителю; исключено такое основание к отмене или изменению приговора, как неполнота судебного следствия. Само производство по уголовному делу в суде второй инстанции претерпело концептуальное реформирование: существовавший с советских времен кассационный порядок пересмотра не вступивших в законную силу судебных постановлений по уголовным делам заменен апелляционным. Это уже сегодня позволяет окончательно разрешать на уровне суда второй инстанции большинство уголовных дел, приговоры по которым обжалованы или опротестованы.

Создание Государственного комитета судебных экспертиз открыло новый этап развития экспертного дела в Республике Беларусь. Современное предварительное расследование и судебное разбирательство по большинству категорий дел вряд ли сегодня можно себе представить без надлежащего судебно-экспертного обеспечения, использования последних достижений прикладных наук, создания новых видов экспертиз. В свою очередь, на наш взгляд, это дает достаточную пищу для дальнейшего развития теории судебных доказательств.

Пристального внимания и комплексных исследований в сфере криминологии, уголовно-исполнительного права и социальных наук требует не решенная до сих пор проблема высокого уровня рецидивной преступности и судимости. Очевидно, что назрела необходимость разработки новых современных подходов к исправлению осужденных и их эффективной ресоциализации.

Таким образом, развитие научной мысли, прикладной характер проводимых исследований должны стать позитивным фактором в деле обеспечения правопорядка, эффективного противодействия преступности, защиты прав и законных интересов граждан, юридических лиц и государства.

Раздел I

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА, КРИМИНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

УДК 343.23

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ КРИТЕРИИ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

*С. В. Ананич,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия МВД Республики Беларусь*

С момента появления криминологической науки возник вопрос о возможности использования в этой отрасли научного знания уголовно-правовой классификации преступлений по родовому объекту.

Как известно, российские ученые (например, А.А. Герцензон, А.А. Пионтковский) отмечали, что криминология вышла из уголовного права, признавали ее одним из разделов последнего. При этом указанные авторы полагали, что в рамках уголовного права следует изучать не только признаки преступлений, но и их причины. Тем не менее, криминология сформировалась в самостоятельную юридическую науку. И первые учебники по криминологии следовали в полной мере уголовно-правовой классификации преступлений (см., например, первый учебник «Криминология» (1966 г., 1968 г. и 1976 г.). В этом учебнике преступления делились в полном соответствии с тем, что было закреплено в Уголовном кодексе.

Поначалу позиция полного соответствия криминологической классификации преступлений системе Особенной части уголовного закона признавалась вполне удовлетворительной. Однако впоследствии стала подвергаться критике в связи с тем, что уголовно-правовая и криминологическая классификации преступлений имеют различные цели и задачи.

Однако криминологами отмечалось, что в рамках одного родового объекта преступления могут иметь различные причины и соответственно разные меры предупреждения. Например, в рамках одного объекта – жизнь и здоровье человека – существенно различаются умышленные убийства и телесные повреждения и причинение вреда жизни или здоровью по неосторожности. В то же время неосторожные преступления, посягающие на жизнь и здоровье человека близки по криминологиче-

ской характеристике к преступлениям в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. С точки зрения уголовно-правой классификации – они расположены в разных разделах УК. Но в криминологическом аспекте они требовали объединения в одну группу.

Убийства, совершаемые из корыстных побуждений, по причинам и иным аспектам были ближе к хищениям, чем к преступлениям против жизни человека. Напомним, что уголовно-правовая классификация привязана к системе построения Особенной части УК. И многие преступления, расположенные в разных разделах и главах, имеют между собой объединяющие признаки, которыми могут выступать, например, непосредственные объекты, форма вины, мотивы содеянного.

В связи с этим отождествление криминологической классификации с уголовно-правовой не позволяло успешно решать задачи выявления объективных и субъективных причин преступного поведения.

Недостатком такой классификации выступает использованием различных критериев, положенных в основу объединения преступлений в вышеназванные группы. В первом случае это способ осуществления преступного посягательства, во втором – мотив, в третьем случае – объект, и в четвертом – форма вины.

Рассмотрим некоторые уголовно-правовые признаки преступлений, используемые в криминологических классификациях преступлений. Наряду с объектом посягательства все преступления делятся на две группы в зависимости от формы вины.

В законе прямо названы **две формы вины** – умысел и неосторожность.

Умышленные преступления встречаются гораздо чаще и представляют большую общественную опасность по сравнению с неосторожными. Помимо психологического (юридического) содержания вины, закрепленного в соответствующих нормах УК, вина как признак субъективной стороны, имеет и социальное содержание – отношение субъекта преступления к социальным ценностям и правилам поведения. Это отношение при умысле является антисоциальным, когда субъект прямо противопоставляет свои желания и интересы общественным. При неосторожности такое отношение можно охарактеризовать как асоциальное, либо не достаточно выраженное социальное, что проявляется в легкомыслии, пренебрежении к общепринятым правилам поведения. Разницу можно легко увидеть, сравнив, например, убийство и причинение смерти вследствие дорожно-транспортного происшествия. Законодатель дает определенную оценку умышленным и неосторожным преступлениям в санкциях. Максимальное наказание в виде лишения свободы за умыш-

ленное убийство составляет двадцать пять лет, за причинение смерти по неосторожности нескольким лицам вследствие нарушения правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств – десять лет. По Уголовному кодексу 1960 года наказание за оба преступления составляло пятнадцать лет. В последующем законодатель переоценил общественную опасность неосторожных преступлений, установив максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до семи лет. Позднее ввиду роста преступлений, совершаемых лицами, управляющими транспортными средствами в состоянии опьянения, именно за данные преступления предел наказания в виде лишения свободы был повышен до десяти лет.

Неосторожные преступления, как совершаемые в быту и связанные с причинением смерти либо вреда здоровью, так и в сфере осуществления какого-либо вида деятельности, являются следствием нарушения правил безопасного поведения, общепринятых либо специальных, нормативно определенных. Ввиду этого в криминологии давно неосторожные преступления были объединены в одну группу по признаку вины, независимо от родовых (видовых) объектов этих посягательств, как имеющие схожие причины и меры предупреждения.

Другой признак субъективной стороны преступления, который используется криминологией в качестве критерия классификации преступлений – мотив. Данный признак характеризует только умышленные преступления, поскольку общественно опасные последствия в неосторожных преступлениях являются для субъекта побочным результатом, к достижению которого он не стремится, а наоборот предполагает этого избежать. Поэтому мотивация криминального характера в данных преступлениях отсутствует. На сегодняшний день наиболее практически целесообразной следует признать классификацию, которая базируется на совокупности нравственной и правовой оценки мотивов. С этой точки зрения мотивы и цели преступления можно подразделить на три основные группы:

- мотивы, с которыми уголовный закон связывает установление уголовной ответственности за конкретное деяние (например, хулиганство – ст. 339 УК Беларуси);

- мотивы и цели, с которыми уголовный закон связывает ужесточение наказания (например, корыстные мотивы, хулиганские мотивы, национальная, расовая, религиозная ненависть или вражда, изъятие органов или тканей потерпевшего, сокрытие другого преступления или облегчение его совершения – ч. 2 ст. 139 УК Беларуси);

– мотивы и цели, с которыми уголовный закон связывает смягчение наказания (например, мотив сострадания, цель избавления потерпевшего от страданий и т. п.);

– мотивы и цели, с которыми уголовный закон не связывает ни установление уголовной ответственности, ни ужесточение или смягчение наказания (например, мотивы убийства, предусмотренного ч. 1 ст. 139 УК Беларуси (ревность, месть и т.п.).

Мотивы и цели преступления могут в отдельных случаях выступать в качестве исключительных смягчающих обстоятельств и в этом смысле обосновывать, например, назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 70 УК Беларуси).

Из вышесказанного можно сделать вывод, что наиболее часто мотив имеет одно из двух влияний на ответственность за совершенное преступление – либо ее смягчает, либо ужесточает. В связи с этим вновь обратимся к первой классификационной группе мотив на низменные и лишенные такого содержания. В числе мотивов первой группы преобладают корыстные, хулиганские мотивы и побуждения.

Следует отметить, что корыстная мотивация лежит в основе многих преступлений. Формирование и реализация подобных мотивов имеет общий механизм как для преступлений против собственности, так нередко и с переходом на посягательство против человека. В связи с этим криминологией выделяются такие группы как корыстные и корыстно-насильственные преступления. С точки зрения уголовно-правовой классификации, как отмечалось ранее, корыстно-насильственные преступления (грабеж, разбой и др.) относятся к преступлениям против собственности. Но в качестве дополнительного непосредственного объекта в них выступает жизнь и здоровье человека. Таким образом, названные преступления имеют сложный механизм совершения, связанный с наличием в них насильственного способа завладения имущества, влекущего посягательство на несколько объектов, в основе которого лежит корыстная мотивация. Способ посягательства и мотивы становятся критериями криминологического объединения преступлений в группы.

Следующий элемент, характеризующий преступление, признаки которого используются криминологией в качестве критерия, объединяющего преступления в группы – субъект преступления и его признаки.

В криминологической классификации выделяются преступления, совершаемые несовершеннолетними. На особенности данной возрастной группы обращает внимание и уголовное законодательство, выделяя особенности уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет, в самостоятельный раздел.

Необходимость законодательного закрепления этих особенностей уголовной ответственности несовершеннолетних обусловлена, с одной стороны, спецификой социально-психологического развития несовершеннолетних: недостаточным уровнем социализации, возрастной и социальной зрелости; искаженными представлениями о нравственных приоритетах; специфическими чертами характера (вспыльчивостью, неуравновешенностью и др.); подверженностью влиянию со стороны взрослых и т.д. Указанное и привело к необходимости тщательной регламентации уголовной ответственности несовершеннолетних, подчас отступающей от общих правил и начал уголовной ответственности и наказания. Законодательством предусмотрены особые условия установления видов наказания для несовершеннолетних, назначения им наказания, освобождения от уголовной ответственности и наказания, исчисления сроков погашения судимости. Правоприменительной практикой давно подмечены две особенности несовершеннолетних преступников: они быстрее в сравнении со взрослыми подвержены вовлечению в преступление и также быстрее достигают исправления после привлечения к уголовной ответственности. Не случайно установление в законе и распространение в правоприменительной практике мер уголовной ответственности, не связанных с применением наказания, получило благодаря их эффективности в отношении несовершеннолетних. Так, например, отсрочка исполнения наказания первоначально применялась к несовершеннолетним. В настоящее время этот институт применяется ко всем категориям лиц.

В связи с этим законодатель стремится минимизировать средства уголовно-правовой репрессии в отношении несовершеннолетних. Так, например, судебные органы обязаны рассматривать вопрос о возможности применения к несовершеннолетним отсрочки исполнения наказания или условного осуждения. При этом суду надлежит обосновывать как применение этих мер, так и их неприменение. В уголовном законе также предусматривается особая форма уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних – осуждение с применением принудительных мер воспитательного характера. Таким образом, и уголовное право и криминология в равной мере выделяют преступления несовершеннолетних в самостоятельные группы. Нельзя забывать, что уголовное право также имеет задачей предупреждение преступлений. Уголовно-правовое и криминологическое выделение преступлений несовершеннолетних (по признаку субъекта посягательства), на наш взгляд, красноречиво показывает взаимосвязанные роли каждой отрасли научного знания в решении общих задач предупреждения преступлений.

Обратимся к еще одному признаку субъекта преступления – признаку пола. Для УК в целом не характерно выделение субъекта по данному признаку, за исключением изнасилования, субъектом которого выступает лицо мужского пола. Однако следует отметить, что лица женского пола отличается гораздо меньшей криминальной активностью по сравнению с мужчинами. Даже не специалист в вопросах преступности может обратить на это внимание, если знает, что в республике только одно исправительное учреждение для женщин в г. Гомеле. В связи с этим и криминология и уголовное право обращают внимание отдельно на преступления, совершаемые женщинами. Если в криминологии давно рассматривается обособленная группа женской преступности. То в уголовном праве это внимание представлено отдельными положениями норм о применении мер уголовной ответственности. Меньшая криминальная активность, не так распространенная агрессия, жестокость и рецидив со стороны преступниц-женщин обусловили следующие уголовно-правовые особенности ответственности:

- неприменение исключительных мер наказания в виде пожизненного заключения и смертной казни (ст. 58, 59 УК Беларуси);
- направление в отдельные исправительные учреждения для отбывания наказания в виде лишения свободы, в которых не представлены строгие условия изоляции (ч. 5 ст. 57 УК Беларуси);
- признание смягчающим ответственность обстоятельством совершение преступления беременной женщиной (п. 10 ч. 1 ст. 63 УК Беларуси);
- возможность применения отсрочки исполнения наказания в виде лишения свободы беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет (ст. 93 УК Беларуси).

Указанные положения уголовного закона являются проявлениями объективно обусловленного гуманизма, призваны способствовать экономии строгих мер уголовной ответственности по отношению к женщинам, и в целом содействовать предупреждению преступлений с их стороны.

К иным группам преступлений с учетом признаков субъекта посяательства можно отнести, например, также преступления, совершаемые должностными лицами. В уголовном праве эта группа преступлений именуется по признакам родового объекта преступлениями против интересов службы. В криминологическом аспекте преступления нередко объединяются с посяательствами на отношения собственности и порядок осуществления экономической деятельности, которые в соответствии с законодательством объединяются в понятие «коррупционных преступлений».

В завершение рассмотрения вопроса о критериях криминологической и уголовно-правовой классификации преступлений, следует отметить, что главная задача, решаемая в процессе объединения преступлений в те или иные группы, заключается в максимальном учете характера и степени их общественной опасности и на основе этого дифференциации уголовной ответственности. Можно выделить два основных подхода со стороны законодателя – гуманизм и экономия мер уголовно-правовой репрессии в отношении лиц, совершающих преступления невысокой степени общественной опасности или заслуживающих снисхождения по признакам личности, иным обстоятельствам; и максимально строгая ответственность для особо опасных форм проявления преступности и злостных преступников. Таковы уголовно-правовые средства решения задач охраны общества от преступных посягательств и их предупреждения. Опираясь, на многие уголовно-правовые характеристики преступлений при их классификации и объединении в те или иные группы, криминология гораздо шире рассматривает их причины, условия и вырабатывает соответствующие меры предупреждения.

УДК 343.237

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОБЩЕЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МНОГОСУБЪЕКТНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

*С.Р. Багиров,
кандидат юридических наук, доцент,
Институт права им. В. Сташиса
Классического частного университета
(Украина)*

Причинение общего преступного последствия в результате совпадения неосторожного поведения нескольких субъектов представляет собой криминологическую реальность, требующую надлежащего теоретического обоснования и нормативного обеспечения. В этой части в науке уголовного права наблюдается ощутимый пробел. Попытки решения данной проблемы – в теории ее назвали проблемой неосторожного сопричинения – в пределах учения о соучастии обнажили новую неисследованную область – многосубъектное преступление в целом. В результате в теории уголовного права рядом ученых были сформулированы эвристично заряженные положения о многосубъектных преступлениях, а также спроектированы соответствующие уголовно-правовые нормы *de lege ferenda*. Данные положения и нормы требуют отдельного рассмотрения и анализа.

На наш взгляд, весомый вклад в исследование многосубъектных преступлений внес Р.Р. Галиакбаров. Современные российские криминалисты акцентируют на том, что сам термин «многосубъектные преступления» одним из первых ввел в научный оборот именно этот ученый [1, с. 5].

Еще в начале 80-х гг. XX в. Р.Р. Галиакбаров выдвигает предположение, что теория уголовного права не уделяет пока должного внимания изучению проблем сосредоточения нескольких лиц в совершении одного преступления. Уже тогда ученый заметил, что в уголовном праве «вырисовывается» направление исследований, которое можно условно обозначить как проблему множественности участников преступления [2, с. 50 – 51].

Действующее уголовное законодательство, по мнению Р.Р. Галиакбарова, позволяет выделить две формы множественности: множественность преступных деяний и множественность участников одного преступления. Первая форма активно исследуется в теории, вторая ждет своего изучения [3, с. 21].

Полагаем, что важным в теоретическом плане предстает вывод Р.Р. Галиакбарова о соучастии как структурном элементе более широкого явления – института множественности, в частности, его блока, охватывающего различные виды стечения нескольких лиц в одном преступлении [4, с. 8 – 9].

Множество криминалистов согласились с выдвинутой концепцией многосубъектного преступления, взяв его в качестве предмета своих исследований [5, с. 53; 1, с. 5; 6, с. 39; 7, с. 8 – 9].

Представители науки уголовного права на протяжении трех последних десятилетий осознали, в каком направлении должна развиваться доктрина, и подготовили для этого теоретическую базу. Очевидно, что следующим шагом должны были стать доктринальные модели уголовно-правовых норм, которые отражали бы установленные закономерности.

Этот шаг был сделан некоторыми авторами. Так, А.А. Тер-Акопов считал, что разделение норм о соучастии и соисполнительстве должно быть доведено до конца, хотя они могут и соседствовать в одной статье с общим названием. Ученым еще в 2003 году была предложена следующая реконструкция главы 7. Назвать ее: «Совместное совершение преступления», а ст. 32 УК РФ изложить в другой редакции [8, с. 215].

А.И. Плотников в ряде работ отстаивает мнение о реорганизации института соучастия в институт стечения лиц при совершении преступления [9, с. 132 – 136]. Ученый предлагает реконструировать гл. 7 УК РФ «Соучастие в преступлении» в общий институт «Стечение преступ-

ников в одном преступлении», придав ей более широкое содержание за счет включения таких форм отношения нескольких лиц к одному преступлению, которые не могут рассматриваться как совместные деяния, но находятся в связи и зависимости. В связи с ограниченным объемом данной статьи, доктринальную модель соответствующих норм мы здесь не приводим, однако читатель сможет найти их в статье А.И. Плотникова [10, с. 259 – 261].

По мнению А.В. Курсаева, одним из направлений трансформации института соучастия будет учет иных проявлений преступной деятельности нескольких лиц, не охватываемых рамками соучастия. В таком случае вполне логичным будет именовать данную главу «Множественность лиц в преступлении» [6, с. 249].

В сущности, похожую позицию заняла А.Р. Салимгареева, которая предлагает название главы 7 УК РФ «Соучастие в преступлении» изменить на «Преступная деятельность двух или более лиц»; определить в ней виды преступной деятельности двух или более лиц: 1) соучастие в преступлении; 2) преступная деятельность двух или более лиц без признаков соучастия [7, с. 22 – 23].

Взгляды приведенных выше авторов представляют значительный научный интерес. Их предложения в целом созвучны тем мыслям, которые возникли у автора в процессе исследования неосторожного сопричинения.

Представляется, что не следует расширять институт соучастия за счет распространения его на неосторожное причинение вреда несколькими лицами. В теории уголовного права уже сложилось в целом понимание, что неосторожное совместное совершение преступления следует охватить самостоятельным термином «неосторожное сопричинение». Поскольку и соучастие, и неосторожное сопричинение имеют ряд общих черт, главной из которых выступает множественность участников одного преступления, в уголовном кодексе их должен объединить один раздел. Рабочее название проектируемого раздела видится таким: «Совершение одного преступления несколькими субъектами». Детальная разработка норм проектируемого раздела вместе с критическим анализом предложенных решений представляет собой предмет самостоятельного исследования.

Литература:

1. Безбородов Д.А. Неосторожные многосубъектные преступления: понятие и квалификация: учебное пособие / Д.А. Безбородов. – СПб.: Санкт-Петербург. Юрид. ин-тут (филиал) Акад. Ген. прокур. РФ, 2015.– 60 с.
2. Галиакбаров, Р.Р. Проблемы криминализации многосубъектных общественно опасных деяний / Р.Р. Галиакбаров // Актуальные пробле-

мы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний. – Омск: Омск. ВШМ МВД СССР, 1980. – С. 40 – 51.

3. Галиакбаров, Р.Р. Нетрадиционные аспекты множественности в уголовном праве / Р.Р. Галиакбаров // Уголовно-правовые средства борьбы с преступностью: межвуз. сб. науч. тр. – Омск: Ом. ВШМ МВД СССР, 1983. – С. 19 – 25.

4. Галиакбаров, Р.Р. Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия: Учебное пособие / Р.Р. Галиакбаров. – Хабаровск: Хаб. ВШМ МВД СССР, 1987. – 96 с.

5. Гринберг, М.С. Соучастие в неосторожных преступлениях / М.С. Гринберг // Сов. гос. и право. – 1990. – № 8. – С. 53 – 60.

6. Курсаев, А.В. Неосторожное сопричинение в российском уголовном праве / А.В. Курсаев. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 280 с.

7. Салимгареева, А.Р. Преступная деятельность двух или более лиц без признаков соучастия в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.Р. Салимгареева, Ур. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2011. – 27 с.

8. Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве / А.А. Тер-Акопов. – М.: ЮРКНИГА, 2003. – 480 с.

9. Плотников А.И. Некоторые проблемы развития уголовного законодательства / А.И. Плотников // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние: сб. науч. трудов / под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов, 2004. – С. 132 – 136.

10. Плотников, А.И. Соучастие как проблема диалектического противоречия и единства во множестве объективного и субъективного / А.И. Плотников // Российский ежегодник уголовного права. – 2012. – № 6. – СПб. 2013. – С. 233 – 261.

УДК 343.241

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕР УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПЛАНЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

А. В. Барков,

*кандидат юридических наук, профессор,
Институт переподготовки и повышения квалификации
судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета*

Процесс совершенствования закона – постоянный процесс. Этот процесс характерен и для Уголовного кодекса Республики Беларусь. К сожалению, чрезмерно частое и не всегда обоснованное вмешательство

в содержание УК нарушает его стабильность, будоражит судебную практику.

По состоянию на 1 апреля 2016 г. приняты и вступили в силу 66 законов, корректирующих УК Беларуси. Часть этих законов послужила реализации целей, определенных в Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672 (далее – Концепция) [1]. Концепция принята в целях оптимизации мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, повышения эффективности исправительного и предупредительного воздействия мер уголовной ответственности. Глава 2 Концепции, раскрывая недостатки уголовно-правовой политики, имевшие место к концу 2010 г., указывает на избыточно карательный характер применения наказания и иных мер уголовной ответственности. На преодоление названных проблем и направлены мероприятия этого важнейшего документа.

Пришло время оценить шаги, предпринятые законодателем за минувшие пять лет для решения задач, поставленных в Концепции. Предметом нашего анализа будут законодательные аспекты материального уголовного права.

С января 2011 г. до конца 2015 г. изменения и дополнения в УК Беларуси были внесены на основании 18 законов. Но только один из них можно отнести к документу, направленному на системное воплощение в жизнь положений Концепции. Это Закон Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-з [2].

Концепция обязывает принять меры по оптимизации наказаний, в том числе наказаний в виде ограничения свободы и исправительных работ, наказаний, назначаемых военнослужащим срочной военной службы (подпункт 16.1). Во исполнение Концепции из УК исключено наказание в виде направления в дисциплинарную воинскую часть. Правовая регламентация ограничения свободы и исправительных работ осталась неизменной.

Концепция предполагает снижение минимальных и максимальных сроков наказания в виде лишения свободы за некоторые преступления против собственности, порядка осуществления экономической деятельности, порядка управления, интересов службы, другие преступления, не сопряженные с посягательством на жизнь и здоровье человека, а также оптимизацию сроков наказания в виде лишения свободы за отдельные тяжкие и особо тяжкие преступления» (подпункт 16.3). Анализ Закона от 5 января 2015 г. № 241-з показывает, что сроки лишения свободы

подверглись корректировке в санкциях десяти норм. Это представляется недостаточным.

Подпункт 16.5 Концепции требует расширения применения штрафа в качестве основного и дополнительного наказаний за преступления против собственности, порядка осуществления экономической деятельности, порядка управления, интересов службы, за некоторые тяжкие ненасильственные преступления. Законом от 5 января 2015 г. № 241-з в санкциях 54 норм УК Беларуси в качестве дополнительного наказания предусмотрен штраф. Таким образом, в действующем УК штраф в качестве дополнительного наказания предусмотрен в 82 нормах. При этом только в 25 случаях дополнительный штраф является факультативным наказанием. Такое решение представляется неудачным, особенно с учетом нового правила части 2 ст. 50 УК Беларуси, согласно которому за преступления против порядка осуществления экономической деятельности и против интересов службы штраф устанавливается в размере от трехсот до пяти тысяч базовых величин. Обязательный дополнительный штраф со столь высокими пределами лишает суд возможности оптимально индивидуализировать наказание. Особая проблема возникает при назначении наказания по совокупности преступлений. Суд обязан дважды (а иногда и более раз) назначать штраф как дополнительное наказание, когда вопреки требованию ч. 2 ст. 50 УК даже минимальный размер этого наказания не учитывает материального положения осужденного.

В 43 нормах штраф является дополнительным наказанием к лишению свободы, т.е. выступает не как альтернатива лишению свободы, а как дополнительный карательный элемент. Представляется, что такое решение не согласуется с основной идеей Концепции.

Концепция намечает задачу дополнительно предусмотреть в УК назначение общественных работ в качестве альтернативы другим видам наказаний за совершение преступлений, не относящихся к тяжким и особо тяжким (подпункт 16.7). Такая альтернатива появилась лишь в санкциях 10 норм, что явно не решает поставленной задачи.

Подпункт 16.10 Концепции предписывает «ввести институт социальной компенсации как условие освобождения от уголовной ответственности, осуждения с условным неприменением наказания, осуждения без назначения наказания (далее – социальная компенсация) при совершении преступлений, не относящихся к тяжким и особо тяжким». Социально-правовая природа этого института раскрывается в подпункте 16.15 Концепции, требующем предусмотреть создание за счет средств, поступивших от уплаты социальной компенсации, специального фонда для возмещения причиненного преступлениями ущерба (вреда). Такое

решение представляется чрезвычайно удачным, гуманным по отношению к лицам, потерпевшим от преступления, согласующимся с ч. 3 ст. 44 УК, провозглашающей: «Уголовная ответственность призвана способствовать восстановлению социальной справедливости».

Однако Законом от 5 января 2015 г. № 241-з вместо социальной компенсации введено понятие уголовно-правовой компенсации как меры материального характера, которую лицо, совершившее преступление, согласно принять и обязано исполнить в качестве одного из условий освобождения от уголовной ответственности (ст. 88 УК Беларуси) либо обязано исполнить при применении иных мер уголовной ответственности (ст. 78 УК Беларуси). При этом остались неясными правовая природа данной меры и ее социальное назначение, поскольку вопрос о специальном фонде для возмещения причиненного преступлениями ущерба оказался не решенным.

Из вышесказанного следует, что положения Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения в полном объеме не реализованы и должны оставаться перспективной задачей законотворчества в области уголовного права.

Важно в последующей законотворческой деятельности оставаться в русле идей Концепции. К сожалению, опыт многих государств и отечественный опыт формирования уголовного законодательства свидетельствует, что всегда существует соблазн в целях противодействия тем или иным проявлениям преступности избирать вариант ужесточения ответственности. Тот же опыт свидетельствует, что такое решение обычно малоэффективно и чрезвычайно обременительно для государства и общества.

Литература:

1. Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения: Указ Президента Республики Беларусь от 23.12.2010 № 672 // Нац. реестр прав. актов Респ. Беларусь. – 01.01.2011. – № 1. – 1/12207.

2. О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Закон Республики Беларусь от 05.01.2015 № 241-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 17.01.2015, 2/2239.

СОВЕРШЕНИЕ НОВОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЛИЦОМ, ОСВОБОЖДЕННЫМ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В СЛУЧАЕ ТЯЖЕЛОГО НЕПСИХИЧЕСКОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ

Е.С. Бородулькина,

*Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь*

Часть 2 ст. 92 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Беларуси) предусматривает возможность освобождения лица от уголовного наказания в том случае, если оно страдает тяжелым (не психическим) заболеванием, препятствующим отбыванию наказания. Анализ судебных материалов по представлению больных осужденных к освобождению позволяет установить, что заболевания, с которыми лица выходят на свободу, носят тяжелый прогрессирующий характер, как правило, заканчиваются летальным исходом.

Не смотря на то, что вероятность повторного совершения преступления такими лицами по причине их тяжелого физического недуга значительно ниже, чем лицами, освобожденными от наказания по иным основаниям, такие случаи имеют место. Официальная статистика на этот счет в Республике Беларусь не ведется, об этом факте можно судить по конкретным примерам из правоприменительной практики.

Определенной информативностью могут обладать данные о совершении новых преступлений освобожденными по болезни в Российской Федерации (это связано с тем, что ч. 2 ст. 81 УК РФ и ч. 2 ст. 92 УК Беларуси предусматривают схожие условия освобождения от наказания по заболеванию). По данным, приведенным в диссертационном исследовании О.А. Алфимовой, около 16 % от освобожденных больных вновь совершают преступления [1, с. 72]. При этом в названный процент входят как лица, страдающие психическими расстройствами, так и иными тяжелыми заболеваниями, однако представителям второй группы в структуре заболеваемости принадлежит значительно большая доля.

Представляется, что исследование проблемы совершения новых преступлений лицами, освобожденными от наказания по заболеванию, представляет практический интерес.

В связи со сказанным предлагаем рассмотреть несколько вопросов:

– применяются ли в данном случае правила назначения наказания по совокупности приговоров, предусмотренные ст. 73 УК Беларуси;

– будет ли иметь место рецидив (ст. 43 УК Беларуси) в случае совершения лицом нового преступления, освобожденным по ч. 2 ст. 92 УК Беларуси;

– будет ли являться совершение нового умышленного преступления безусловным препятствием для повторного освобождения лица от наказания по заболеванию.

Полагаем, что обозначенные проблемы напрямую связаны с ответом на вопрос о том, будет ли погашена судимость лица на момент совершения им нового преступления после освобождения.

В соответствии с ч. 5 ст. 97 УК Беларуси после освобождения от наказания в случае иного тяжелого заболевания судимость лица погашается только в том случае, если лицо было осуждено за неосторожное преступление. Если же лицо было осуждено за совершение умышленного преступления, то сроки погашения судимости (предусмотренные в п. 2–5 ч. 1 ст. 97 УК Беларуси) исчисляются со дня принятия судом решения об освобождении от отбывания наказания по заболеванию. То есть по общему правилу лицо после освобождения от наказания по заболеванию определенное время остается судимым.

Что касается правила назначения наказания по совокупности приговоров, то в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь в № 1 от 26 марта 2002 г. «О назначении судами уголовного наказания» четко обозначено, к каким видам досрочного освобождения от наказания оно применяется и что считать неотбытой частью наказания по предыдущему приговору. Освобождение от наказания по заболеванию в этом пункте не содержится, соответственно, к ч. 2 ст. 92 УК Беларуси указанное правило не применяется.

На наш взгляд, если лицом было совершено умышленное преступление, оно было освобождено по заболеванию, а затем вновь совершило умышленное преступление и на тот момент его судимость не погашена, имеет место рецидив преступлений (ст. 43 УК Беларуси). При назначении нового наказания в соответствии с ч. 1 ст. 65 УК Беларуси должны учитываться количество, характер и степень общественной опасности ранее совершенных преступлений, обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным, а также характер и степень общественной опасности вновь совершенного преступления.

Учитывая, что лицо вновь начинает отбывать наказание в связи с совершением нового преступления, складывается следующая ситуация.

С одной стороны, больной не излечился, страдает тем же тяжелым заболеванием, диагностирование которого позволяет вновь ставить вопрос о его освобождении по ч. 2 ст. 92 УК Беларуси. С другой стороны, если лицо смогло совершить новое преступление с диагностированным заболеванием, то разумно ли вообще поднимать вопрос о его повторном освобождении?

Действующее законодательство не содержит очевидных препятствий для повторного освобождения лица. Ранее, до внесения изменений в ч. 2 ст. 92 УК Законом Республики Беларусь от 05.01.2015 № 241-з необходимым критерием для освобождения лица было время наступления заболевания – оно должно было наступить после вынесения приговора, соответственно, совершение нового преступления автоматически бы «закрывало» возможность освобождения. Сейчас такое решение остается на усмотрение суда.

Однако необходимо сделать уточнение о том, что закон и в настоящее время в ч. 2 ст. 92 УК Беларуси предписывает суду при вынесении решения об освобождении учитывать не только характер заболевания, но и тяжесть совершенного преступления, и личность преступника. Именно эти критерии и призваны служить своеобразным «предохранительным» механизмом от освобождения «больных-рецидивистов». Другое дело, что изучение судебных материалов показало, что, как правило, подход судей носит чисто формальный характер, часто не уделяется должного внимания иным критериям, помимо самого заболевания осужденного. В научной литературе существует мнение о необходимости закрепления в уголовном законе категорического запрета на освобождение по заболеванию лиц при повторном совершении ими преступления. Однако на наш взгляд, это было бы негуманно по отношению к лицу, у которого со временем еще в большей степени может прогрессировать заболевание или же, например, в течение отбывания наказания он может демонстрировать примерное поведение, что доказывало бы существенное уменьшение его общественной опасности. В таком случае, повторное представление к освобождению от наказания оправдано.

По нашему мнению, в этом случае имеет место не «дефект» уголовного закона, а речь идет о недостатках правоприменительной практики, которая нуждается в совершенствовании. Суды должны тщательно и всесторонне исследовать перечисленные обстоятельства, избегая сложившегося «штампованного» подхода к освобождению лиц от наказания по заболеванию. Ранее в научных публикациях мы уже указывали на необходимость разработки проекта Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О практике освобождения от наказания в случае тяжелого заболевания», где, в том числе, необходимо отразить вопрос и об особом внимании суда к ситуации, когда лицо уже ранее представлялось к освобождению от наказания по заболеванию.

Литература:

1 Алфимова, О.А. Освобождение от наказания в связи с болезнью: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / О.А. Алфимова. – Красноярск, 2006. – 215 л.

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ НЕУДАВШЕГОСЯ СОУЧАСТИЯ

Е.В. Бошукова,

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Под неудавшимся соучастием понимают неудавшиеся действия организатора, подстрекателя или пособника, если по независящим от них обстоятельствам преступление не было совершено исполнителем. Понятием неудавшееся соучастие охватываются любые случаи не достижения соучастниками желаемого результата.

Необходимо отметить, что уголовное законодательство не использует понятия «неудавшееся соучастие», однако в теории уголовного права неудавшееся соучастие определяется как разновидность приготовления к совершению преступления, что и нашло отражение в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК).

В соответствии с ч. 8 ст. 16 УК Беларуси в случае если действия организатора, подстрекателя и пособника по независящим от них обстоятельствам окажутся неудавшимися, ответственность этих лиц наступает за приготовление к соответствующему преступлению [1].

Однако следует указать, что законодатель не уточнил содержание неудавшегося соучастия организатора, подстрекателя и пособника и оценку их действий в зависимости от действий исполнителя.

Неудавшимися называют организационную деятельность, подстрекательство и пособничество, когда они остались безрезультатными (например, исполнитель передумал и не совершил преступление или вообще не собирался совершать преступления). В этих случаях исполнитель не совершил никаких общественно опасных противоправных деяний и не может быть привлечен к уголовной ответственности.

Под неудавшимся подстрекательством понимают попытку склонить исполнителя к преступлению, которая оказалась безрезультатной (исполнитель, например, добровольно отказался от продолжения преступления или по какой-то причине не успел выполнить задуманное).

Под неудавшимся пособничеством понимают оказание содействия исполнителю, который по какой-то причине не совершил преступление; либо исполнителю, который уже совершил преступление; либо лицу, которое и не собиралось совершать преступление.

Следовательно, неудавшимися подстрекательство и пособничество будут, если подстрекатель и пособник сделали все необходимое для совершения преступления, но исполнитель не мог его совершить.

В соответствии с ч. 8 ст. 16 УК Беларуси неудавшиеся попытки организатора, подстрекателя и пособника являются общественно опасными действиями и являются приготовлением к совершению преступления. Поэтому неудавшиеся организационная деятельность, подстрекательство и пособничество квалифицируются по ст. 13 УК Беларуси (приготовление к преступлению) и соответствующей статье Особенной части УК.

Э.А. Саркисова отмечает, что неудавшееся соучастие может быть в следующих случаях:

- 1) исполнитель по каким-либо причинам вообще отказался от совершения преступления, не начиная его совершать;
- 2) исполнитель добровольно отказался от доведения преступления до конца на стадии приготовления либо покушения на преступление;
- 3) начатое исполнителем преступление было прервано на стадии покушения на преступление по независящим от него обстоятельствам [2, с. 271].

Если исполнитель отказался от совершения преступления, не начиная его совершать, действия организатора, подстрекателя или пособника квалифицируются как приготовление к преступлению, которое охватывалось умыслом всех соучастников, в том числе и исполнителя. Действия указанных лиц также квалифицируются, если на стадии приготовления имел место добровольный отказ исполнителя от совершения преступления.

При подобной квалификации неудавшегося соучастия уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника в отношении преступлений, не представляющих большой общественной опасности, исключается в соответствии с ч. 2 ст. 13 УК Беларуси.

Согласно ч. 2 ст. 13 УК Беларуси приготовление к преступлению, не представляющему большой общественной опасности, уголовную ответственность не влечет.

Чем отдаленнее от последствия определенные действия организатора, подстрекателя или пособника, тем меньше вероятность наступления вредного последствия и меньше степень его общественной опасности. Приготовительные действия всегда менее общественно опасны, чем действия по осуществлению объективной стороны состава, образующие покушение. В связи с чем суд, определяя наказание за приготовление или за покушение, учитывая все названные обстоятельства, может признать покушение на подстрекательство или пособничество малозначительным и освободить лицо от наказания.

В случае, если преступление было уже начато, но исполнитель добровольно отказался от доведения его до конца, либо преступление не

было доведено до конца по обстоятельствам, не зависящим от исполнителя, то действия организатора, подстрекателя или пособника квалифицируются со ссылкой на ст. 14 УК Беларуси (покушение на преступление) и на соответствующую часть ст. 16 УК Беларуси (соучастие в преступлении).

Однако если следовать требованиям ч. 8 ст. 16 УК Беларуси, то необходимо квалифицировать действия организатора, подстрекателя или пособника, как приготовление к преступлению. Но ведь исполнитель уже совершает преступление, и приготовление должно быть поглощено покушением на преступление. Представляется, что проблемы в квалификации явились результатом смешения положений различных уголовно-правовых институтов: соучастия в преступлении и стадий совершения преступления.

Если начатое исполнителем преступление было прервано на стадии покушения по независящим от него обстоятельствам, то исполнитель преступления будет привлечен к уголовной ответственности.

В отношении же организатора в указанном случае уголовная ответственность исключается, хотя исполнитель будет подлежать уголовной ответственности. Но ведь наиболее опасной фигурой среди соучастников является организатор. На лицо противоречие и нарушение принципа справедливости реализации уголовной ответственности.

Следовательно, для разрешения вопроса квалификации неудавшегося соучастия представляется целесообразным дополнить ч. 8 ст. 16 УК: «В случае не доведения исполнителем до конца преступления на стадии покушения, ответственность организатора, исполнителя и пособника наступает за покушение на соответствующее преступление».

Иначе решается вопрос о квалификации действий организатора по созданию преступной организации либо руководству созданной преступной организацией или входящими в нее структурными подразделениями.

В п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 25.09.2003 г. № 9 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с созданием и деятельностью организованных групп, банд и преступных организаций» обращено внимание судов на то, что совершение преступлений организованными группами, бандами и преступными организациями является наиболее опасной формой преступности [3].

Создание преступной организации уже рассматривается законом как оконченное преступление. Следовательно, действия организатора в данном случае квалифицируются по ст. 285 УК Беларуси (создание преступной организации либо участие в ней) без ссылки на ст. 14 УК и

ст. 16 УК Беларуси, независимо от того, отказался или нет исполнитель от совершения преступления.

Таким образом, понятие «неудавшееся соучастие» в действующем уголовном законодательстве Республики Беларусь не используется, а среди ведущих ученых не наблюдается единства мнений о вопросах квалификации неудавшегося соучастия, что создает определенные трудности как для квалификации преступлений, совершенных в соучастии, так и для индивидуализации ответственности и наказания. Необходимо дальнейшее глубокое и обоснованное изучение проблемы неудавшегося соучастия в преступлении.

Литература:

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2016.

2. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть: учебное пособие / Э.А. Саркисова. – Минск: Тесей, 2005. – 592 с.

3. О судебной практике по делам о преступлениях связанных с созданием и деятельностью организованных групп, банд и преступных организаций: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 25.09.2003 г., № 9 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2016.

УДК 343.343.5

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ ОБЯЗАННОСТИ ПО ЗАЩИТЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Г.А. Василевич,

*доктор юридических наук, профессор,
Белорусский государственный университет*

Конституционной обязанностью и священным долгом гражданина Республики Беларусь является защита Республики Беларусь. При этом согласно статье 57 Основного Закона не только порядок прохождения воинской службы, но и основания и условия освобождения от воинской службы либо замена ее альтернативной определяются законом.

После вступления 30 марта 1994 года Конституции Республики Беларусь в силу судебная и иная правоприменительная практика развивалась, мягко говоря, не вполне корректно, как это было предусмотрено конституционными нормами. Это вызвало необходимость принятия 26 мая 2000 года Конституционным Судом Республики Беларусь реше-

ния N Р-98/2000 «О некоторых вопросах реализации статьи 57 Конституции Республики Беларусь».

Проанализировав нормы Основного Закона, в первую очередь те из них, которые касаются основных прав, свобод и обязанностей граждан и гарантий их обеспечения (статьи 2, 16, 21, 31, 57) применительно к рассматриваемому вопросу, нормы международно-правовых актов, относительно которых Республика Беларусь взяла на себя обязательство их выполнять, другие нормы действующего национального законодательства и практику их применения, Конституционный Суд пришел к выводу, что граждане Республики Беларусь по причине религиозных убеждений не имеют возможности на практике выполнить свою обязанность по защите Республики Беларусь путем прохождения альтернативной службы в связи с отсутствием в законодательстве, в том числе и в Законе «О всеобщей воинской обязанности и военной службе», механизма замены воинской службы альтернативной.

Конституционный Суд отмечает, что этот законодательный пробел дает основания для возникновения конфликтов между отдельными гражданами и государством, поскольку не обеспечиваются в полной мере права граждан в Республике Беларусь, гарантированные Конституцией, не определяются границы их осуществления. Право граждан на альтернативную службу вытекает непосредственно как из статьи 57 Конституции, так и Закона «О всеобщей воинской обязанности и военной службе» (часть пятая статьи 1 и часть третья статьи 14).

Законы, указанные в Конституции, необходимо было принять на протяжении двух лет после ее вступления в силу, это значит до 30 марта 1996 г. Принимая такое решение, законодатель исходил из реальных сроков разработки как других, определенных в Конституции законов, так и закона об альтернативной службе. Однако ни Верховный Совет XII созыва, ни Верховный Совет XIII созыва не исполнили этого требования и не решили вопросы об основаниях и условиях замены воинской службы альтернативной и порядке ее прохождения путем принятия специального закона или путем внесения соответствующих изменений и дополнений в действующий Закон «О всеобщей воинской обязанности и военной службе».

Конституционный Суд отметил, что ежегодно несколько десятков граждан Республики Беларусь призывного возраста с учетом их религиозных убеждений направляются в железнодорожные войска, служба в которых, в отличие от других воинских формирований, позволяет при сложившихся обстоятельствах учитывать интересы не только государства, но и личности, обеспечивает выполнение гражданами Республики Беларусь своей обязанности и долга по защите Республики Беларусь, в

том числе теми из них, которые по религиозным убеждениям не могут в полном объеме нести воинскую службу. Большая роль в решении вопросов, связанных с преодолением конфликтных ситуаций при призыве таких граждан на воинскую службу, при отсутствии соответствующего законодательного механизма, принадлежит призывным комиссиям.

В соответствии с требованиями статьи 112 Конституции Республики Беларусь суды должны осуществлять правосудие на основе Конституции и принятых в соответствии с ней иных нормативных актов. Конституционный Суд в связи с этим посчитал, что привлечение таких граждан Беларуси к уголовной ответственности может иметь место только с учетом требований вышеприведенных норм Конституции и с учетом сложившейся практики по созданию условий для прохождения воинской службы гражданами Республики Беларусь таким образом, чтобы обеспечивалось уважение их религиозных убеждений.

В своем решении Конституционный Суд подтвердил право граждан Республики Беларусь в соответствии с Конституцией и действовавшим на тот момент Законом «О всеобщей воинской обязанности и военной службе» (статьи 1 и 14), в частности, по религиозным убеждениям на замену воинской службы альтернативной, которое должно быть обеспечено действенным механизмом его реализации. На период до решения на законодательном уровне вопросов об основаниях и условиях замены воинской службы альтернативной и порядке ее прохождения согласился, с учетом исключительности обстоятельств, с практикой создания компетентными государственными органами в соответствии со статьями 31, 57 и 59 и другими статьями Конституции условий для выполнения гражданами Республики Беларусь возложенной на них обязанности по защите Республики Беларусь в тех формах, которые не нарушают их религиозных убеждений.

При решении компетентными государственными органами вопросов об ответственности за уклонение от прохождения воинской службы необходимо определять, в какой мере те или иные действия гражданина связаны с реализацией им своего конституционного права на замену по религиозным убеждениям воинской службы альтернативной либо с отказом от прохождения воинской службы в таких условиях, которые не обеспечивают уважение его религиозных убеждений. В каждом конкретном случае этими органами должны быть приняты все меры по всестороннему и надлежащему изучению всех обстоятельств дела как в целях обеспечения прав и свобод граждан, которые желают исполнить свою обязанность по защите Республики Беларусь в иных разрешенных формах, так и в целях исключения злоупотреблений со стороны некото-

рых лиц, которые таким образом имеют намерение уклониться от воинской службы.

Хотя и опозданием, но все же закон об альтернативной службе был принят, 4 июня 2015 года (вступил в силу 1 июля 2016 года). Альтернативная служба определяется как общественно-полезная деятельность, осуществление которой возлагается на граждан Республики Беларусь взамен воинской службы. На альтернативную службу могут быть направлены граждане, подлежащие призыву на срочную военную службу, службу в резерве, годные по состоянию здоровья и физическому развитию к прохождению срочной военной службы, службы в резерве, лично заявившие о том, что принятие Военной присяги, ношение, применение оружия или непосредственное участие в производстве и обслуживании оружия, боеприпасов и боевой техники противоречат их религиозным убеждениям в той мере, в которой становится невозможным прохождение воинской службы.

На наш взгляд, и воинская служба, и альтернативная ей гражданская служба, несмотря на свою специфику, направлены на реализацию гражданами Республики Беларусь конституционной обязанности по защите Республики Беларусь. В этой связи вызывают большие сомнения правильность подхода законодателя, который дифференцировал уголовную ответственность за уклонение от выполнения этой обязанности в зависимости от того, идет речь о воинской или альтернативной службе. Так, это обнаруживается, если сопоставить только некоторые статьи УК Беларуси. Согласно статье 465-1 УК неявка гражданина, в отношении которого принято решение о замене воинской службы на альтернативную службу, без уважительных причин в орган по труду, занятости и социальной защите по месту своего жительства в срок, указанный в направлении военного комиссариата (обособленного подразделения военного комиссариата), наказывается общественными работами, или штрафом, или исправительными работами на срок до одного года.

Уклонение от мероприятий призыва на воинскую службу следует наказание в виде штрафа, или ареста, или ограничения свободы на срок до двух лет, или лишения свободы на тот же срок (часть первая статьи 435 УК).

В то же время согласно части третьей статьи 465-2 УК Беларуси уклонение гражданина от прохождения альтернативной службы путем умышленного причинения себе телесного повреждения (членовредительство) или симуляции заболевания наказывается лишением свободы на срок **до шести лет**. В соответствии с частью второй статьи 435 УК Беларуси уклонение от мероприятий призыва на воинскую службу, совершенное путем умышленного причинения себе телесного поврежде-

ния, либо симуляции заболевания, либо подлога документов или иного обмана, наказывается ограничением свободы на срок **до пяти лет** или лишением свободы на тот же срок. Когда идет речь о лицах, привлекаемых на альтернативную службу, в статье не предусматривается ответственность подлог документов. Этот ряд нестыковок можно продолжить. К сожалению, они не отмечены и в решении Конституционного Суда от 27 мая 2015 года.

Какие-либо объяснения «послаблений» для «альтернативщиков» можно было принять к сведению, если бы подход в целом был последовательным. Полагаем, что нормы Уголовного кодекса должны быть гармоничными и обеспечивать разумную согласованность.

УДК 343.348

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ, СВЯЗАННЫХ С РАСЧЛЕНЕНИЕМ ТРУПА

Д. Г. Василевич,

кандидат юридических наук,

Генеральная прокуратура Республики Беларусь

Поводом для подготовки данной публикации явилась ситуация, которая имела место в Минске несколько лет назад, когда мать (Галина Цинявская) согласно обвинению и последующему приговору суда была осуждена за то, что помогла расчленить тело убитой ее сыном девушки. Эта женщина уже вышла на свободу [1]. Она была осуждена за укрывательство преступления. Хотя возникали вопросы и, полагаем, остаются, о том, что ее следовало привлекать к ответственности по статье 347 Уголовного кодекса за надругательство над трупом. Как сообщалось, в исправительной колонии 51-летняя минчанка пробыла с февраля 2015 года (был засчитан срок содержания под стражей с июля 2014 года). Ее сын, который убил и расчленил девушку, был приговорен к 17 годам лишения свободы. Жертва убийцы пропала в июле 2014 года, после того, как отправилась в Минск на встречу с молодым человеком. В одной из квартир Минска убийца, находясь в состоянии алкогольного опьянения, во время ссоры брючным ремнем задушил девушку. Чтобы скрыть следы преступления, он расчленил тело жертвы. А подросевшая «на помощь» его мать уничтожила в забрызганной кровью квартире внутренние органы девушки: сварила их и некоторые другие части тела девушки, затем измельчила их и спустила в канализацию (можно только предположить, что тем самым скрывался факт изнасилования). После этого все останки и вещи убитой минчане вынесли в лесополосу неподалеку от дома и сожгли – от тела жертвы не осталось почти ничего.

Более того, чтобы скрыть следы преступления, Цинявские планировали сделать ремонт в квартире – и даже успели с этой целью купить строительные материалы [2]. Тело девушки было уничтожено до такой степени, что эксперты оказались не в состоянии сделать конкретное заключение о том, каким способом было совершено убийство и что стало причиной смерти. В основе обвинения – показания подсудимых. Они полностью признали вину в содеянном: соответственно в убийстве и в расчленении трупа.

Возникает вопрос о квалификации действий матери убийцы. Она была привлечена к ответственности по ч. 2 ст. 405 (Укрывательство лица, совершившего особо тяжкое преступление, орудий и средств совершения этого преступления, следов преступления) (максимальная мера наказания – лишение свободы до двух лет), а также по ч. 1 ст. 377 Уголовного кодекса Беларуси («Хищение, уничтожение, повреждение либо сокрытие документов, штампов, печатей, хищение бланков»).

Однако нет ли здесь оснований для привлечения ее к уголовной ответственности по статье 347 Уголовного кодекса за надругательство над трупом (максимальная мера наказания – лишение свободы – до трех лет). Как отмечено выше, тело девушки было уничтожено до такой степени, что эксперты оказались не в состоянии сделать конкретное заключение о том, каким способом было совершено убийство и что стало причиной смерти, внутренние органы и некоторые части тела девушки были сварены, затем измельчены и спущены в канализацию.

Достаточно часто подчеркивается, что якобы надругательство имеет только «демонстративные формы, когда преступник хочет вызвать негативные впечатления – вырезает на теле неприличные знаки или надписи, выкалывает глаза, лишает жертву определенных органов или частей тела». Однако, на наш взгляд, ничто не препятствует привлечению виновного лица к ответственности по статье за надругательство над трупом, когда он производит его расчленение вне зависимости от желания «опозорить» либо это продиктовано иной более важной целью – скрыть следы преступления. Одно дело, когда это осуществляет убийца: привлечение к ответственности по данной статье формально не влияет на квалификацию его деяния (убийство), но, действительно, характеризует личность преступника. Другое – когда речь идет об оказании иным лицом помощи в расчленении трупа после убийства человека.

С точки зрения русского языка «надругательство» понимается как оскорбительное, грубое издевательство, кощунство [3, с. 380]. По сути, идет речь об оскверняющих тело человека действиях. Разве расчленение тела не оскорбляет память о нем со стороны близких, знакомых и других людей, не оскверняет их чувства? Конечно, да!

Представители белорусской науки уголовного права, рассматривая данный вопрос отмечают, что надругательство над трупом может выражаться в совершении безнравственных, порочащих или позорящих тело человека действиях, противоречащих сложившимся традициям и обрядам погребения. К ним они относят, в частности, и расчленение тела [4, с. 927]. Однако в прозвучавших по делу Цинявских комментариях специалистов в области уголовного права не было высказана позиция о том, что Цинявскую следует привлекать к ответственности за надругательство над телом погибшей.

Российские авторы также подчеркивают, что надругательство над телом умершего человека выражается и в таких безнравственных действиях как расчленение трупа [5]. Но многие представители российской юридической науки при этом указывают, что при расчленении тела умершего человека надругательство выражается в том, что такие действия противоречат принятым традициям и обычаям погребения, достойному отношению к телу человека после его смерти в соответствии с обычаями и традициями, сложившимися в обществе. При совершении расчленения тела вменяемое лицо не может не сознавать, что его действия являются оскорбительно грубым издевательством по отношению к традициям и обычаям погребения.

Разделяем позицию В.А. Джемелинского, который указывает, что «надругательство» представляет совокупность активных действий в отношении захороненных (незахороненных) человеческих останков, нарушающих обычаи, традиции и установленный обрядами порядок погребения и поминовения умерших, оскорбляющих память об умерших и (или) чувства их близких и совершаемых в целях, не одобряемых обществом [6, с.36].

На основании вышеизложенного, считаем, что «надругательство» следует понимать как неуважительные и безнравственные действия в отношении тела умершего человека или его останков (праха), нарушающие право каждого человека на достойное отношение к его телу после смерти.

Поэтому полагаем, что правоприменительную практику следовало направить по пути применения статьи 347 УК Республики Беларусь, когда лицо совершает расчленение трупа, независимо от того, совершает это близкий родственник или другое лицо, имеет это какие-то «демонстративные» формы или нет. Сам факт расчленения уже погибшего человека должен рассматриваться как надругательство над ним.

Редакция статьи 347 УК позволяет перейти к такой практике. В трансформации правоприменительной практики нет ничего неприемлемого. Опыт судов европейских государств свидетельствует, что в не-

которых случаях они изменяют собственную позицию, но в таких случаях обычно она дополнительно аргументируется. Полагаем, что и наша следственная и иная правоприменительная практика также может быть несколько скорректирована.

В свое время получило широкую огласку также дело Павла Селюна. Он убил свою супругу и ее любовника, труп последнего он расчленил и выбросил в мусорный бак, а голову забрал с собой. С головой в сумке его и задержали в поезде в Волковыске. 12 июня 2013 года Гродненский областной суд признал виновным Павла Селюна по четырем статьям Уголовного кодекса: убийство двух лиц, совершенное с особой жестокостью; кража; надругательство над трупами; хищение личных документов [7].

Если сравнивать действия Селюна и указанных лиц, в частности матери, которая помогла расчленить тело, сварила внутренности убитой, затем они сожгли расчлененное тело, то степень надругательства над телом убитой неизмеримо выше, чем действия Селюна. Родственникам погибшей девушки практически нечего было хоронить, не было возможности попрощаться с погибшей. Полагаю, что даже информация о некоторых подробностях убийства и последующих действиях Цинявских у нормального человека вызывает жуткое впечатление.

В СМИ уже звучали предложения об усилении ответственности за надругательство над трупом. Так, профессор кафедры уголовного права и криминологии Академии МВД Э. А. Саркисова считает, что «поскольку это крайне безнравственное, циничное действие, которое наносит вред обществу, разлагает его моральные принципы, законодателям можно подумать над усилением ответственности за это преступление, например, можно исключить из санкции ч.1 ст. 347 УК такие наказания, как штраф, арест. А для наказаний в виде ограничения свободы и лишения свободы увеличить максимальные сроки. Более того, поскольку сейчас на практике часто назначается ограничение свободы без направления в исправительные учреждения открытого типа, можно было бы дифференцировать этот вид наказания либо исключить его вообще из санкции» [8]. Разделяя эту позицию, также считаем, что статья 347 УК Республики Беларусь также должна быть дополнена указанием на ответственность за надругательство не только над телом, но и над прахом человека.

Возникают также вопросы об ответственности близких родственников и членов семьи за укрывательство преступника. Полагаем, что этот вопрос находится в компетенции законодательного органа. Как видим, есть ситуации, когда близкие родственники стремятся воспрепятствовать привлечению к уголовной ответственности лица, совер-

шившего преступление (например, родители – по отношению к детям). В зарубежных странах укрывательство в целях воспрепятствования привлечению к ответственности, совершенное родственником, часто ненаказуемо либо имеет свои особенности.

Анализ статей уголовных кодексов Беларуси, России и Казахстана, предусматривающих ответственность за укрывательство, показывает, что они различаются. В Республике Беларусь заранее не обещанное укрывательство лица, совершившего тяжкое преступление, либо орудий и средств совершения этого преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путем, наказывается штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом. То же деяние в отношении особо тяжкого преступления наказывается арестом, или ограничением свободы на срок до двух лет, или лишением свободы на тот же срок (ст. 405). В российском УК закреплено, что заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет (ст. 316). При этом согласно примечанию к этой статье лицо не подлежит уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступления, совершенного его супругом или близким родственником. Схожая редакция предусмотрена УК Казахстана: заранее не обещанное укрывательство коррупционного, тяжкого или особо тяжкого преступления наказывается штрафом в размере до шести тысяч месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо ограничением свободы на срок до шести лет, либо лишением свободы на тот же срок (ст. 432). Также, как и в российском УК, согласно примечанию к статье лицо не подлежит уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступления, совершенного его супругом (супругой) или близким родственником. Позиция российских и казахстанских разработчиков проектов УК и законодателей не бесспорна, но позволяют высказать предложение о внесении изменений в примечание к ст. 405 УК, согласно которым ответственность членов семьи, близких родственников наступает за заранее не обещанное укрывательство особо тяжкого преступления, связанного с посягательством на жизнь и здоровье человека. За укрывательство иных преступлений, в том числе, экономического характера, ответственность членов семьи, близких родственников преступника наступать не должна. Основанием для такого подхода являются положения статьи 27 во взаимосвязи со статьей 23 Конституции Республики Беларусь.

Литература

1. Мать, помогавшая расчленить сыну тело убитой им Юлии Соломатиной, уже вышла на свободу [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.moyby.com/news/232359/>. – Дата доступа: 10.08.2016.
2. Мама, которая помогла сыну избавиться от тела убитой девушки, вышла на свободу спустя два года: [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://news.21.by/society/2016/08/10/1227179.html>. – Дата доступа: 10.08.2016.
3. Толковый словарь русского языка/ Под ред. Ожегова С.И., Шведовой Н.Ю. М., 2001, – 944 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь /Н.Ф. Ахраменка, Н.А. Бабий, А.В. Барков и др.; Под общ. Ред. А.В. Баркова. – Мн. : Тесей, 2003. – 1200 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 13-е издание, переработанное и дополненное/ Ответственный редактор - Председатель Верховного Суда Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук В.М. Лебедев: [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://new.vk.com/doc20131339_230172381?hash=defefb4350bc48e599&dl=ceb3895c8416b5ccc4. — Дата доступа: 1.07.2016.
6. Джемелинский В.А. Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования надругательств над телами умерших и местами их захоронения/Дисс. канд. наук. М., 2005. — С. 36.
7. В Беларуси исполнен смертный приговор: расстрелян 23-летний Павел Селюн: [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://news.tut.by/society/395769.html>. — Дата доступа: 1.07.2016.
8. Пять вопросов о приговоре по делу о зверском убийстве Юлии Соломатиной: [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://gazetaby.com/cont/art.php?sn_nid=89695. — Дата доступа: 03.07.2016.

**СОДЕРЖАНИЕ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНА И КОНСТРУИРОВАНИЕ СОСТАВОВ
ПОСЯГАТЕЛЬСТВ И ПРАВОВЫХ НОРМ**

И.О. Грунтов,

доктор юридических наук, доцент,

Белорусский государственный университет

1. Уголовно-правовые принципы – это основополагающие исходные предписания, обязательные для законодателя, правоприменительных органов и граждан в сфере борьбы с преступностью. По принципам права выверяют, насколько конкретный нормативный акт законен, действительно является формой выражения права. Безусловное соответствие любой уголовно-правовой новеллы принципам права – это важный (хотя и опосредованный) критерий ее социальной обусловленности и необходимое условие эффективности применения этой новеллы [1]. В ч. 6 УК Беларуси раскрывается содержание принципа справедливости как постулата уголовной ответственности. Учитывая название ст. 3 УК Беларуси (Принципы уголовного закона и уголовной ответственности), в части шестой этой статьи следовало бы раскрыть и содержание принципа справедливости в уголовном законе. Нынешняя редакция ч. 6 ст. 3 УК Беларуси наполовину отражает идею законодателя. В ней отсутствует указание о том, что закон также должен основываться на принципе справедливости.

2. В отечественной и российской научной литературе вопрос о том, каково содержание справедливости как принципа назначения наказания довольно подробно рассматривался [2]. Как правило, ученые рассматривали не всю эту проблему, а только отдельную ее часть (содержание этого постулата адресованное правоприменителю). Вместе с тем вопрос о том, каково содержание принципа справедливости адресованного законодателю, по какому алгоритму должны формироваться уголовно-правовые нормы Общей части УК и конструироваться конкретные составы преступлений, не рассматривался вовсе. В этой связи остановимся на этом подробнее.

3. Понятие «справедливость» имеет обыденное, нравственное, философское и правовое содержание. В литературе отмечают, что «справедливость – является одним из высших принципов взаимных отношений между людьми»[3]. В философской литературе пишут, что «правовая справедливость есть равенство единиц, она полностью укладывается в каноны арифметического равенства ... люди равны в качестве «соучредителей» социального пространства» [4]. «Справедливый человек и

справедливое общество суть такие, которые могут найти нравственную меру в распределении благ, а нравственной может считаться такая мера, которая устраивает всех и на которую получено согласие тех, на чью долю выпадает больше тягот» [5]. Философ Джон Ролз в своей работе «Теория справедливости» пишет, что «основная идея заключается в том, что общество правильно устроено, и, следовательно, справедливо, когда его основные институты построены так, чтобы достичь наибольшего баланса удовлетворения для всех индивидов этого общества» [6]. Базисной структурой общества является построение главных социальных институтов с учетом принципа социальной справедливости, при котором основные институты общества и государства построены так, чтобы был достигнут наибольший баланс интересов для всех социальных групп и индивидов этого общества. По этому поводу И.А. Ильин пишет: «Не всякая борьба за существование есть борьба за право, и не всякий компромисс имеет по содержанию и по форме правовую природу. Задача людей не в том, чтобы находить «компромисс», но в том, чтобы превращать всякий компромисс в явление правовой солидарности...» [7].

Юридические аспекты содержания принципа справедливости рассматривали отдельные философы. Так Г. Спенсер по поводу нравственности и справедливости пишет: «... В чем состоят требования справедливой уголовной системы: посягатель должен или возвратить отнятое, или дать за него вознаграждение; он должен подвергнуться тем стеснения, какие требуются общественной безопасностью; на него не может быть наложено никакое стеснение, выходящее за эти пределы, никакое лишнее взыскание...» [8].

4. Система Особенной части УК построена на специфической основе классификации объектов правовой охраны. Расположение глав и объединение составов посягательств в главах отражают ценность, охраняемым общественными отношениями для общества и государства. Законодатель в таком конструктивном решении дает аксиологическую (ценностную) характеристику объектов уголовно-правовой охраны [9]. Уголовный кодекс представляет собой своеобразный исторический документ, через призму которого, как в зеркале, видна система социальных ценностей в данный период существования общества и государства и меры, применяемые для их защиты: насколько они адекватны, эффективны и разумны [10]. Структура общественного отношения, охраняемого уголовно-правовой нормой включает в себя: субъекты отношения; предмет по поводу чего возникло отношение (социальная ценность); связь между субъектами [11]. Нравственно-философское содержание принципа справедливости должно быть положено в основу раскрытия с помощью юридических признаков общего алгоритма для создания составов пося-

гательств и других правовых норм Общей части УК. С учетом этого сущность принципа справедливости как постулата уголовного закона состоит в сбалансированном учете равенства прав и обязанностей субъектов общественных отношений по их содержанию и социальной ценности, который должен быть положен в основу конструирования объективных признаков посягательства, квалифицирующих обстоятельств и санкций составов преступлений, а также моделей правовых норм Общей части УК.

5. Конструирование составов преступлений и правовых норм Общей части УК Беларуси, как правило, соответствует содержанию принципа справедливости. Вместе с тем в отдельных ситуациях в созданные модели составов посягательств и правовых нормах не в полной мере положен в основу сбалансированный учет равенства прав и обязанностей субъектов общественных отношений по их содержанию и социальной ценности. Рассмотрим это.

Пример. В ст. 314 УК Беларуси предусматривается ответственность за нарушение правил безопасности движения или эксплуатации железнодорожного, воздушного, водного транспорта или метрополитена. Непосредственным объектом преступления являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, водного транспорта или метрополитена.

Объективная сторона посягательства имеет материальную конструкцию и включает в себя: деяние, последствие и причинную связь между деянием и наступившим последствием. Деяние состоит в нарушении правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, водного транспорта или метрополитена. В качестве последствия этого преступления названо причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения либо ущерба в особо крупном размере. Субъективная сторона посягательства характеризуется неосторожной виной. Субъект преступления специальный – лицо, обязанное в силу выполняемой работы или занимаемой должности соблюдать правила безопасности или эксплуатации перечисленных видов транспорта.

Состав посягательства имеет квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки: ч. 2 «То же деяние, повлекшее по неосторожности смерть человека»; ч. 3 «Деяние, предусмотренное частью 1 настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц».

В ст. 316 УК Беларуси предусматривается ответственность за нарушение правил безопасности движения или эксплуатации маломерных судов. Непосредственным объектом преступления являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность движения и эксплуатации маломерных судов.

Объективная сторона состава посягательства имеет материальную конструкцию и включает в себя: деяние, состоящее в нарушении правил безопасности движения и эксплуатации маломерных судов; последствие в виде причинения менее тяжкого телесного повреждения; причинную связь между деянием и последствием. Субъективная сторона посягательства характеризуется неосторожной виной. Субъект преступления лицо – лицо, управляющее маломерным водным судном.

Состав посягательства имеет квалифицирующие признаки: ч. 2 «То же деяние, повлекшее по неосторожности смерть человека или причинение тяжкого телесного повреждения».

В ст. 317 УК Беларуси предусматривается ответственность за нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств. Непосредственным объектом преступления являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность движения и эксплуатации механических транспортных средств, предназначенных для движения по дороге и для перевозки пассажиров, грузов или установленного на нем оборудования.

Объективная сторона посягательства имеет материальную конструкцию и включает в себя: деяние, последствие и причинную связь между деянием и наступившим последствием. Деяние состоит в нарушении правил безопасности движения и эксплуатации механического транспортного средства, предназначенного для движения по дороге. В качестве последствия этого преступления названо причинение менее тяжкого телесного повреждения. Субъективная сторона посягательства характеризуется неосторожной виной. Субъект преступления специальный – лицо, непосредственно осуществлявшее управление механическим транспортным средством.

Состав посягательства имеет квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки: ч. 2 «То же деяние, повлекшее по неосторожности смерть человека либо причинение тяжкого телесного повреждения»; ч. 3 «Деяние, предусмотренное частью 1 настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц»; ч. 4 «Нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств лицом, управляющим транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, повлекшее по неосторожности смерть человека либо причинение тяжкого телесного повреждения»; ч. 5 «Деяние, предусмотренное частью 4 настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц».

Не является обоснованным и объективным утверждение о том, что употребление спиртных напитков или других одурманивающих веществ характерно только для лиц управляющих механическими транспортными средствами на дорогах и не свойственно лицам, управляющими маломерными судами или работникам железнодорожного, воздушного, водного транспорта или метрополитена. С учетом этого, сравнивая квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки этих составов преступлений, нетрудно заметить, что следовало бы предусмотреть повышенную ответственность в ст. 314 ч.4 и ч. 5 и в ст. 316 ч. 2 УК Беларуси за нарушение правил движения или эксплуатации этих транспортных, повлекшие последствия, предусмотренные этими частями виновным лицом, в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ. Такое решение законодателя соответствовало бы принципу справедливости. Используя такой же ход рассуждений, трудно объяснить, почему в ст. 161 УК Беларуси (Неоказание медицинской помощи больному лицу) имеется состав с квалифицирующими признаками (ч.2 то же деяние, повлекшее по неосторожности смерть больного лица либо причинение тяжкого телесного повреждения), а в ст. 160 УК Беларуси (Неоказание капитаном судна помощи терпящим бедствие) отсутствуют квалифицирующие признаки вовсе и др.

Пример. В ч. 1 ст. 161 УК Беларуси предусматривается ответственность за неоказание медицинской помощи больному. Непосредственным объектом преступления являются общественные отношения, обеспечивающие неприкосновенность жизни и здоровья человека от противоправного виновного деяния другого человека.

Объективная сторона посягательства имеет формальную конструкцию. Деяние характеризуется неоказанием помощи больному без уважительных причин. Субъективная сторона предполагает наличие прямого умысла. Субъект преступления – специальный (медицинские и фармацевтические работники, а также лица, обязанные оказывать больным в соответствии с законом или специальными правилами).

В ч. 2 ст.161 УК Беларуси предусматривается повышенная ответственность за: «Тоже деяние, повлекшее по неосторожности смерть больного лица либо причинение тяжкого телесного повреждения». С субъективной стороны в части этой статьи закреплена ситуация «сложной вины». В ст. 25 УК Беларуси отмечается: «Сложная вина характеризуется умышленным совершением преступления и неосторожностью по отношению к наступившим в результате этого преступления последствиям, с

которыми закон связывает повышенную ответственность. В целом такое преступление признается умышленным».

Следовательно, посягательство, предусмотренное в ч. 2 ст. 161 УК Беларуси в соответствии с законом является умышленным. Санкция является справедливой, когда она соответствует тяжести описанного в законе преступного деяния и согласуется с санкциями, предусмотренными за совершение других преступлений. Санкция ч. 2 ст. 161 УК Беларуси предусматривает ответственность в виде: лишения свободы на срок до трех лет со штрафом, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения. Сравним санкцию этой нормы с некоторыми другими конструкциями: ч. 1 ст. 139 УК Беларуси (Убийство) – лишение свободы на срок от шести до пятнадцати лет; ч. 1 ст. 147 УК Беларуси – (Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения) – ограничение свободы на срок от трех до пяти лет или лишение свободы на срок от четырех до восьми лет. Нетрудно заметить, что конструкция санкции ч. 2 ст. 161 УК Беларуси не является справедливой, так как не согласуется с санкциями, предусмотренными за совершение других преступлений.

Пример. В ч. 2 ст. 206 УК Беларуси предусматривается ответственность за грабеж, соединенный с насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия. В ч. 1 ст. 207 УК Беларуси устанавливается ответственность за разбой. Под разбоем понимается применение насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо угроза применения такого насилия с целью непосредственного завладения имуществом.

В отличие от грабежа, при разбое потерпевшему минимум причиняются легкие телесные повреждения, повлекшие за собой кратковременное расстройство здоровья либо незначительную стойкую утрату трудоспособности. Кратковременным признают расстройство здоровья, непосредственно связанное с повреждением, продолжительностью более шести дней, но не свыше трех недель [12]. Причинение расстройства здоровья, связанное с повреждением продолжительностью менее семи дней, рассматривается как признак квалифицированного грабежа.

С объективной стороны разбой является юридически оконченным преступлением с момента применения насилия либо угрозы применения с целью непосредственного завладения имуществом. Грабеж считается юридически оконченным преступлением со времени, когда виновный завладел имуществом и получил реальную возможность пользоваться и распоряжаться им. В части второй ст. 206 УК Беларуси сказано: «Грабеж, соединенный с насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего...». Исходя из этого, данный вид квалифицированного гра-

бежа также имеет с объективной стороны материальную конструкцию. Различные конструкции объективной стороны разбоя и квалифицированного грабежа могут создавать определенные труднообъяснимые ситуации.

Например, виновный с целью непосредственного завладения чужим имуществом применил незначительное по характеру насилие к потерпевшему, однако по независящим от него причинам не смог в дальнейшем осуществить свои намерения. Если потерпевшему будет причинено расстройство здоровья, непосредственно связанное с повреждением, продолжительностью более шести дней, то все содеянное будет рассматриваться как юридически оконченный разбой.

В ситуации, когда такому лицу будет причинено расстройство здоровья, непосредственно связанное с повреждением, продолжительностью менее семи дней, все совершенное будет оцениваться как покушение на грабеж.

Интеллектуальное и волевое отношение лица к ценностям, охраняемым этими правовыми нормами в этих двух посягательствах весьма схожее, однако одно общественно опасное поведение квалифицируется как юридически оконченное, другое как покушение на преступление. В этой связи с учетом содержания принципа справедливости желательно сконструировать объективную сторону этого квалифицированного грабежа как формальную модель посягательства.

Литература:

1. Дагель, П.С. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация деяния / П.С. Дагель [и др.]; под ред. В.Н. Кудрявцева и А.М. Яковлева. – М.: Наука, 1982. – С. 228 – 229.
2. Шидловский, А.В. Назначение наказания по уголовному праву Беларуси / А.В. Шидловский. – Минск: БГУ, 2015. – С. 119.
3. Брокгауз, Ф.А. Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз / под ред. И. Е. Андриевского. – СПб., 1890 – 1907. – С. 2431 – 2440.
4. Новая философская энциклопедия. В 4-х т. / науч.-ред. совет: В.С. Степин, заместит. А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов / Институт философии Рос. акад.-наук и Нац. обществ. науч. фонд. – Том третий.: Мысль, 2010. – 692 с.
5. Новая философская энциклопедия. В 4-т. / науч.-ред. совет: В.С. Степин, заместит. А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов / Институт философии Рос. акад.-наук и Нац. обществ. науч. фонд.- Том третий.: Мысль, 2010. – 692 с.
6. Ролз, Д. Теория справедливости / Д. Ролз. – Новосибирск: Новосибир. ун-т, 1995. – С.128 –130.

7. Ильин, И.А. О сущности правосознания. Т.IV / И.А. Ильин. – М., 1994. – С. 864 – 902.

8. Спенсер, Г. Опыты научные, политические и философские / Г. Спенсер. – Минск: Современная литература, 1989. – С. 127.

9. Кузнецов, А.В. Уголовное право и личность / А.В. Кузнецов. – М.: Юрид. лит-ра, 1977. – С. 65.

10. Грунтов, И.О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве / И.О. Грунтов. – Минск: Тесей, 2012. – С. 3.

11. Глистин, В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений) / В.К. Глистин. – Л.: ЛГУ. – 1979. – С. 123.

12. Правила судебно-медицинской экспертизы характера и тяжести телесных повреждений в Республике Беларусь: приказ Белорусской государственной службы судебно-медицинской экспертизы от 1 июля 1999 г. № 38-с «О нормативных правовых актах и методических документах Белорусской государственной службы судебно-медицинской экспертизы» // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр. правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

УДК 343.553

НЕЗАКОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПО УСЫНОВЛЕНИЮ (УДОЧЕРЕНИЮ) ДЕТЕЙ: ОСНОВАНИЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ

*Д.Л. Гулякевич,
кандидат юридических наук,
Белорусский государственный университет*

Состав незаконных действий по усыновлению (удочерению) детей был введен в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) в 2003 г. Ответственности за это преступление подлежат лица, не уполномоченные законодательством Республики Беларусь на совершение действий по подбору и передаче детей на усыновление (удочерение) от имени или в интересах лиц, желающих их усыновить (удочерить), при условии, что они уже привлекались к административной ответственности в течение года за такое же нарушение (административная преюдиция), а также за склонение ими к согласию на усыновление (удочерение) детей из корыстных побуждений.

Общественная опасность данного деяния обусловлена потенциальной угрозой причинения вреда усыновленному (удочеренному) ребенку, что может реально произойти, прежде всего, в результате незаконных действий по усыновлению (удочерению). Подобная (но с рядом отли-

чий) норма была введена и в УК Российской Федерации (далее – УК РФ). Можно согласиться с российскими учеными, что общественная опасность этого преступления заключается в том, что незаконное устройство детей может угрожать их жизни, здоровью, нравственному и психическому развитию, нарушить право на учет их этнического происхождения, принадлежности к определенной религии и культуре, родного языка, возможности обеспечения преемственности в воспитании и образовании [1, с. 215]. Кроме того, общественная опасность данного деяния прямо вытекает из положений ст. 21 Конвенции ООН «О правах ребенка», согласно которым усыновление ребенка должно разрешаться только компетентными властями в соответствии с применимыми законом и процедурами и на основе всей относящейся к делу достоверной информации. Строгие требования, касающиеся международного усыновления, установлены в Конвенции по защите детей и сотрудничеству в отношении международного усыновления, заключенной в г. Гааге 29 мая 1993 г. [2, ст. 4, 5]. Рассматриваемый запрет вытекает также из необходимости обеспечения законности в осуществлении мероприятий по защите прав и законных интересов детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и детей, находящихся в социально опасном положении. К сожалению, в Республике Беларусь существует социальное сиротство, динамику которого нельзя признать положительной: в стране с почти двухмиллионной численностью несовершеннолетнего населения детей-сирот насчитывается свыше 25 тысяч.

Согласно ч. 1 ст. 120 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) усыновлением является основанный на судебном решении юридический акт, в силу которого между усыновителем и усыновленным возникают такие же права и обязанности, как между родителями и детьми. Оно допускается в отношении несовершеннолетних детей и только в их интересах с соблюдением требований, установленных в законе, а также с учетом возможностей обеспечить детям полноценное физическое, психическое, духовное и нравственное развитие. Законодательством определены субъекты, уполномоченные осуществлять любые действия по усыновлению (удочерению). К ним, в частности, отнесены органы опеки и попечительства, Национальный центр усыновления Министерства образования Республики Беларусь, комиссии по делам несовершеннолетних. КоБС определен судебный порядок установления усыновления (удочерения). При этом законом запрещено совершение действий по подбору и передаче детей на усыновление от имени или в интересах лиц, желающих их усыновить, лицом, не уполномоченным на это законодательством Республики Беларусь. Поэтому законодатель, устанавливая в ст. 177¹ УК ответственность за незаконные действия по

усыновлению (удочерению) детей, увязал незаконность таких действий именно с совершением их лицом, не уполномоченным на это законодательством.

Объективную сторону рассматриваемого преступления образуют действия в двух альтернативных формах: 1) по подбору и передаче детей на усыновление (удочерение) от имени или в интересах лиц, желающих их усыновить (удочерить), совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение; 2) склонение к согласию на усыновление (удочерение) детей из корыстных побуждений.

Состав, образующий первую форму действий, сформулирован как усеченный, что обусловлено целями недопущения фактического незаконного усыновления (удочерения). Однако условием ответственности за эти действия является их повторение в течение года после наложения административного взыскания (административная преюдиция). Оконченным данное преступление должно признаваться с момента совершения хотя бы одного действия по подбору и передаче детей на усыновление (удочерение), лицом, уже привлекавшимся к административной ответственности за подобные действия. Таким действием может быть, например, получение информации о ребенке, нуждающемся в усыновлении, и доведение ее до сведения лица, желающего его усыновить, заключение соглашения о передаче ребенка для усыновления и т.п. Указанные действия по смыслу закона должны совершаться от имени или в интересах лиц, желающих усыновить или удочерить ребенка. Вторая форма действий в виде склонения к согласию на усыновление (удочерение) детей тоже образует усеченный состав преступления, поскольку оно будет считаться оконченным с момента склонения, то есть подстрекательства, еще не достигшего результата. Для данной формы действия субъективную сторону составляют не только умышленная вина в виде прямого умысла, но и мотив – корыстные побуждения.

Определение субъекта рассматриваемого преступления требует четкости в установлении круга лиц, уполномоченных совершать указанные в ст. 177¹ УК действия по усыновлению (удочерению). Как отмечено выше, это лица, представляющие соответствующие органы и уполномоченные ими на совершение указанных действий. Данные субъекты определены в КоБС и иных нормативных правовых актах. Любое лицо, даже если оно по службе имеет отношение к указанным выше органам или организациям, но не уполномоченное в установленном порядке на совершение действий по подбору и передаче детей на усыновление (удочерение), должно считаться субъектом преступления, предусмотренного ст. 177¹ УК.

Отметим также, что запреты, подобные рассматриваемому, были введены примерно в одно и то же время и в УК других государств ближнего зарубежья. Однако они существенно отличаются от запрета, предусмотренного в ст. 177¹ УК Беларуси, более широкой сферой ответственности. Так, согласно ст. 154 УК РФ незаконное усыновление (удочерение) выражается в незаконных действиях по усыновлению (удочерению) детей, передаче их под опеку (попечительство), на воспитание в приемные семьи, совершенные неоднократно или из корыстных побуждений. В данном случае речь идет не только о незаконном усыновлении (удочерении), но и передаче детей под опеку (попечительство), а также на воспитание в приемные семьи. Но криминообразующими признаками данного деяния являются неоднократность и корыстные побуждения. Кроме того, субъектный состав данного преступления также достаточно широк. Его могут совершить и лица, уполномоченные на осуществление указанных в законе действий. Примерно такой же подход в УК Азербайджана. В УК Таджикистана ответственность наступает за незаконные действия по усыновлению (удочерению) детей, передачу их под опеку (попечительство), или на воспитание в семьи граждан, если они совершены из корыстных или иных низменных побуждений (ст. 172). Еще более широко определяет подобное преступление УК Украины (ст. 169), не связывая его с указанными криминообразующими признаками (повторность, корыстные или иные низменные побуждения), предусматривая в то же время и квалифицированный состав этого преступления с такими квалифицирующими признаками, как совершение относительно нескольких детей, повторно, с предварительным сговором группой лиц, с использованием служебного положения или если они повлекли тяжкие последствия. УК Грузии (ст. 173) предусматривает ответственность за нарушение порядка усыновления или взятия на воспитание, если такое нарушение повлекло тяжкие последствия. В качестве квалифицированного состава предусмотрено то же деяние, совершенное с использованием служебного положения. Оригинальностью и широтой отличается правовое регулирование ответственности за рассматриваемые деяния в УК Молдовы (ст. 205).

Несомненно, опыт стран ближнего зарубежья в части регулирования ответственности за незаконные действия, связанные с усыновлением детей, представляет заслуживающим внимания. В этой связи вернемся к ст. 177¹ УК. Не понятно, почему при установлении данного уголовно-правового запрета законодатель ограничился действиями только по усыновлению (удочерению) детей. Ведь КоБС Беларуси установил запрет на более широкую сферу деятельности юридических и физических лиц, то есть по выявлению, учету и устройству детей-сирот, детей,

оставшихся без попечения родителей, и детей, находящихся в социально опасном положении, не уполномоченных на ее осуществление законодательством Республики Беларусь (ч. 6 ст. 117 КоБС).

Более того, согласно ст. 118¹ КоБС ответственности в соответствии с законодательством Беларуси должны подлежать должностные лица органов опеки и попечительства, должностные лица иных организаций, уполномоченные законодательством Республики Беларусь осуществлять защиту прав и законных интересов детей, за невыполнение возложенных на них обязанностей в данной деятельности, предоставление заведомо недостоверных сведений о детях-сиротах, детях, оставшихся без попечения родителей, и детях, находящихся в социально опасном положении, а также за иные действия, направленные на сокрытие ребенка от устройства на воспитание в семью.

Таким образом, незаконные действия указанных выше лиц по усыновлению (удочерению) либо по иному устройству ребенка, оставшегося без попечения родителей, уголовно-правовой оценки не получили, хотя под общие составы преступлений против интересов службы они далеко не всегда могут подпасть. Поэтому, на наш взгляд, требуется введение специальных составов преступлений, субъектом которых явятся вышеуказанные должностные лица, а также иные лица, уполномоченные на совершение действий по устройству детей-сирот. Следует также иметь в виду, что общественная опасность данного деяния как основание его криминализации учеными ставится под сомнение [3, с. 146]. Отметим также, что ст. 177¹ УК фактически не нашла своего применения. За весь период ее действия лишь в 2007 г. был осужден один человек. Данное положение можно объяснить тем, что наряду с криминализацией незаконных действий по усыновлению (удочерению) детей был принят ряд актов законодательства, ужесточающих порядок усыновления (удочерения) ребенка. Это касалось в первую очередь ст. 124 КоБС, а также других нормативных правовых актов, строго регулирующих порядок усыновления (удочерения), в том числе и международного. Поэтому, как и ст. 176 и 177 УК, ст. 177¹ в большей мере призвана обеспечить общепредупредительную функцию посредством угрозы уголовной ответственностью.

Литература:

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (4-е издание, переработанное и дополненное / под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В. Сверчкова). – «Юрайт-Издат», 2007. – с. 550. // Электронная база нормативных правовых актов «Консультант-Плюс: Россия». Технология 3000 [Электронный ресурс]. – Минск: ООО «ЮрСпектр», 2016.

2. Конвенция по защите детей и сотрудничеству в отношении международного усыновления: заключена в Гааге 29 мая 1993 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2003. – № 51. – 1/4580.

3. Ермолаев, А.В. Роль уголовного закона в охране семьи / А.В. Ермолаев. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 179 с.

УДК 343.241

ЗАМЕНА ШТРАФА ИНЫМ НАКАЗАНИЕМ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН СНГ

В.А. Давидовская,

*Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь*

Видом уголовного наказания является штраф. Потенциальные возможности штрафа весьма велики. Однако применяется судебной системой данный вид наказания недостаточно часто (около 14 % от общего количества осужденных) [1]. Вместе с тем, нередки и случаи уклонения от уплаты штрафа. Этот факт наталкивает на необходимость искать пути повышения эффективности штрафа в борьбе с преступностью.

Действующий Уголовный кодекс Республики Беларусь различает такие понятия как «невозможность взыскания штрафа» и «уклонение от уплаты штрафа». Согласно ч. 3 ст. 50 УК Республики Беларусь в случае невозможности взыскания штрафа при отсутствии признаков уклонения от его уплаты суд по представлению органа, на который возложено исполнение приговора, заменяет штраф общественными работами. Уклонение от уплаты штрафа является самостоятельным преступлением, предусмотренным ст. 418 УК Беларуси и наказывается арестом.

В современных условиях развития уголовного законодательства Республики Беларусь весьма актуальным представляется вопрос: каким наказанием следует заменять штраф в случае невозможности его уплаты либо уклонения? Считаем необходимым проанализировать уголовные законы стран СНГ о наказании в виде штрафа с целью оптимизации практики применения.

В уголовных законах большинства стран СНГ закреплено понятие «уклонение от уплаты штрафа». Лишь в УК Республики Молдовы (ч. 5 и 7 ст. 64) [2], Республики Таджикистан (ч. 5 и 9 ст. 49) [2], Украины (ст. 53, ч. 1 ст. 389) [2] встречается как «уклонение от уплаты штрафа» так и «невозможность уплаты штрафа».

В УК Республики Армении [2] в случае невозможности 46-кратного штрафа суд заменяет штраф или неуплаченную часть штрафа общественными работами из расчета 46-кратного часов общественных работ за ми-

нимальную заработную плату (47ас. 51). По УК Украины в случае неуплаты штрафа суд может заменить данное наказание общественными работами, исправительными работами или 47астоящ свободы (47ас. 53). Согласно УК Республики Таджикистана при невозможности уплатить штраф суд заменяет его на наказание в виде лишения свободы (47ас. 49). Уголовный закон Республики Молдовы закрепляет, что «если осужденный не в состоянии уплатить штраф, назначенный в качестве основного или дополнительного наказания, судебная инстанция может заменить неуплаченную сумму штрафа неоплачиваемым трудом в пользу общества» (47ас. 64).

Таким образом, в данных странах штраф всегда заменяется на более строгое наказание, а в соответствии со ст. 49 УК Беларуси на более мягкое наказание (общественные работы).

В ряде стран СНГ употребляется термин «уклонение от уплаты» (Республика Казахстан [2], Кыргызская Республика [2], Республика Узбекистан [2]); «умышленное уклонение от уплаты» (Азербайджанская Республика [2], Туркменистан [2]); «злостное уклонение от уплаты» (Республика Молдова, Республика Таджикистан, Российская Федерация [3]).

Во всех случаях уклонения от уплаты, штраф заменяется более строгими видами наказаний (общественные работы, исправительные работы, ограничение по службе), в том числе и наказаниями, связанными с лишением либо ограничением личной свободы осужденного (арест, ограничение свободы, лишение свободы). В УК Республики Молдовы в случае злостного уклонения осужденного от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного или дополнительного наказания, судебная инстанция может заменить неуплаченную сумму штрафа только лишением свободы (ст. 64).

Иной подход исходя из вида штрафа предусмотрен в ст. 46 УК Российской Федерации «В случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, за исключением случаев назначения штрафа в размере, исчисляемом исходя из 47астоящны, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки, штраф заменяется иным наказанием, за исключением лишения свободы. В случае злостного уклонения от уплаты штрафа в размере, исчисляемом исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки, назначенного в качестве основного наказания, штраф заменяется наказанием в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части 47астоящего Кодекса. При этом назначенное наказание не может быть условным».

Интересной представляется редакция нормы, закреплённая в УК Туркменистана. Так ст. 47 гласит, что «в случае умышленного уклонения от уплаты штрафа, назначенного судом в качестве основного наказания, штраф может быть заменен судом видами наказания, указанными в соответствующей статье или соответствующей части статьи Особенной части настоящего Кодекса». Подобное положение содержится и в УК Российской Федерации (ст. 46).

Таким образом, в ходе исследования уголовных законов стран СНГ, касающегося замены штрафа иным наказанием, мы выявили следующие моменты. Во-первых, штраф является самым мягким видом наказания и заменяется более строгим наказанием, а во-вторых, при замене штрафа иным наказанием существует альтернатива из нескольких более строгих видов наказания. По действующему законодательству Республики Беларусь штраф заменяется на более мягкий вид наказания без выбора альтернативы. Не существует выбора альтернативы наказания и при уклонении от уплаты штрафа.

На основе результатов анализа уголовных законов стран СНГ можно сформулировать следующие предложения по совершенствованию правового регулирования штрафа.

1. Пересмотреть систему наказаний, закреплённую в уголовном законе Республики Беларусь, на сравнительную тяжесть наказаний.

2. В случае невозможности взыскания штрафа заменять его другими более строгими видами наказаний на альтернативной основе.

3. Установить замену штрафа на наказания, связанные с ограничением или лишением свободы, с таким расчетом, чтобы не оставлять осужденному возможность уклониться от его уплаты. Данное предложение повлечет изменение и положений Особенной части УК в отношении регламентации ответственности за уклонение от исполнения приговора.

4. Заменять штраф иным наказанием в рамках санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части УК Беларуси. Предусмотреть подобную норму в Общей части УК Беларуси.

Литература:

1. Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 23 дек. 2010 г., № 672 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Центр документов БДИПЧ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes>. – Дата доступа: 27.07.2015.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ; принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г.: в ред. Федер. закона от 02.06.2016 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.

УДК 343.352

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ПРЕДМЕТА ВЗЯТКИ

*А. И. Добродей,
кандидат юридических наук,
Минский областной суд*

Вопрос о юридической судьбе предмета взятки представляет несомненный интерес в правоприменительной деятельности, а его разрешение в некоторых правовых ситуациях вызывает определенные трудности.

Согласно п.п. 1 и 2 ч. 3 Примечания к главе 35 УК не подлежит обращению в доход государства имущество, переданное в качестве взятки лицами, которые до передачи предмета взятки или незаконного вознаграждения добровольно уведомили органы уголовного преследования о вымогательстве взятки или незаконного вознаграждения и в дальнейшем способствовали изобличению получателя взятки или незаконного вознаграждения, как и оказавшимися в состоянии крайней необходимости, в силу чего были даны взятка или незаконное вознаграждение [1, с. 227]. В первом случае гражданин, вручающий ценности должностному лицу, вообще не совершает преступления, не дает взятку, так как он передает эти ценности только под видом взятки, не имея умысла на то, чтобы должностное лицо совершило или не совершило какие-либо действия с использованием должностного положения в его интересах, с его стороны имеет место лишь имитация взятки. Во втором случае взяткодатель вследствие вымогательства был поставлен в состояние крайней необходимости, и дача взятки была единственно возможным средством предотвращения вреда законным интересам.

В силу ст. 67 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» финансовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности осуществляется за счет средств республиканского бюджета, а также иных источников, предусмотренных законодательством. Порядок расходования финансовых средств, выделенных на осуществление оперативно-розыскной деятельности, определяется нормативными правовыми актами Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, Государственного по-

граничного комитета Республики Беларусь, Службы безопасности Президента Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Государственного таможенного комитета Республики Беларусь, Министерства обороны Республики Беларусь [2]. В судебной практике встречаются случаи необоснованного обращения предмета взятки в доход государства.

По одному из дел П. осужден по ч. 1 ст. 430, ч. 1 ст. 13, ч. 2 ст. 432 УК с применением ч. 2 ст. 72 УК. По приговору суд постановил вещественное доказательство по делу: денежные средства в сумме 2 500 долларов США, – обратить в доход государства. Названные денежные средства вручены старшим оперуполномоченным УБЭП КМ УВД Минского облисполкома по протоколу О. для использования в ходе оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» и изъяты у П. в тот же день в ходе личного обыска. В надзорном порядке данный приговор изменен в части разрешения вопроса о вещественных доказательствах. В соответствии со ст. 98 УПК в приговоре должен быть решен вопрос о вещественных доказательствах. При этом согласно п. 4 этой статьи деньги и иные ценности, приобретенные преступным путем, по приговору суда обращаются на возмещение вреда от преступления потерпевшему, иному лицу или подлежат конфискации. Другие вещественные доказательства выдаются их законным владельцам, а при неустановлении последних подлежат конфискации. В случае спора об их принадлежности он подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства. Согласно представленным в суд надзорной инстанции документам эти денежные средства получены сотрудниками УБЭП КМ УВД Минского облисполкома в установленном законом порядке для использования в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, в связи с чем не могли быть обращены в доход государства, а подлежали возврату по принадлежности. Поэтому президиум счел необходимым приговор изменить, исключить из него указание об обращении в доход государства вещественного доказательства – денежных средств в сумме 2 500 долларов США, указав об их возврате согласно п. 4 ст. 98 УПК по принадлежности УВД Минского облисполкома [3].

Аналогичная ситуация имела место и по уголовному делу в отношении П. Из материалов уголовного дела усматривается, что деньги в сумме 8 200 000 руб., признанные вещественными доказательствами, выделены для проведения оперативно-розыскного мероприятия из средств УВД облисполкома, поэтому согласно п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6

и п. 4 ст. 98 УПК они подлежат возврату законному владельцу. В связи с чем в резолютивной части приговора указание об обращении в доход государства денежных средств в сумме 8 200 000 рублей, переданных на ответственное хранение в финансово-экономический отдел УСК Республики Беларусь по области, заменено на указание о возврате денежных средств в сумме 8 200 000 рублей, переданных на ответственное хранение в финансово-экономический отдел УСК Республики Беларусь по области, законному владельцу – УВД облисполкома [4].

На наш взгляд, при проведении оперативного эксперимента необходимо использовать только соответствующие денежные средства из республиканского бюджета, что особенно актуально при передаче значительных денежных средств, а также для исключения возможности инсценировки получения взятки. Если предметом взятки являлись услуги, оплаченные взяткополучателем частично, то в таких ситуациях они подлежат возмещению указанными лицами.

При добровольном заявлении о даче взятки применяется специальная конфискация предмета взятки. В соответствии с ч. 6 ст. 61 УК независимо от категории преступления и вида назначенного наказания применяется специальная конфискация, которая состоит в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства орудий и средств совершения преступления, принадлежащих осужденному; вещей, изъятых из оборота; имущества, приобретенного преступным путем, дохода, полученного от использования этого имущества, а также предметов, которые непосредственно связаны с преступлением, если они не подлежат возврату потерпевшему или иному лицу [1, с. 227]. То есть, осуществляется принудительное безвозмездное изъятие его в собственность государства. Как справедливо отмечает А.И.Лукашов, освобождение от уголовной ответственности в таком случае не может влечь и не влечет возврата лицу предмета взятки [5, с. 12].

Нередко вопрос о предметах взятки по делам о получении взяток разрешается до вынесения приговора. В период проведения предварительного следствия по делу они возвращались владельцам, при этом не делалось ссылок на законные основания. Такая практика представляется недопустимой.

В материалах дела по обвинению З. по ч. 5 ст. 16, ч. 1 ст. 431, ч. 1 ст. 14 и ч. 1 ст. 209 УК имеется лишь расписка оперативного работника К. о получении им денежных средств в сумме 5 000 долларов США, которые использовались при проведении оперативных мероприятий [6].

В то же время следует учитывать, что при применении специальной конфискации в случаях получения виновным лицом взятки безвозмездно изымаются в собственность государства лишь орудия и средства

совершения преступления, принадлежащих осужденному. В качестве расширительного толкования таких терминов применительно к рассматриваемым составам преступлений является разрешение судом первой инстанции вопроса о конфискации автомашины по делу в отношении Б. и П.

Суд признал доказанным, что Б., действуя согласованно с П., неоднократно получал взятки от Ш. и В., в том числе на обочинах автомобильных дорог. К месту передачи взяток Ш. и В. приезжали на автомобиле «НИССАН X-Trail», принадлежащем Ш. Поэтому в соответствии с ч. 6 ст. 61 УК суд счел необходимым конфисковать в доход государства принадлежащую Ш. автомашину «Nissan X-Trail», поскольку она являлась средством совершения преступления. Обоснованием такого вывода являлось то, что данная автомашина была использована Ш. и В. как средство преодоления существенных расстояний для прибытия к оговоренным местам встреч, на которых ими передавались взятки должностным лицам П. и Б.

С таким решением не согласилась апелляционная инстанция, изменив приговор и исключив из него указание о конфискации автомашины, которая возвращена Ш. Согласно ч. 6 ст. 61 УК применение специальной конфискации транспортного средства как средства совершения преступления возможно лишь в случаях умышленного использования его в качестве такого для выполнения объективной стороны состава преступления. Использование автомашины Ш. и В. для поездки к оговоренным местам встреч, на которых передавались взятки П. и Б., нельзя признать средством совершения преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 431 УК [7].

В следственно-судебной практике возникают ситуации, когда в ходе предварительного следствия предмет взятки обнаружить и изъять не представляется возможным. В основном это случаи, когда о совершенном преступлении правоохранительным органам становится известно уже после обращения взяткополучателем предмета взятки в свою пользу.

3. осужден по приговору суда по ч. 1 ст. 430 УК. Он получил в качестве взятки сотовый телефон «Фисио-120» стоимостью 130 000 рублей, приобретенный за деньги учащихся. В ходе предварительного расследования предмет взятки обнаружен не был. Суд при постановлении обвинительного приговора не взыскал в доход государства стоимостный эквивалент предмета взятки [8, с. 27].

Конвенция ООН «Об уголовной ответственности за коррупцию» содержит специальную статью, посвященную санкциям и мерам за коррупционные преступления (ст. 19). В ней говорится, что принимая во

внимание тяжесть уголовных правонарушений, признанных в качестве таковых в соответствии с настоящей Конвенцией, каждая Сторона предусматривает в отношении этих уголовных правонарушений эффективные, соразмерные и сдерживающие санкции и меры, включая, если правонарушения совершены физическими лицами, наказания, которые могут повлечь за собой выдачу. В Конвенции также указано, что каждая Сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для того, чтобы наделить себя правом конфисковывать или иным образом изымать орудия совершения и доходы от уголовных правонарушений, признанных в качестве таковых в соответствии с настоящей Конвенцией, или имущество, стоимость которого эквивалентна таким доходам [9].

Деньги или иные ценности, являющиеся предметом взятки, следует расценивать как не основанное на нормах права приобретение имущества за счет других лиц – неосновательное обогащение. Поэтому в случаях, когда они не были обнаружены, необходимо взыскивать стоимостной эквивалент неосновательно приобретенной выгоды с виновного в доход государства, что согласуется с вышеприведенными положениями Конвенции, и на что обращается внимание в п. 19 постановления Пленума от 26 июня 2003 года № 6 [10, с. 495].

До настоящего времени в судебной практике неоднозначно решается вопрос о взыскании государственной пошлины в доход государства с взысканных сумм неосновательного обогащения. По нашему мнению в подобных правовых ситуациях с виновных лиц следует взыскивать и государственную пошлину. Проиллюстрируем это примером из судебной практики.

В соответствии со ст. 971 ГК суд взыскал в доход государства по одному из дел с Б. неосновательное обогащение в размере 2 000 долларов США на сумму 4 306 000 рублей [11].

Вместе с тем в соответствии с положениями ст. 972 ГК правила, предусмотренные главой 59 Гражданского кодекса «Обязательства вследствие неосновательного обогащения», подлежат применению к требованиям о возмещении вреда, в том числе причиненного недобросовестным поведением обогатившегося лица. Если деньги или иные ценности, как предмет взятки, не были обнаружены, суду при вынесении решения о возмещении стоимостного эквивалента неосновательно приобретенной выгоды необходимо решать вопрос о взыскании государственной пошлины. Поэтому с Б. следует взыскать в доход государства государственную пошлину в сумме 215 300 рублей.

Стоит подчеркнуть, что при разрешении вопроса о судьбе вещественных доказательств, не являющихся предметами взятки, к которым

относятся аудио и видеокассеты, диски и т.д., представляется необходимым оставлять их при деле.

Приговором суда по обвинению М. по ч. 2 ст. 430 УК было постановлено: вещественные доказательства – аудио и видеокассеты – уничтожить. Судебной коллегией областного суда приговор изменен, исключено из резолютивной части приговора указание об их уничтожении, определено аудио и видеокассету хранить при деле [8, с. 27].

В заключении следует отметить, что точное и неуклонное соблюдение требований закона при разрешении судьбы предмета взятки является важной гарантией принятия по делу законного и обоснованного решения.

Литература:

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : с изм. и доп. по состоянию на 1 марта 2011 г. – Минск : Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2011. – 304 с.

2. Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Респ. Беларусь от 15.07.2015 г., № 307-3 // Консультант-Плюс : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2016.

3. Суд Смолевичского района Минской области. – Архив. – 2015. – Дело № 1/453.

4. Определение судебной коллегии по уголовным делам областного суда от 4 августа 2015 года : Банк данных «Судебная практика» // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

5. Лукашов А. О специальной конфискации в законодательстве и судебной практике // Юрист. – 2002. – № 1. – С. 12.

6. Суд Минского района Минской области. – Архив. – 2008. – Дело №1/665.

7. Минский областной суд. – Архив. – 2016. – Дело № 2/5.

8. Феоктисова Т., Стельмашук Ю., Практика рассмотрения судами уголовных дел о взяточничестве. – Юстиция Беларуси. – 2005. – № 8. – с. 24-28.

9. Об уголовной ответственности за коррупцию (ETS N 173 : Конвенция Совета Европы N 173 : заключена в г.Страсбурге 27.01.1999 г., // Консультант-Плюс : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2016.

10. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь / сост. : А.М. Паутов; под общ. ред. В.Л. Калинковича. – Минск : Нац. Центр правовой информации Респ. Беларусь, 2015. – 656 с.

11. Суд Воложинского района Минской области. – Архив. – 2007. – Дело № 1/715.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

*Е. В. Епифанова,
кандидат юридических наук, доцент,
Кубанский государственный Аграрный университет
(Российская Федерация)*

Преступление представляется основным институтом уголовного права. В современной уголовно-правовой науке делается акцент на конкретные составы преступлений и практику их применения. Вместе с тем, на наш взгляд, само понятие преступления, закрепленное в ст. 14 УК РФ, требует тщательного анализа с точки зрения современного понимания.

Понятие преступления, сформулированное в 20 веке, исследовалось отдельными авторами с позиций истории и современности [1, с. 3], учеными использовались различные подходы в его изучении современности [2, с. 131].

В настоящее время обращение к понятию преступления вызвано многими факторами, в том числе неспособностью современного уголовного законодательства в должной мере (во всяком случае, не отвечающей социальному запросу) противодействовать преступности, например, коррупция в высших эшелонах власти, в правоохранительных органах и т.д.

Объясняется это рядом факторов. Идеи, заложенные в основу понятия преступления, были сформулированы в других экономических, социальных и политических условиях, они обслуживали эпоху социализма. Ведь учение о преступлении – это (так уж исторически сложилось) отражение содержания политико-правовой доктрины государства. Так было в Русской правде, В Соборном Уложении и других нормативных актах России [2, с. 147].

Значит, для того, что бы решать проблемы противодействия преступлениям, следует четко сформулировать современную политико-правовую доктрину и осмыслить современную философию понятия преступления в новых условиях социально-экономического развития страны. Именно для решения проблем в этом направлении нами было предложено в работах [2, 78] введение Концепции уголовно-правовой политики, центральным звеном которой стало бы понятие преступления. Российский законодатель реализовал это предложение в 2012 году, приняв Концепцию уголовно-правовой политики РФ [3, с. 1]. Концепция должна была наполнить жизнью традиционно сложившиеся институты уголовного права, в том числе понятие преступления. Однако, на

наш взгляд, этого не произошло. Понятию преступления было уделено мало внимания.

Остаются актуальными в силу своей неразрешенности и другие проблемы. Например, в теории уголовного права продолжается спор о количестве и содержании признаков преступления.

Так, А.П. Козлов в своих работах указывает на два признака преступления – общественная опасность и противоправность, а виновность и наказуемость рассматривает как составные части противоправности [4, с. 753].

Ю.Е. Пудовочкин говорит о наличии трех признаков – общественной опасности, виновности, противоправности [5, с. 22].

В некоторых работах высказывается мысль о необходимости отказа от материального признака – общественная опасность [6, с. 16].

Основным дискуссионным признаком является общественная опасность. Законодатель не всегда своевременно осознает характер и степень общественной опасности тех или иных деяний и проводит криминализацию или декриминализацию. Происходит это по причине того, что общественная опасность является оценочным понятием. Именно потому не прекращается дискуссия о разграничении преступления и правонарушения, активно обсуждаются вопросы малозначительности деяний. Следует согласиться с мнением авторов о необходимости корректировки понятия преступления [7, с. 25] и дополнения его пояснением, раскрывающим признак общественная опасность.

Давняя дискуссия усилилась особенно в период глобализации права и проникновения международных норм в российское уголовное право вызванное ратификацией международных Конвенций. Полагаем, что требует учета содержания международного законодательства ратифицированного Россией и отражение его в понятии преступления. Полагаем, что доктрина преступления не может не реагировать на значительную роль международного права в формировании национального законодательства.

В связи с этим понятие преступления должно было бы иметь, на наш взгляд, следующее содержание:

«Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, посягающее на публичные и частные права, свободы, законные интересы физических лиц, организаций, государства, муниципальных образований, способное причинить значительный вред охраняемым законом общественным отношениям, запрещенное настоящим Кодексом и ратифицированными РФ международными правовыми актами под угрозой наказания».

Отсутствие четко сформулированных законов порождает научные дискуссии и не дает возможность правоприменителям в должной мере реализовывать законодательства, в обществе возникает мнение о бездействии закона и социальный запрос остается неудовлетворенным. Например, в УК РФ нет понятия вины как признака преступления, несмотря на то, что указываются ее формы и виды.

Дискуссионным является вопрос о формальном признаке – наказании за совершенное деяние. В настоящее время этот признак носящий превентивный характер, направленный на предупреждение совершения преступлений и гарантирующий неотвратимость ответственности за совершенное преступление.

Неразрывно связанной с понятием преступления является малозначительность деяния. В настоящее время ни уголовно-правовая наука, ни судебная практика не выработали четких критериев малозначительности, все они носят оценочный характер.

Показанные нами (как и другие, не затронутые в данной статье) проблемы свидетельствуют о необходимости дальнейшего исследования понятия преступления с учетом необходимости решения новых задач стоящих перед российским уголовным законом.

Литература:

1. Наумов, А.В. Преступление и наказание в истории России В 2 ч. Ч.1. / А.В. Наумов. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 752 с.
2. Епифанова, Е.В. Преступление как правовая категория в науке и законодательстве России: история развития и особенности современного состояния / Е.В. Епифанова. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 400 с.
3. Концепция уголовно-правовой политики РФ // режим доступа: http://www.psj.ru/saver_magazines/detail.php?ID=71257. – Дата доступа: 17.06.2016
4. Козлов, А.П. Понятие преступления / А.П. Козлов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 819с.
5. Пудовочкин, Ю.Е. Учение о преступлении / Ю.Е. Пудовочкин. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 280 с.
6. Алакаев, А.М. Понятие преступления (формы и виды): автореф. дис...канд. юрид. наук 12.00.08 / А.М. Алкаев, Москов. юрид. ин-тут. – М., 1992. – 24 с.
7. Актуальные проблемы уголовного права. – М.: Проспект, 2016. – 560 с.

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЫМОГАТЕЛЬСТВО

К.С. Захилько,

Белорусский государственный университет

1. При системном анализе состава вымогательства, как способа хищения, следует указать на следующие его особенности. Так, среди предмета вымогательства выделяют понятие «действия имущественного характера», которое не указано в качестве предмета хищения в ч. 1 примечаний к Главе 24 УК Беларуси. Следует сделать вывод, что при методе строгого подхода к толкованию норм УК (который закреплён в ч. 2 ст. 3 УК Беларуси) вымогательство, в части требования совершения действий имущественного характера, не может относиться к способу хищения. Данное обстоятельство порождает целый комплекс проблем квалификации, так как, без применения аналогии Уголовного Закона, применительно к данному деянию в УК отсутствуют обязательные признаки любого способа хищения – корыстной направленности и безвозмездности. Стоит отметить, что в УК имеются случаи закрепления нескольких самостоятельных составов преступлений в рамках одной статьи (ст. 159, ст. 211 УК Беларуси и др.). Исследователи сходятся во мнении, что данный вид вымогательства не посягает на конкретное имущество, не связан напрямую с нарушениями права собственности или иных вещных прав, и лежит за рамками классического уголовно-правового понятия «хищение». В этой связи, в некоторых странах ближнего зарубежья, именно наличие в составе вымогательства признака «действия имущественного характера» в качестве его предмета послужило причиной исключения рассматриваемого состава из категории хищений вовсе, при чем в научной литературе таких государств до сих пор оговариваются, что вымогательство, в части требования имущества и права на имущество, отвечает всем признакам хищений и является способом завладения чужого имущества. Что подтверждается практикой правоприменения, связанной с отсутствием дополнительной квалификации при фактическом завладении имуществом.

2. В практике встречается ряд деяний, являющих собой общественно опасное, корыстное и безвозмездное завладение чужим имуществом с использованием угрозы, то есть, вымогательством по сути, но не отвечающие формальным признакам вымогательства, связанных со способом законодательного закрепления его угрозы. К таким случаям следует относить: изъятие или угроза изъятия имущества с целью получения за него выкупа (так называемый «имущественный шантаж» – например,

выкуп за автомобиль, выкуп за особо значимую для потерпевшего вещь и т.д.); устранение, ограничение (или угроза таковых) фактической возможности законного использования объекта (например, выкуп за возврат номерных регистрационных знаков автомобиля, распорядительных документов; за прекращение блокирования массового доступа (например, путем DDoS-атаки) к информации или монетизированному ресурсу; угрозу уничтожения важной информации, например с использованием вредоносного программного обеспечения и т.д.); иные способы устрашения (например, заражения болезнью, надругательства над местами захоронения, подмены ребенка, злоупотребление своими правами (например, при «гринмейле», либо злоупотребление конкуренцией); демпинговым ценообразованием и т.д.).

Представляется, что, если подобные угрозы, обладая признаками реальности и наличности, а также свойством объективной способности принести существенный вред потерпевшему в конкретной ситуации, будут использоваться для выставления корыстного требования передачи имущества – подобные деяния будут образовывать хищение имущества способом, максимально близким к вымогательству. При этом, перечисленные угрозы следует признавать не менее опасными, чем, к примеру, некоторые, уже закрепленные в ст. 208 УК Беларуси (угроза повреждения имущества).

3. Рассмотренный дуализм вымогательства (наличие в его составе признаков как свойственных, так и не свойственных хищениям), и связанная с этим несогласованность норм УК (в частности ч. 1 примечаний к гл. 24 УК и ст. 208 УК Беларуси) являются искусственными, исторически обусловленными и требующими разрешения. Далее, разрешение рассмотренного вопроса о не полном закреплении признаков угрозы при вымогательстве возможно произвести в рамках совершенствования юридической техники путем, последовательной дифференциации преступных принуждений, а не криминализации новых отношений, с учетом того, что в УК существует состав ст. 185, признающий преступным принуждение вообще, при широком закреплении признака угрозы.

4. Так, в связи с вышеуказанным предлагается:

- исключение из ст. 208 УК Беларуси признака «действия имущественного характера» и формулирование на его основе состава преступления (ст. 216-1 УК Беларуси), не относящегося хищением имущества;

- использование широкого подхода к формулированию признака угрозы в таком составе, на основе подхода, закрепленного в родовом составе ст. 185 УК, для охвата рассмотренных выше обстоятельств, когда деяния, максимально схожие с вымогательством и конкретно направленные на имущественные интересы потерпевшего квалифициру-

ются как преступление против личной свободы (т.е. по ст. 185 УК Беларуси), ввиду отсутствия возможности квалифицировать содеянное как преступление против собственности;

- действия имущественного характера, как предмет такого посяательства, следует определить на основании подхода А.А. Пионтковского, как: «используемые обвиняемым, в корыстных целях и на безвозмездной основе, деяния потерпевшего, в результате которых ему будет причинен имущественный ущерб, в том числе – передача имущества, прав на имущество и имущественных прав, совершение неоплачиваемых работ, оказании услуг, в том числе последующий отказ от получения их оплаты и др.»;

- использование в таком составе признаков «корыстной цели» и «безвозмездности», так как при их отсутствии принуждение не направлено на имущественные интересы лица и подлежит квалификации как иные частные случаи преступного принуждения (ст. ст. 185, 246, 384 УК Беларуси и др.);

- сохранение вымогательства как способа хищения имущества с расширением перечня угроз в ст. 208 УК Беларуси на основе модели перечня угроз ст. 185 УК Беларуси;

- с учетом указанного расширения перечня угроз при вымогательстве необходима переработка санкций по квалифицирующим признакам вымогательства, которая выходит за рамки настоящего исследования.

5. Следует подчеркнуть, что данные меры следует воспринимать не как криминализацию, а как меры по совершенствованию законодательства и дифференциации ответственности, по тому основанию, что в рассматриваемых обстоятельствах принуждения посягательство непосредственно направлено на завладение имуществом или обогащение.

УДК 343.35

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПОСТРОЕНИЯ ГЛАВЫ 35 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В.А. Караваева,

*Управление внутренних дел администрации
Заводского района г. Минска*

Анализу преступлений против интересов службы уделяется достаточное внимание в отечественном уголовном праве. Ведущими специалистами в области уголовного права рассматриваются проблемные аспекты понятия должностного лица, объекта и предмета дачи и получения взятки, ответственности за «коррупционные преступления», разграничения смежных составов и др. Однако Глава 35 Уголовного кодекса

Республики Беларусь (далее – УК) «Преступления против интересов службы» до настоящего времени не подвергалась анализу с точки зрения нормотворческой техники как целостная структурная составляющая уголовного закона. Методологически особенности построения главы и ее функционирования в рамках уголовного закона охватываются сферой действия нормотворческой техники, как системы правил подготовки проектов нормативных правовых актов.

Общие вопросы построения глав Особенной части уголовного закона затрагивали в своих исследованиях как российские (П. И. Люблинский, Д. А. Керимов, Я. И. Семенов, Д. В. Чухвичев, К. К. Панько и др.), так и белорусские (Н. А. Бабий, А. Л. Савенок, В. В. Хилjuta и др.) ученые. Они верно указывают на имеющие место отдельные недостатки в подходах при построении глав и отсутствие системы в порядке расположения в них статей.

В Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (далее – Закон) и Правилах подготовки проектов нормативных правовых актов сформулированы общие представления о главе. Так, в статье 28 Закона указывается, что «Главы нормативного правового акта – структурные элементы нормативного правового акта, объединяющие в себе статьи (пункты) этого акта»[1]. Полагаем, что для логического построения глав Особенной части УК такой формулировки недостаточно. Прежде всего, необходимо учитывать те приоритеты, которые определяются задачами, закрепленными в статье 2 УК. Именно они определяют структуру Особенной части УК.

В ст. 29 Закона определен круг вопросов, которые «должна содержать» Общая часть кодифицированного нормативного правового акта и «может содержать» Особенная часть. Для Особенной части законодатель определил нормы, которые могут обозначать вид и меру (правила) возможного и должного поведения (юридические права и обязанности), а также вид и меру негативных (отрицательных) последствий возможных нарушений правовых норм (юридическую ответственность). Как видим, характер предписаний в Законе не носит конкретный характер. Кроме того, отметим, что законодатель не упоминает про возможность использования в главе Особенной части примечаний, а также характере предписаний, в них содержащихся.

До принятия УК рассматриваемая нами группа преступлений размещалась в главе о должностных (служебных) преступлениях. УК кардинально изменил регламентацию уголовной ответственности за должностные преступления. Название главы стало отражать не субъект, а именно объект уголовно-правовой охраны.

Рассмотрение названия Главы 35 УК является немаловажным с точки зрения нормотворческой техники уголовного закона, так как никакая другая глава Особенной части не затрагивает «интерес» какого-либо родового объекта. Глава 32 УК называется «Преступления против государства», хотя могла бы называться «Преступления против интересов государства», но законодатель не избрал такой подход. Аналогичный пример можно привести, рассмотрев название Главы 34 УК «Преступления против правосудия». Проведенный анализ позволяет сделать вывод об отсутствии единого подхода к построению названий глав Особенной части УК, в результате чего возникает необходимость в определении такого понятия как «интерес».

Сопоставление названия Главы 35 УК с расположенными в ней статьями позволило выявить следующее противоречие. Помимо того, что все преступления, находящиеся в Главе 35 УК, совершаются «против интересов службы», в ч. 2 ст. 424 УК и ч. 2 ст. 425 УК указан такой признак объективной стороны как «вопреки интересам службы». В диспозициях остальных статей указанной главы такое сочетание отсутствует. Возникает вопрос, в чем отличие между данными сочетаниями и есть ли оно.

В русском языке предлоги «против» и «вопреки» являются синонимичными [2, с. 541]. В Постановлении Пленума Верховного суда от 16 декабря 2004 г. № 12 дается разъяснение сочетания «вопреки интересам службы»: «те действия (равно как и бездействие, предусмотренное ст. 425 УК) должностного лица по службе, которыми нарушаются требования законности или объективной необходимости при принятии решения в соответствии с возложенными на должностное лицо полномочиями» [3]. Таким образом, используя синонимичные сочетания, законодатель вкладывает в них разный смысл, что не способствует единообразному и точному применению терминов уголовного закона.

Н.А. Бабий отмечает, что большинство недостатков УК вызваны нарушением принципа системности уголовного закона, который «должен соблюдаться на всех уровнях уголовно-правовой структуры: от первичной ячейки – статьи или части статьи – до глав, разделов и частей кодекса в целом». При этом автор указывает, что при построении главы «принципиальным является расположение статей в зависимости от объекта и тяжести караемых преступлений от более тяжких к менее тяжким» [4]. Первая часть данного суждения может быть подкреплена ранее упомянутыми положениями ст. 2 УК, хотя это довольно спорно и прямо не вытекает из статьи. Принцип размещения статей в главе «от более тяжких к менее тяжким» нигде законодательно не закреплён, в связи с этим ставить вопрос о том, почему он не соблюдается, на наш

взгляд, не совсем корректно. К примеру, в Главе 35 расположено 10 статей, в основных составах которых в соответствии со ст. 12 УК размещено одно тяжкое преступление (ст. 430 УК), восемь менее тяжких (ст.ст. 424–426; 428, 429, 431–433 УК), одно не представляющее большой общественной опасности (ст. 427 УК). Анализ главы не позволил выявить какой-либо критерий их расположения.

Таким образом, указанные проблемы нормотворческой техники Главы 35 УК снижают качество уголовного закона. Во многом это обусловлено тем, что законодателем не установлены правила построения глав Особенной части, их названий, а также возможность использования в главах примечаний. В этой связи считаем целесообразным разработать методику оптимального построения главы, основывающейся на системном исследовании уголовного закона. Невозможно не согласиться с мнением А.Л. Савенка, который отмечает, что проще не допустить появления некачественных с точки зрения нормотворческой техники уголовно-правовых норм, чем устранять негативные последствия их действия в будущем [5, с. 157].

Литература:

1. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 10 янв. 2000 г. № 361-з: с изм. и доп.: текст по состоянию на 2 июля 2009 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр прав.информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова ; Рос. акад. наук. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 939 с.

3. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424-428 УК): Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

4. Бабий, Н. А. О необходимости соблюдения принципа системности построения уголовного закона (по состоянию на 22 июня 2011 г.) / Н. А. Бабий // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

Савенок, А.Л. О необходимости совершенствования подходов при исследовании эффективности уголовного закона / А. Л. Савенок // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки:

сб. научн. тр./ [редколлегия: А. Л. Савенок и др.]. – Минск: Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 2013. – 194 с.

УДК 343.51

О СООТВЕТСТВИИ СТ. 221 УК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НОРМАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

*В.А. Кашевский,
кандидат юридических наук, доцент
А.В. Сальникова,
Академия МВД Республики Беларусь*

Имплементация международных нормативных актов в национальное законодательство является естественным и закономерным процессом.

В соответствии со ст. 3 Международной конвенцией по борьбе с подделкой денежных знаков должны быть наказуемы как обычные уголовные преступления:

1. Все обманные действия по изготовлению или изменению денежных знаков, каков бы ни был способ, употребляемый для достижения этого результата.

2. Сбыт поддельных денежных знаков.

3. Действия, направленные к сбыту, к ввозу в страну или к получению или к добыванию для себя поддельных денежных знаков, при условии, что их поддельный характер был известен.

4. Покушения на эти правонарушения и действия по умышленному соучастию.

5. Обманные действия по изготовлению, по получению или по приобретению для себя орудий или иных предметов, предназначенных по своей природе для изготовления поддельных денежных знаков или для изменения денежных знаков. [1]

Анализ основных позиций данной статьи позволяет прийти к выводу о том, что имеет место их несоответствие с нормами уголовного законодательства Республики Беларусь.

Диспозиция ст. 221 УК Республики Беларусь не предусматривает уголовную ответственность за совершение действий, направленных на ввоз в страну или на получение или на добывание для себя поддельных денежных знаков, при условии, что их поддельный характер был известен, а также за совершение обманных действий по изготовлению, по получению или по приобретению для себя орудий или иных предметов, предназначенных по своей природе для изготовления поддельных денежных знаков или для изменения денежных знаков [2].

Таким образом, во-первых, имеется несоответствие в перечне альтернативных действий, образующих объективную сторону рассматриваемого преступления.

Представляется, что в уголовном законодательстве Республики Беларусь имеет место недооценка общественной опасности проявлений рассматриваемого деяния и важности пресечения каналов и нейтрализации условий распространения фальшивомонетничества. Исходя из смысла статьи 3 Международной конвенции, предусматривающей ответственность наряду с другими деяниями за ввоз в страну поддельных денежных знаков, уголовно наказуемыми должны являться также их перевозка или пересылка.

Во-вторых, имеется существенное несоответствие Конвенции в части предмета преступления, предусмотренного ст. 221 УК Республики Беларусь. Так, в диспозиции указанной статьи круг предметов преступления ограничен деньгами и ценными бумагами. В то же время, учитывая тот факт, что указанная Конвенция ратифицирована Республикой Беларусь, а также и то, что УК Республики Беларусь основывается помимо Конституции, на общепризнанных принципах и нормах международного права, следовало бы предусмотреть в диспозиции ст. 221 также орудия и иные предметы, предназначенные по своей природе для изготовления поддельных денег или ценных бумаг.

Указанные несоответствия и могущие возникнуть в связи с этим проблемы в правоприменительной практике позволяют предложить следующую редакцию ч. 1 ст. 221 УК Республики Беларусь:

«1. Изготовление, хранение, перевозка, пересылка с целью сбыта либо сбыт поддельной денежной единицы Республики Беларусь (национальной валюты), государственных или ценных бумаг, номинированных в национальной валюте, иностранной валюты или ценных бумаг, номинированных в иностранной валюте, а также предметов и оборудования, предназначенных для их изготовления, –

наказываются ограничением свободы на срок от двух до пяти лет или лишением свободы на срок от двух до семи лет с конфискацией имущества или без конфискации имущества».

Литература:

1. Международная Конвенция по борьбе с подделкой денежных знаков: Заключение в Женеве 20 апреля 1929 г.) // КонсультантПлюс: Беларусь [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2015. – 240 с.

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ПРИМЕНЕНИЯ
УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ
ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ**

*Н.В.Кийко,
кандидат юридических наук,
Академия МВД Республики Беларусь*

При назначении уголовного наказания суд руководствуется не только степенью общественной опасности совершенного преступления и характеристикой личности виновного, но и тем, какое наказание способного его исправить. При этом прогрессивная система применения наказания подразумевает возможность изменения вида наказания и, соответственно, степени применяемых правоограничений в зависимости от поведения осужденного, его отношения к совершенному преступлению, соблюдения установленных правил отбывания наказания. Целесообразность и необходимость дифференцированного подхода к изменению наказания много лет назад обосновывал в своих трудах Ч. Беккариа, который отмечал, что «... по мере того, как душа людей смягчается, возрастает их чувствительность, а с ростом последней, если желают сохранить отношение между предметом и ощущением, должна уменьшаться сила наказания» [1, с. 156].

В настоящее время в Республике Беларусь реализуется государственная политика, направленная на постепенное сокращение уголовной репрессии. Предусмотренное действующим уголовным и уголовно-исполнительным законодательством Республики Беларусь условно-досрочное освобождение от отбывания наказания является важнейшим инструментом реализации принципа гуманизма. Наличие данного института оказывает воспитательное воздействие на отбывающих наказание лиц и стимулирует не только их правопослушное поведение в процессе отбывания наказания, но и скорейшее их исправление, успешное возвращение в общество.

Несмотря на то, что институт условно-досрочного освобождения существует в отечественном законодательстве на протяжении длительного времени, вопрос совершенствования механизма его применения и сегодня продолжает оставаться актуальным и дискуссионным как среди ученых-юристов, так и практических работников.

Для условно-досрочного освобождения осужденного, кроме его исправления, требуется отбытие указанной в законе части наказания. При этом сроки отбывания наказания дифференцированы в зависимости от возраста и состояния здоровья осужденного, наличия на воспитании

детей в возрасте до 14 лет, категории совершенного преступления, наличия судимости, от применения в прошлом к лицу условно-досрочного освобождения.

В настоящее время практика применения условно-досрочного освобождения в отношении осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, выглядит следующим образом.

В соответствии с Инструкцией о порядке аттестации осужденных к наказанию в виде лишения свободы (далее – Инструкция), утвержденной постановлением МВД Республики Беларусь от 10 ноября 2010 года № 353 [2], в каждом исправительном учреждении создается специальная комиссия. При фактическом отбытии осужденным к лишению свободы установленной законодательством части срока наказания комиссия исправительного учреждения в месячный срок проводит аттестацию данного осужденного. При этом, исходя из содержания указанной Инструкции, рассмотрение данного вопроса происходит при личном присутствии осужденного, хотя прямого указания на необходимость этого нет. В связи с этим, полагаем целесообразным дополнить Инструкцию нормой, предусматривающей обязательное личное участие осужденного при его аттестации. Необходимо отметить, что осужденный, присутствуя на заседании комиссии, имеет возможность лично давать необходимые пояснения и отвечать на вопросы членов комиссии. После принятия положительного решения в суд по месту расположения исправительного учреждения направляется представление об условно-досрочном освобождении.

После получения судом из исправительного учреждения представления об условно-досрочном освобождении изучаются представленные материалы и принимается решение о назначении судебного заседания по рассмотрению указанного вопроса. Статья 402-2 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК Беларуси) [3] содержит норму, в соответствии с которой при рассмотрении вопросов условно-досрочного освобождения в судебное заседание, как правило, вызывается осужденный. Также для участия в судебном заседании вызывается представитель органа, ведающего исполнением наказания, а также приглашается представитель наблюдательной комиссии или комиссии по делам несовершеннолетних при местном исполнительном и распорядительном органе.

Вместе с тем, изучение сложившейся правоприменительной практики свидетельствует, что в настоящее время осужденных из исправительных учреждений в суд при рассмотрении вопросов условно-досрочного освобождения не конвоируют, а судебное заседание проводится на территории исправительного учреждения, куда прибывают

судья, секретарь судебного заседания и прокурор. Вместе с тем, в УПК о такой форме судебного заседания ничего не говорится. В связи с этим полагаем целесообразным внесение соответствующих изменений в законодательство, которые бы предусматривали процедуру проведения судебных заседаний на территории исправительного учреждения.

Кроме этого, действующее уголовно-процессуальное законодательство допускает возможность рассмотрения судом представления об условно досрочном освобождении без обязательной явки осужденного. В таком случае, на наш взгляд, нельзя вести речь о всестороннем исследовании обстоятельств, имеющих значение для разрешения вопроса о применении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Ведь только непосредственное участие самого осужденного в данном судебном заседании может гарантировать вынесение судом законного, обоснованного и мотивированного решения, будет соответствовать принципам уголовно-процессуального законодательства, способствовать обеспечению правового положения осужденных, реализации законного интереса осужденного на условно-досрочное освобождение.

Резюмируя вышеизложенное, в целях повышения эффективности и рационального применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в ст. 402-2 УПК Беларуси необходимо предусмотреть обязательное участие осужденного при рассмотрении судом вопроса о его условно-досрочном освобождении вне зависимости от места проведения судебного заседания, исключив формулировку «как правило».

Одновременно представляется актуальной проработка вопроса и законодательное закрепление возможности проведения судебных заседаний без выезда на территорию исправительных учреждений, а с использованием видеоконференцсвязи с обязательным созданием защищенных каналов приема-передачи информации.

На наш взгляд, реализация указанных предложений будет способствовать законному, обоснованному и справедливому рассмотрению судами материалов об условно-досрочном освобождении осужденных, улучшению организации и культуры судебной деятельности, реализации воспитательных и профилактических функций правосудия, повышению уровня правосознания граждан, защите правового положения осужденных.

Литература:

1. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2009. –250 с.
2. Об утверждении Инструкции о порядке аттестации осужденных к наказаниям в виде ареста и лишения свободы, Инструкции о порядке формирования и деятельности самостоятельных организаций

осужденных к наказанию в виде лишения свободы и признании утратившими силу некоторых постановлений МВД Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление МВД Респ. Беларусь, 10 нояб. 2010 г., № 353 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 16 июля 1999 г., № 295-з // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

УДК 343.2.01

О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ УТИЛИТАРИСТСКИХ ТЕОРИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ

*Т.В.Кленова,
доктор юридических наук, профессор
Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королёва
(Российская Федерация)*

В постсоветской России усиливается оппозиция всем господствующим теориям о преступлении и наказании. Конфликт позиций остро обозначился при проведении судебно-правовой реформы в 90-х годах XX века и развился в настоящих условиях декодификации уголовного законодательства.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее - УК РФ) – это первый постсоветский кодифицированный уголовный закон, особенности истории которого обусловлены переходом от социалистической к демократической политико-правовой системе, и связанной с этим изменчивостью общественных отношений. Циклы устойчивого состояния и нормального развития этого закона прошли в ускоренном режиме. По состоянию на время принятия – 13 июня 1996 г., УК РФ содержал 360 статей. За время действия из него были исключены 12 статей и введены 101 статья. Подавляющее число статей подверглись изменениям и дополнениям. Неизменными остались только 53 статьи (43 статьи Общей части и 10 статей Особенной части), это 14.7 % от общего числа первоначальных статей УК РФ (данные приводятся с учетом изменений и дополнений УК РФ по состоянию на 1 июня 2016 г.).

Декодификация российского уголовного законодательства сопряжена с разрушением не только созданной при кодификации системы норм, но, прежде всего, его концептуальных основ. Последнее главным образом выразилось в том, что значительно снизилось влияние деклари-

рованных в УК РФ принципов (ст. 3-7). Ответно и в целях предупреждения неблагоприятных последствий декодификации уголовного законодательства получили развитие законодательное усмотрение и усмотрение судей и других правоприменителей. Однако такой подход усугубляет ситуацию кризиса в условиях значительного падения уровня правосознания (общественного и профессионального правосознания), также правовой культуры.

Все чаще государственная власть принимает решения о преступности и наказуемости деяний, руководствуясь принципом целесообразности. Например, Государственная Дума в 2015 г. приняла к рассмотрению законопроект № 953398-6, в пояснительной записке к которому было указано: «В 2014 году из 719305 лиц – общего числа осужденных – 330898 лиц были признаны виновными и осуждены за преступления небольшой тяжести. Между тем нередко деяния, квалифицируемые сегодня как преступления небольшой тяжести, либо лица, их совершившие, не обладают достаточной степенью общественной опасности. Негативные последствия от судимости в таких случаях (причем не только для самого осужденного, но и для его близких родственников) не вполне адекватны характеру этих деяний или личности осужденного. Внесение в действующее законодательство предлагающихся изменений создаст условия для выведения из-под действия уголовного закона или из сферы уголовной ответственности в общей сложности более 300 тысяч человек, что в свою очередь будет способствовать положительным изменениям в социальной структуре общества за счет значительного сокращения числа лиц, имеющих судимость» [1].

В практике декриминализации распространенных преступлений усматривается ограничение пределов кодификации законодательным усмотрением. Под *законодательным усмотрением* здесь понимается право законодателя осуществлять законотворчество, не легализуя его концепцию и правила, изменяя объем законодательно закрепляемой совокупности уголовно-правовых норм без учета криминологических оснований норм уголовного права. Уголовный закон адаптируется к реалиям правоприменительной практики, проблемам правосудия и правоохранительной системы, как следствие, посредством уголовного закона решаются не фундаментальные задачи уголовного права (защиты интересов личности, общества и государства от преступных посягательств), а ситуационные уголовно-политические задачи, прежде всего, регулирование числа осужденных и лиц, отбывающих наказания.

Конкурентность идеи практической целесообразности и правовых принципов в связи с определением преступности и наказуемости подтверждается и в научных исследованиях. В постсоветский период стала

обсуждаться новая для российского уголовного права идея затратного характера уголовного права, в соответствии с которой в процессе уголовно-правового регулирования предлагается учитывать издержки в связи с применением уголовного закона, также отрицательные последствия уголовного наказания. По оценке А.Э. Жалинского, «уголовная политика должна рассматриваться, возможно, метафорически, как рынок специфических услуг, а его развитие – осуществляться в коммуникациях между потребителями – субъектами правового оборота, нуждающимися в защите, и субъектами этих услуг – государственными и общественными, которые одновременно и предоставляют услуги, и нуждаются в них» [2, с. 205].

Сторонники *консеквенционального подхода, ориентированного на утилитаризм*, противопоставили его также нравственным аргументам и признали архаичной воспитательную функцию уголовного права. С позиции утилитариста ответы на вопросы о правильности уголовно-правовых запретов и наказании заключаются не в выводах о соответствии правовым принципам и нормам нравственности, а основываются на определении результатов законотворчества и правоприменения. Соответственно этой позиции вектор преступления и наказания должен быть направлен на результат; криминализация и пенализация оправданы, только если они имеют своим следствием хорошие результаты, которые перевешивают плохие результаты [3, с. 207-215].

Вместе с тем, такой подход, основанный на утилитаризме, может поставить под сомнение саму необходимость охранять существенные интересы личности, общества и государства путем определения, какие общественно опасные деяния признаются преступлениями, и какому наказанию подлежит лицо за совершение преступления, ведь цели криминализации и пенализации могут оставаться недостижимыми.

И.Я. Гишинский не считает «кризис наказания» только национальной проблемой и пишет, что все мировое криминологическое сообщество крайне обеспокоено неэффективностью наказания. И.Я. Гишинский полагает закономерным, что в эпоху постмодерна, обладающего свойствами, чертами, не известными ранее и определяющими развитие всех социальных процессов, выдвигается предложение об отмене уголовного права, как несовместимого с правами человека и гражданина [4, с. 295, 297].

В самом деле, «рациональная парадигма» совместима с отрицанием наказания и в целом уголовного права, ведь не только перевоспитание и исправление, но и консеквенциальные цели социальной защиты, предотвращения преступлений, ресоциализации оцениваются как нереалистичные. В разных уголовно-правовых системах рецидив преступлений

остается столь же устойчивым явлением, как и сама преступность, включая США, где во второй половине XX века была осуществлена пенитенциарная реформа с широким внедрением альтернативных лишению свободы наказаний, и много было сделано в рамках программ реабилитации преступников.

Если исключать те цели наказания, которые многими определяются как недостижимые, в том числе со ссылкой на фактическое положение дел в государстве и его уголовно-исполнительной системе, тогда возможным станет утверждение о единственной реалистичной цели наказания – цели возмездия. Однако использование такого решения в практике было бы неправильным и по существу и политически, поскольку не соответствует принципам и задачам правового демократического государства.

В правовом и демократическом государстве недопустимо относиться к уголовному праву как к услуге и не признавать нравственные и правовые основы уголовного законодательства.

Обоснование преступности и наказуемости – это сложная проблема, которую можно решать с учетом множественности задач и функций уголовного права, сближая рациональные и ценностные модели преступления и наказания.

Литература:

1. Законопроект № 953369-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Государственная дума Российской Федерации [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=953369-6&02>. – Дата доступа: – 08.05.2016.

2. Жалинский, А. Э. Правовое мышление и профессиональная деятельность юриста. Научно-исследовательские проблемы правоведения / А.Э Жалинский // Избранные труды в четырех томах. – Том 4. – М.: Издательский дом ВШЭ, 2016. – 585 с.

3. Моисеев, С.В. Философия права: Курс лекций / С.В, Моисеев. – Новосибирск: Сиб. ун-т, 2004. – 203 с.

4. Гилинский, Я. И. Криминологические основы уголовного права в эпоху постмодерна / Я. И. Гилинский // Криминологические основы уголовного права. Материалы X Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 26-27 мая 2016 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 294 – 298.

**СУЩЕСТВЕННЫЙ ВРЕД КАК ОЦЕНОЧНЫЙ ПРИЗНАК
В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ:
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ
И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ**

*А.В. Ковальчук,
кандидат юридических наук,
Академия МВД Республики Беларусь*

При разработке конкретных уголовно-правовых норм перед законодателем и научным сообществом стоит вопрос точного фиксирования грани, очерчивающей преступное поведение от не преступного. Этот вопрос имеет важное юридическое и социальное значение. Как верно по этому поводу было отмечено Е.А. Лукашевой: «Неясность, размытость границ между преступным и не преступным поведением не только снижает стабильность правоприменительной деятельности, но и отрицательно влияет на общественное правосознание, влечет адаптацию морали к нарушениям законности, разрушает чувство социальной справедливости, снижает престиж права и законности в сознании масс» [1, с. 18-19].

Исторический опыт иллюстрирует, что граница между преступным и не преступным поведением должна, прежде всего, устанавливаться законом, а не передаваться на усмотрение правоприменителя. Точность этих границ, несомненно, обеспечивается путем формулирования законодателем правовых норм. Вместе с тем эта точность не может быть достигнута во всех без исключения случаях. Поэтому нормотворец вынужден прибегать к оценочным признакам, которые приобретают значение лишь тогда, когда толкуются правоприменителем. УК Республики Беларусь (далее УК) использует немалое количество оценочных признаков, среди которых особое внимание заслуживает такой как «существенный вред». Обращение к данному уголовно-правовому признаку не случайно и вызвано двумя проблемами, требующими научного осмысления.

Суть *первой проблемы* заключается в том, что законодатель в нормах уголовного закона не описывает четких критериев разграничения существенного и несущественного вреда. Данное обстоятельство, как верно отмечено В. Лосевым, расширяет рамки усмотрения правоприменителя, что может привести (а не редко приводит) на практике к неоправданному расширению уголовной репрессии, увеличивает вероятность квалификационных ошибок, выражающихся в признании преступлений тех деяний, которые не могут признаваться таковыми в силу

недостаточной общественной опасности [2, с. 57]. Имеющие место на практике факты необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности либо необоснованного освобождения от таковой свидетельствуют о том, что правоприменитель не всегда четко может оценить ситуацию с наличием либо отсутствием исследуемого нами оценочного признака. Безусловно указанное влияет на оценку служебной деятельности правоохранительных органов, а также на престиж и повышение к ним доверия со стороны граждан.

Вторая проблема состоит в том, что законодатель, закрепляя в УК рассматриваемый оценочный признак, использует его в двух смысловых аспектах: а) как обязательный признак объективной стороны конкретного состава преступления Особенной части УК, характеризующий общественно-опасные последствия и б) как признак, отграничивающий преступления от деяний в силу малозначительности не обладающих общественной опасностью, присущей преступлению, что не в полной мере способствует пониманию его юридической природы и не вносит ясности в его правоприменение.

Так, в соответствии с ч. 4 ст. 11 УК Беларуси малозначительным признается деяние, которое не причинило и по своему содержанию и направленности не могло причинить существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам. Буквальное толкование ч. 4 ст. 11 УК Беларуси свидетельствует, что преступления – это деяния априори во всех случаях причиняющие существенный вред либо ставящие в опасность его причинения. Тогда, как малозначительные деяния по своему содержанию и направленности не причиняют и не могут причинить такого вреда. Однако анализ норм УК Беларуси свидетельствует о непоследовательности законодателя по данному вопросу.

Так, ч. 2 ст. 197 УК Беларуси «Преследование граждан за критику» формулирует квалифицированный состав этого преступления следующим образом: «Ущемление должностным лицом прав, свобод и законных интересов гражданина за направление им в государственные органы или общественные объединения предложений, заявлений или жалоб, либо за содержащуюся в них критику, либо за выступления с критикой в иной форме, повлекшее причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина, – ...». При этом основной состав этого преступления (ч.1 ст. 197 УК Беларуси) описывает те же деяния, но не повлекшие причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина. Следует ли утверждать о том, что с позиции анализа нормы о малозначительности, ч.1 ст. 197 УК Беларуси необходимо признавать малозначительным деянием? Полагаем, что на данный вопрос следует дать отрицательный ответ. Считаем, что

законодатель, конструируя квалифицирующий признак в рассматриваемой статье, допустил неточность, выразившуюся в противоречии норм ч. 4 ст. 11 УК и ч. 2 ст. 197 УК Беларуси которая должна быть исправлена.

Разрешение *первой проблемы*. Поскольку определение признака «существенный вред» является прерогативой правоприменителя, то его установление по-разному им может интерпретироваться в зависимости от правосознания и юридической грамотности лица, применяющего уголовный закон. Если правоприменитель профессионален, ему удастся качественная интерпретация данного оценочного признака, а если нет, то толкование и правоприменение могут быть ошибочными. В этой связи решение данной проблемы видится двумя способами. Первый способ – регламентирование законодателем в уголовном законе признака «существенный вред», насколько это возможно, количественной характеристикой наступивших либо возможных последствий. Например, считаем весьма справедливым разъяснение, данное в Примечании 1 к главе 35 УК Беларуси именуемой «Преступления против интересов службы», где закреплено, что «Должностное лицо, которое использовало свои властные или иные служебные полномочия для совершения преступления, не названного в настоящей главе, несет ответственность по совокупности преступлений. При этом совершение такого преступления признается существенным вредом, предусмотренным статьями настоящей главы». Второй способ разрешения данной проблемы видится в приоритетной роли Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, которому в своих руководящих разъяснениях по отдельным уголовным делам следовало бы уделять особое внимание рекомендациям по толкованию исследуемого нами оценочного признака.

Разрешение *второй проблемы*, выраженной в рассогласованности норм, предусмотренных ч. 4 ст. 11 УК и ч. 1 ст. 197 УК Беларуси, видится в исключении категории «существенный вред» в формулировке понятия малозначительного деяния.

Данные способы разрешения вышеназванных проблем позволили бы избежать чрезмерно широкого диапазона усмотрения, и, как следствие, нарушения уголовно-правовых принципов равенства граждан перед законом, неотвратимости ответственности и справедливости при вынесении решения по конкретному делу.

Литература:

1. Лукашева, Е.А. Социально-этические проблемы социалистической законности / Е.А. Лукашева // Сов. государство и право. – 1982. – № 4. – С.12–21.

2. Лосев, В. Существенный вред в составах преступлений против интересов службы / В. Лосев // Законность и правопорядок. – 2013. – № 4. – С. 57 – 61.

УДК 343.21

СТРУКТУРА УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ: ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

*В.П. Коняхин,
доктор юридических наук, профессор,
Кубанский государственный университет
(Российская Федерация)*

20-летняя практика применения УК РФ 1996 г., анализ весьма многочисленных новелл в последнем, опыт уголовного законотворчества зарубежных стран и учет новейших достижений российской доктрины уголовного права позволяют обозначить основные направления модернизации его Общей и Особенной частей.

1. К настоящему времени наукой и законодательной практикой целого ряда зарубежных стран (Англии, Голландии, Китая, Португалии, США, Финляндии, Франции, Японии) накоплено достаточно аргументов в пользу признания субъектом преступления не только физических, но и *юридических лиц*. Кроме того, РФ ратифицировала целый ряд конвенций, которые предусматривают уголовную ответственность юридических лиц (см., напр., ст.10 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности). Это открывает возможность для Российской Федерации в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, устанавливающей приоритет международных договоров РФ, распространить уголовную ответственность за отдельные преступления и на юридических лиц.

2. В современный период потребности уголовно-правового регулирования настоятельно требуют пересмотра традиционных взглядов на круг субъектов уголовно-правового отношения. Надлежащая защита интересов личности, общества и государства обуславливает необходимость признания в качестве одного из субъектов такого отношения, наряду с лицом, совершившим преступление, и государством, потерпевшего от преступления. Думается, что оптимальным ответом на этот вызов времени является разработка самостоятельного уголовно-правового института, включающего в себя не только понятие, права, а также обязанности *потерпевшего*, но и основания и порядок компенсации ему причиненного преступлением вреда.

3. Повышение качества уголовного законодательства и обеспечение

внутренней согласованности уголовно-правовых норм предполагает разработку и внедрение в отраслевую материю отдельного *института толкования используемых в УК РФ терминов* [1, с. 23; 2, с. 260]. Вполне логично, что названный институт должен располагаться в Общей части, распространяя свое действие на весь кодекс. Однако в этой связи представляется неоправданной позиция УК Китая и УК Австрии, которые разместили нормативные предписания о толковании терминов в заключительной главе Общей части. Более предпочтителен в этом отношении опыт УК Республики Беларусь, в котором определение терминов дается после декларации принципов, но перед описанием пределов действия уголовного закона.

4. Дальнейшее укрепление законности в сфере применения уголовного права предполагает разумное ограничение пределов усмотрения правоприменителя при квалификации преступлений. Это обстоятельство оправдывает целесообразность включения в систему уголовного права *института правил квалификации преступлений* [2, с. 260; 3, с. 8]. Располагаться в структуре уголовного закона он должен перед институтом наказания.

5. Важным направлением совершенствования уголовного законодательства является разработка четких и согласованных с нормами международного и процессуального права предписаний относительно выдачи иностранным государствам лиц, совершивших преступление. Указанные предписания, обладая материально-правовым характером, должны быть сосредоточены в уголовном законодательстве, поскольку образуют самостоятельный *институт экстрадиции*, модель которого уже представлена в специальной литературе [4, с. 19-21]. Этот институт целесообразно разместить в системе Общей части УК РФ после института пределов действия уголовного закона во времени и в пространстве.

6. Имеются значительные резервы для оптимизации Особенной части УК РФ и, прежде всего, ее системы. Дело в том, что в современных условиях *сложившаяся иерархия объектов уголовно-правовой охраны и основанный на ней порядок (последовательность) систематизации Особенной части УК РФ требуют пересмотра*. В существующей иерархии интересы коллективной (общечеловеческой) безопасности остаются явно недооцененными, хотя именно безопасность жизнедеятельности многих людей должна быть поставлена во главу угла при решении вопросов о содержании и систематизации уголовного законодательства. Это означает, что в системе Особенной части УК РФ нормы об ответственности за преступления против мира и безопасности человечества (гл. 34), а также за преступления против общественной безопасности (гл. 25) должны занять соответственно первое и второе место. Ведь

очевидно, к примеру, что геноцид, а также террористический акт или захват заложников, особенно в случае сопряженности последних с умышленным причинением смерти человеку (п. «б» ч. 3 ст. 205, ч. 4 ст. 206 УК РФ) отнюдь не уступают, а, наоборот, превосходят по характеру и степени общественной опасности убийство, в том числе квалифицированное (ч. 2 ст. 105 УК РФ). Важно еще раз подчеркнуть, что такой подход не нарушает, а лишь уточняет закрепленную в Конституции РФ иерархию объектов правовой охраны: личность – общество – государство, поскольку с аксиологической точки зрения человеческий фактор остается доминирующим при определении структуры и степени ценности таких объектов как мир и безопасность человечества, общественная и экологическая безопасность. В контексте изложенного уместно также напомнить, что подобный вывод относительно главы о преступлениях против мира и безопасности человечества уже получил официальную апробацию в УК целого ряда зарубежных государств (в частности, Латвийской республики, Литовской республики, Республики Польша, Республики Беларусь, Франции).

7. Отдельные главы Особенной части УК РФ нуждаются в *разукрупнении*, поскольку включают в себя не одну, а две различные группы преступлений, каждая из которых имеет свой родовой объект. Например, глава 16 Особенной части УК РФ объединяет в себе две относительно самостоятельные группы преступлений: против жизни (ст. 105–110) и против здоровья (ст. 111–125). Глава 25 Особенной части УК РФ охватывает собой преступления против здоровья населения (ст. 228–239) и преступления против общественной нравственности (ст. 240–245). Такой подход к конструированию глав Особенной части УК РФ нуждается в корректировке. Он в известной степени служит показателем того, что, скажем, здоровье человека или общественная нравственность не рассматриваются российским законодателем в качестве самостоятельных, равновеликих объектов, требующих позиционирования на уровне отдельных глав уголовного закона. Очевидно, что должная оценка этих объектов, а равно соблюдение единого стандарта законодательной техники – «один объект – одна глава», требуют пересмотра содержания отмеченных двух глав и объединяющего их раздела.

Резюмируя изложенное, можно заключить, что реализация всех вышеперечисленных рекомендаций будет способствовать оптимизации структуры Уголовного кодекса РФ, а, следовательно, повышению эффективности применения его предписаний на практике.

Литература:

1. Гаухман, Л.Д. Нужен новый УК РФ / Л.Д. Гаухман // Законность. – 1998. – № 7. – С. 22 – 25

2. Коняхин, В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / В.П. Коняхин. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 348 с.

3. Идрисов, Н.Т. Правила квалификации преступлений: понятие, виды, проблемы правового регулирования: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н. Т. Идрисов, Самар. гос. ун-т, Самара, 2009. – 22 с.

4. Коняхин, В.П. Уголовно-правовая регламентация института экстрадиции: перспективы оптимизации / В.П. Коняхин, А.И. Гончаренко // 20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации: de lege late et de lege ferenda: мат-лы Межд. науч.-практ. конференции (Ярославль, 23-24 июня 2016 г.). – Ярославль, 2016. – С. 12 – 21.

УДК 343.43

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ В РАМКАХ ГЛАВЫ 22 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Е.А. Коротич,

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина

В действующем Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) основанием систематизации преступлений на главы является родовой объект, под которым теория уголовного права традиционно понимает группу родственных и взаимосвязанных общественных отношений, охраняемых уголовным законом [1, с. 92]. Преступные посягательства, связанные общностью родового объекта, объединяются в рамках отдельных глав Особенной части УК, в названии которых и отражается сущность родового объекта соответствующей группы преступлений. Систематизация противоправных деяний по признаку родового объекта является существенным достижением юридической техники: основываясь на учете материального признака преступления, она позволяет определить «характер и значение объединяемых ... отношений для интересов общества и государства» [1, с. 92], а также установить, «какой именно группе, сфере однородных интересов причинен или может быть причинен ущерб в результате совершения преступного деяния» [2, с. 214].

К сожалению, в уголовном законе Республики Беларусь принцип систематизации преступлений по признаку родового объекта выдержан не до конца, подтверждением чему является гл. 22 УК «Преступления против личной свободы, чести и достоинства». Несмотря на то, что в юридической литературе подобное объединение преступных деяний неоднократно становилось предметом критических замечаний, законо-

датель счел отношения в сфере обеспечения личной свободы, с одной стороны, и чести, достоинства — с другой, столь однородными, а указанные социальные блага — настолько взаимосвязанными, что объединил преступные посягательства на них в рамках одной структурно обособленной главы. С реализованным в УК законодательным решением можно было бы согласиться только с той позицией, что и личная свобода, и честь и достоинство являются составляющими одного и того же явления — неприкосновенности личности. Однако в уголовном законе Республики Беларусь преступления против неприкосновенности личности как таковые структурно не обособлены, а нормы об ответственности за посягательства на отдельные ее проявления рассредоточены по различным разделам и главам УК.

Теоретико-правовое определение родового объекта как совокупности родственных и взаимосвязанных общественных отношений дает основание говорить о том, что при решении вопросов структурного обособления преступных деяний в системе Особенной части УК необходим учет таких признаков, как однородность общественных отношений, которым причиняется или может быть причинен ущерб объединяемыми преступлениями, и их взаимосвязь. При этом очевидно, что проблеме однородности (или неоднородности) общественных отношений в качестве объекта преступлений, систематизированных в рамках гл. 22 УК, следует решать с точки зрения сущности и содержания объединяемых объектов уголовно-правовой охраны, а именно: личной свободы, чести и достоинства. Как правило, в современной литературе личная свобода определяется как «свобода физическая (то есть свобода передвижения, определения места нахождения и т.д.) ... и свобода, предполагающая отсутствие какого-либо психического давления, направленного на изменение поведения человека» [3, с. 42]. В свою очередь, честь — «это общественная оценка личности с нравственных позиций ...», достоинством же признается «самооценка человека, базирующаяся на воспитанных с детства качествах ...» [4, с. 113–114]. Даже не подвергая детальному анализу приведенные определения, можно констатировать, что они обозначают разные явления, в связи с чем не представляется возможным говорить об однородности тех общественных отношений, в рамках которых они находят свое проявление.

Еще более проблематично апеллирование к аспекту взаимосвязи систематизированных в рамках гл. 22 УК объектов уголовно-правовой охраны в качестве их объединяющего фактора: с точки зрения теории прав человека, все права и свободы человека (не говоря уже о личных (гражданских) правах), взаимосвязаны и взаимообусловлены. Более того, общественные отношения, в которых находит свое проявление лич-

ная свобода, настолько разнообразны и сложны, что так или иначе охватывают и те социальные связи, основным объектом которых являются, помимо чести и достоинства, свобода труда и передвижения, свобода выбора места жительства и свобода от вмешательства в личную жизнь, а также другие охраняемые уголовным законом блага, в связи с чем законодатель с тем же успехом мог бы поместить преступления против личной свободы, к примеру, в гл. 23 УК «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Между тем, как справедливо отмечает В.В. Панкратов, «необходимо принципиально определиться – что будет выступать в качестве критерия объединения в той или иной главе составов преступлений: либо это будут тождественные или однородные охраняемые уголовным законом интересы либо в процессе распределения составов по главам и разделам УК будут вклиниваться иные, не связанные с функциональным содержанием охраняемых правом благ, моменты» [5, с. 66]. Безусловно, для построения научно обоснованной системы преступлений, на которую можно было бы ориентироваться в ходе криминализации деяний и при решении вопросов квалификационно-разграничительного характера, необходим единый классификационный признак – родовой объект преступления.

Помимо того, что преступления против личной свободы и посягательства на честь и достоинство отличаются признаками родового объекта, для данных видов преступных деяний не характерно и формальное сходство: рассматриваемые преступления существенно отличаются по признакам объективной стороны. Различно здесь и содержание умысла виновных. И хотя названные признаки при решении вопросов структурирования преступлений не имеют значения системообразующего критерия, они, тем не менее, позволяют судить о разной направленности рассматриваемых групп преступлений.

В контексте сказанного объединение в рамках гл. 22 УК преступлений против личной свободы, чести и достоинства, с точки зрения принятого критерия систематизации, представляется искусственным. Устранению данного недостатка могло бы способствовать структурное обособление преступлений против личной свободы в рамках отдельной главы УК – «Преступления против личной свободы». Структурное обособление данных преступлений позволило бы обеспечить не только однородность соответствующей рубрики уголовного закона, с точки зрения юридической природы объединяемых деяний, но и в большей степени отражало бы содержание и значение личной свободы в качестве объекта уголовно-правовой охраны. Следует отметить, что подобный прием систематизации известен уголовному закону многих зарубежных государств.

Литература:

1. Уголовное право. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий [и др.] ; под ред. В.М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002. – 496 с.
2. Курс уголовного права : в 5 т. / Моск. гос. ун-т ; под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – М. : Зерцало-М, 2002. – Т. 1 : Общая часть. Учение о преступлении / Г. Н. Борзенков [и др.]. – XII, 611 с.
3. Марчук, В. Торговля людьми (уголовно-правовой анализ и квалификация) / В. Марчук // Суд. весн. – 2002. – № 4. – С. 41–45.
4. Уголовное право. Особенная часть : учеб. для вузов / Т. И. Ваулина [и др.] ; отв. ред.: И. Я. Козаченко [и др.]. – М. : Инфра-М : Норма, 1997. – 768 с.
5. Панкратов, В. В. Уголовно-правовая охрана личной свободы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. В. Панкратов. – Екатеринбург, 1999. – 155 л.

УДК. 343.366

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПРАВА НА ИМУЩЕСТВО ПУТЕМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ

*Л.В. Лобанова,
доктор юридических наук профессор,
Волгоградский государственный университет,
(Российская Федерация)*

Отправной точкой для обсуждения проблемы, озвученной в названии доклада, является рекомендация, содержащаяся в абзаце 2 п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 года № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Здесь говорится: «Если мошенничество совершено в форме приобретения права на чужое имущество, преступление считается оконченным с момента возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным (в частности, с момента регистрации права собственности на недвижимость или иных прав на имущество, подлежащих такой регистрации в соответствии с законом; со времени заключения договора; с момента совершения передаточной надписи (индоссамента) на векселе; со дня вступления в силу судебного решения, которым за лицом признается право на имущество, или со дня принятия иного правоустанавливающего решения уполномоченными органами власти или лицом, введенными в заблуждение относительно наличия у

виновного или иных лиц законных оснований для владения, пользования или распоряжения имуществом)» [1].

Отвечая на вопрос о том, с какого момента может быть признано оконченным мошенничество, совершаемое в форме приобретения права на имущество, высший судебный орган России в данном абзаце упомянутого Постановления в то же время определил свою позицию и по другой проблеме правоприменительной практики. Речь идёт о квалификации умышленных действий лиц, выступающих стороной в гражданском или арбитражном процессе, направленных на введение вершителей правосудия в заблуждение, результатом которых является признание за лицами права на имущество. Надо полагать, Пленум Верховного Суда РФ подобные действия склонен считать мошенничеством. Во всяком случае именно такой вывод был сделан многими представителями научной общественности, комментирующими приведённое положение [2, с. 14; 3, с. 91; 4, с. 314]. Однако далеко не все исследователи признают бесспорной допустимость уголовно-правовой оценки приобретения такого рода способом права на имущество как мошенничества. Так, С. Петров, в целом разделяя точку зрения изложенную в указанном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, сетует на то, что после появления данного интерпретационного акта, некоторые судебные органы не усматривают признаков мошенничества в том случае, когда в заблуждение вводится именно суд. В целях коррекции правоприменения названный автор предлагает уточнить суть мошенничества, показанную Пленумом в п. 1 того же Постановления, прямо указав на суд как на один из органов власти, которые «передают имущество или право на него другим лицам либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другими лицами» [5, с. 43].

В свою очередь отдельными теоретиками вовсе отрицается правильность разделяемой Пленумом Верховного Суда РФ такой трактовки мошеннических действий, при которой обманутым (обманиваемым) в этом преступлении может выступать не только собственник либо владелец имущества, но и другое лицо, уполномоченное осуществлять в отношении такового [имущества] юридически значимые действия. Так, некоторые учёные обращают внимание на то, что при мошенничестве приобретение вещи, права на имущество осуществляется с разрешения потерпевшего [6, с. 65; 7, с. 9].

Свойство мнимой добровольности передачи потерпевшим (или иным владельцем) имущества или права на него как обязательный атрибут мошенничества отмечают не только современные авторы [7, с. 42; 8, с. 17]. Ещё И.Я. Фойницкий, характеризуя мошеннический обман, подчёркивал, что он направлен на то, чтобы потерпевший сделал опреде-

лённое по имуществу распоряжение, которым бы оно предоставлялось виновному [10, с. 257].

По нашему мнению, для сомнений в истинности позиции высшего органа России, действительно, есть почва. Прежде всего, возникает вопрос об адекватности квалификации приобретения права на имущество стороной, злоупотребляющей своими процессуальными правами, лишь по ст. 159 УК РФ уровню общественной опасности содеянного. Ведь такая оценка не отражает того обстоятельства, что в подобной ситуации ущерб собственнику либо иному владельцу имущества причиняется опосредованно, посредством причинения вреда правосудию, а именно: отношениям, складывающимся в сфере доказывания, и авторитету судебной власти. К сожалению, далеко не во всех случаях достижение соответствия квалификации рассматриваемого варианта обмана суда принципу справедливости возможно путём обращения правоприменителя дополнительно к ч. 1 ст. 303 УК РФ. Причём причина заключается не только в недостаточной дифференциации ответственности за фальсификацию доказательств по гражданскому делу, как полагают некоторые исследователи, предлагая, например, установить повышенную ответственность за фальсификацию доказательств, повлекшую принятие незаконного судебного решения [3, с. 95]. Ведь далеко не всегда обман суда облекается в форму фальсификации доказательств. Он может выступать и в качестве дачи ложных объяснений истцом, вступившим в сговор с представителем ответчика о признании иска.

Учитывая инвариантность способов обмана вершителей правосудия, отдельные авторы считают целесообразным конструирование нового квалифицированного состава мошенничества, в котором роль квалифицирующего признака будет отдана использованию заведомо незаконного судебного решения [11, с. 12]. Но и реализация такого рода предложения не представляется нам приемлемым решением проблемы уголовно-правовой оценки приобретения права на имущество путём злоупотребления процессуальными правами. В рассматриваемой ситуации потерпевший (собственник либо владелец имущества) не только не делает под влиянием заблуждения никаких распоряжений имущественного характера, но и в большинстве случаев чётко осознаёт отсутствие оснований для получения имущества или права на него у виновного. Противоправность действий последнего, следовательно, потерпевший прекрасно понимает. У самого виновного также, как правило, нет иллюзий относительно восприятия потерпевшим всего происходящего в ходе процессуальной деятельности, по итогам которой незаконно изменяется носитель права на имущество. Используемый недобросовестной стороной судебного процесса способ обогащения соответственно не исчер-

пывается обманом или злоупотреблением доверием, под влиянием которого суд как уполномоченный орган власти не препятствует изъятию истребуемого имущества данной стороной или приобретению ею права на указанное имущество. Здесь явно прослеживаются и признаки открытого хищения, а точнее покушения на него. Причём эти признаки сохранились бы и в том случае, если бы судьи не были обмануты, а находились в сговоре с лицом, посягающим на имущественные интересы потерпевшего.

Естественно, что такого рода деяние вовсе невозможно квалифицировать как мошенничество, поскольку лиц, введённых в заблуждение, нет. Но для претерпевающего имущественные потери ничего не изменилось! Его, с помощью суда, посредством неправосудия, лишили права на имущество. Публичные интересы тоже претерпевают вред: авторитет судебной власти страдает так же, если ещё не в большей степени.

Представляется, что и в последней ситуации, и в той, которая подразумевается в п. 1, абз. 2 п. 4 упомянутого Постановления Пленума Верховного Суда РФ, речь должна идти вовсе не о мошенничестве, а о другом, пока не известном уголовному закону способе незаконного приобретения «права на имущество», причём способе более опасном, чем просто обман или злоупотребление доверием. Здесь не только нарушается не один, а как минимум два объекта уголовно-правовой охраны (отношения собственности и отношения, складывающиеся в сфере правосудия), но и проявляется определённая дерзость по отношению к потерпевшему: право на имущество у последнего отбирается вопреки его ясно выраженной воле.

Суть этого способа может быть охарактеризована как злоупотребление участниками судебного процесса своими процессуальными правами. Учитывая распространённость случаев, когда процессуальные противники прибегают к тому, чтобы использовать суд как орудие захвата чужого блага, российскому, а возможно, и белорусскому законодателю, следовало бы подумать о признании за этим способом его преступного характера. По всей вероятности, необходимо говорить о новой форме хищения чужого имущества либо приобретения права на него.

Литература:

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 2.
2. Яни, П. Постановление Пленума Верховного Суда о квалификации мошенничества, присвоения и растраты: объективная сторона преступления / П. Яни // Законность. – 2008. – № 4. – С. 14 – 20.

3. Смолин, С. Обман суда: способ мошенничества или преступление против правосудия? / С. Смолин // Уголовное право. – 2015. – № 1. – С. 91 – 95.

4. Лобанова, Л.В. Суд как орудие мошенника? / Л.В. Лобанова, М.А. Князьков // Материалы Научной сессии, г. Волгоград, 22-26 апреля 2013 г. Вып. 4. Право и юриспруденция. Философия и социология науки. – Волгоград: изд-во ВолГУ, 2013. – С. 313-315.

5. Петров, С. Обман суда как способ мошенничества / С. Петров // Уголовное право. – 2013. – № 6. – С. 40 – 45.

6. Сабитов, Р.А. Уголовно-правовая оценка обманов и действий, совершённых с документами: монография / Р.А. Сабитов, Е.Ю. Сабитова. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 344 с.

7. Горобец, К.В. Мошенничество по уголовному праву России и Франции: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / К.В. Горобец. – М., 2009. – 27 с.

8. Хабаров, А.В. Преступления против собственности: учебное пособие / А.В. Хабаров. – Тюмень: изд-во Тюменского ун-та, 1999. – 116 с.

9. Беляк, О.С. Ответственность за мошенничество по уголовному праву России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / О.С. Беляк. – М., 2006. – 21 с.

10. Фойницкий, И.Я. Мошенничество по русскому праву: монография / И.Я. Фойницкий. – СПб., 1871. – 254 с.

11. Ильин, И.В. Теоретические основы борьбы с мошенничеством, совершаемым в экономической сфере (уголовно-правовые и криминологические проблемы): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук / И.В. Ильин. – М., 2011. – 59 с.

УДК 343.35

МОТИВЫ И ЦЕЛИ ЗЛУОПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В.В. Лосев,

кандидат юридических наук, доцент

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина

В ч. 2 ст. 424 «Злоупотребление властью или служебными полномочиями» Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) и в ч. 1 ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве обязательных признаков субъективной стороны основного состава зло-

употребления названы альтернативные мотивы – корыстная или иная личная заинтересованность.

В Модельном Уголовном кодексе для государств – участников СНГ в ст. 301 «Злоупотребление служебным положением» предусмотрены три альтернативных мотива – наряду с названными еще и групповая заинтересованность.

Конвенция ООН против коррупции 2003 г. (далее – Конвенция ООН), предлагая признавать в национальных законодательствах в качестве уголовно наказуемого деяния злоупотребление служебным положением (ст. 19), обязательными признаками его субъективной стороны называет не мотивы, а альтернативные цели получения какого-либо неправомерного преимущества: 1) для себя самого или 2) для иного физического или юридического лица.

В современном уголовном законодательстве Украины и Республики Казахстан обязательными признаками субъективной стороны основного состава злоупотребления, так же как и в Конвенции ООН, признаются не мотивы, а цели. В ч. 1 ст. 364 «Злоупотребление властью или служебным положением» Уголовного кодекса Украины это те же две альтернативные цели. В ч. 1 ст. 361 «Злоупотребление должностными полномочиями» Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК) предусмотрен более широкий круг альтернативных целей основного состава злоупотребления: 1) цель извлечения выгод и преимуществ для себя, или 2) цель извлечения выгод и преимуществ для других лиц или организаций, либо 3) цель нанесения вреда другим лицам или организациям.

Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией») при определении понятия коррупции говорит не о мотивах, а о целях. Названы четыре альтернативные цели коррупции – это цель противоправного получения: 1) имущества для себя, или 2) имущества для третьих лиц, или 3) другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя, или 4) другой такой же выгоды для третьих лиц.

Виден различный подход законодателей к определению мотивов и целей как обязательных субъективных признаков коррупционного преступления – злоупотребления.

По нашему мнению, корыстная и иная личная заинтересованность – это основные мотивы любого коррупционного проявления, поэтому они должны быть сохранены в качестве обязательных признаков злоупотребления властью или служебными полномочиями. Вместе с тем, очевидно, остались вне пределов криминализации и сегодня не могут быть

с точки зрения текста ч. 2 ст. 424 УК Республики Беларусь признаны преступными случаи должностного злоупотребления в противоправных интересах конкретного гражданина или юридического лица не из корысти и не из иной личной заинтересованности (а также когда такие личные мотивы не установлены (не доказаны)), пусть даже подобное злоупотребление причинило общественно опасные последствия.

Поэтому представляет интерес и заслуживает обсуждения вопрос о возможном включении в ч. 2 ст. 424 УК Республики Беларусь в качестве альтернативного мотива, помимо корыстной и иной личной заинтересованности, еще групповой заинтересованности, а также цели.

По сравнению с названными международными актами и нормативными правовыми актами РК и Украины наиболее оптимально и всеобъемлюще определены цели коррупционного поведения, проявлением которого является и злоупотребление, в Законе Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией».

Во-первых, определена цель получения не только выгоды, но и имущества для себя или для третьих лиц. Не всегда такая цель получения имущества обусловлена корыстной или иной личной заинтересованностью (понятие корыстных мотивов содержится в ч. 10 ст. 4 УК Республики Беларусь; понятия корыстной и иной личной заинтересованности определены в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК)»).

Коррупционными правонарушениями в ст. 37 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» признаются, в частности, совершаемые независимо от корыстной или иной личной заинтересованности такие действия, как: передача государственным должностным лицом физическим лицам, а также негосударственным организациям бюджетных средств или иного имущества, находящегося в государственной собственности либо в собственности организаций, в уставных фондах которых 50 и более процентов долей (акций) находится в собственности государства и (или) его административно-территориальных единиц, если это не предусмотрено законодательными актами; использование государственным должностным лицом в личных и иных внеслужебных интересах предоставленного ему для выполнения государственных функций имущества, находящегося в государственной собственности, если это не предусмотрено актами законодательства; использование государственным должностным лицом своих служебных полномочий в целях получения кредита, займа, приобретения ценных бумаг, недвижимого и иного имущества.

Во-вторых, в Законе Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» говорится о цели именно противоправного получения имущества или других выгод. Для сравнения, в УК РК идет речь о цели извлечения в результате злоупотребления любых выгод и преимуществ, а не только неправомерных. Названные в ч. 1 ст. 361 УК РК цели охватывают, по сути, любые устремления субъекта злоупотребления, в т.ч. законные, по сути, любые благие намерения, чем значительно расширяются пределы криминализации. А поскольку любое действие человека совершается мотивировано – либо для себя, либо для других лиц, то и всякое злоупотребление в соответствии с текстом УК РК должно признаваться преступным независимо от мотивов и целей. От такого подхода к криминализации злоупотребления белорусский законодатель отказался еще в 2009 г.

«Нанесение должностным лицом вреда другим лицам или организациям» (такая цель предусмотрена в УК РК) является, скорее, проявлением превышения служебных полномочий, поэтому нет оснований называть ее целью злоупотребления.

Мотив «групповая заинтересованность» может быть в случаях, когда должностное лицо, не имея личной корысти и других некорыстных личных интересов, вместе с тем использует свои служебные полномочия вопреки интересам службы в противоправных интересах группы – к примеру, политической партии, общественного объединения, религиозной организации, пусть даже это лицо не является их членом.

Представляется, что случаи злоупотребления как по предусмотренным в УК Республики Беларусь мотивам корысти или иной личной заинтересованности, так и по мотиву групповой заинтересованности, а также с целью противоправного получения имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц представляют одинаковую по степени общественную опасность. Дополнение ч. 2 ст. 424 УК Республики Беларусь этими мотивом и целями согласуется и с международным, и с национальным законодательством о борьбе с коррупцией.

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТУПКА

Д. Г. Мороз,

кандидат юридических наук,

Белорусский государственный университет

1. Анализ отечественного и зарубежного законодательства, правоприменительной практики, а также юридической литературы свидетельствует о том, что в настоящее время назревает вопрос о необходимости осмысления создания в законодательстве Республики Беларусь правовой категории публичного проступка и установления нормативного регулирования ответственности за его совершение. При решении данного вопроса следует исходить, прежде всего, из необходимости обеспечения адекватного соответствия действующего законодательства, правовой действительности и социальной реальности.

2. В Республике Беларусь ответственность за совершение публичных противоправных деяний установлена нормами Уголовного кодекса и Кодекса об административных правонарушениях. Формальным критерием разграничения уголовно и административно наказуемых деяний является существенность или несущественность причиняемого вреда.

Вместе с тем, изучение действующего законодательства и практики его применения позволяет констатировать, что не во всех случаях возможно однозначное определение существенности вреда, причиняемого в результате совершения противоправного деяния. В частности, некоторые статьи УК содержат нормы, которые устанавливают ответственность как за несущественное (ч. 1 ст. 197 УК Беларуси), так и за существенное причинение вреда (ч. 2 ст. 197 УК Беларуси). Отдельные составы преступления, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами УК Республики Беларусь, не обладают в полной мере, по нашему мнению, степенью общественной опасности, свойственной преступлениям (ст. 217; ч. 1 ст. 250 УК Беларуси).

КоАП Республики Беларусь устанавливает ответственность за совершение двух различных по своей юридической природе видов правонарушений. Первая группа – это правонарушения, влекущие судебную ответственность и схожие по своим признакам с преступлениями, но обладающие меньшей степенью опасности по сравнению с преступлениями (ст. ст. 9.1; 9.2; 9.3; 10.1–10.7; 10.9; 11.1; 11.9; 11.18; 11.25; 11.26; 12.12; 12.16; 14.3–14.4; 17.1; 18.12–18.14 КоАП и др.). К этой группе можно отнести и некоторые правонарушения, не обладающие призна-

ками схожести с преступлениями, но также, влекущие судебную ответственность (ст. ст. 17.5; 17.6; 17.8; 17.10; 17.11; КоАП и др.).

Вторая группа – это правонарушения, являющиеся по своей природе сугубо управленческими (административными) и не обладающие признаками схожести с уголовно наказуемыми деяниями. Виновных за совершение данных правонарушений к ответственности привлекают не судебные, а административные органы (ст. ст. 9.24; 11.3; 11.7; 11.62; 15.14 -15.17; 15.25; 15.44; 15.58 КоАП и др.).

Как уже отмечено, УК и КоАП Республики Беларусь устанавливают ответственность за различные по степени опасности, но схожие по своему содержанию противоправные деяния. Однако рассогласованность некоторых положений Общих и Особенных частей указанных кодексов в отдельных ситуациях порождает невозможность привлечения лица, совершившего объективно противоправное деяние, ни к уголовной, ни к административной ответственности.

Таким образом, действующее уголовное законодательство Беларуси содержит целый ряд норм, устанавливающих ответственность за совершение деяний, которые по степени своей общественной опасности не всегда соответствуют понятию преступления как наиболее общественно опасного вида правонарушений. Очевидно, что в настоящее время такие противоправные деяния нуждаются в иной форме публично-правового воздействия, отличной от уголовной ответственности.

Указанные обстоятельства порождают необходимость рассмотрения вопроса об обеспечении системности и определенности правовой регламентации ответственности за совершение противоправных деяний, схожих с преступлениями, но не обладающих степенью общественной опасности, присущим преступлениям. Такие противоправные деяния можно определить как публичные проступки.

3. Решение обозначенной проблемы может быть осуществлено посредством одного из следующих вариантов.

Во-первых, внесение понятия «уголовный проступок» как самостоятельной категории преступных деяний. По такому пути пошли Германия [1], Испания [2], Казахстан [3], Литва [4], Молдова [5], Нидерланды [6], Франция [7] и др. За совершение этой категории преступных деяний следует установить систему более мягких видов наказаний и закрепить в уголовном законе норму о том, что совершение уголовного проступка не влечет за собой судимость.

Однако данное решение проблемы имеет определенные недостатки, поскольку повлечет значительное увеличение количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности, причем за незначительные по

степени опасности деяния и расширение пределов криминализации даже при отсутствии у осужденного судимости.

Второй вариант может заключаться в решении данной проблемы в рамках КоАП. Однако и данный вариант нельзя признать безупречным. При таком подходе не решается и вопрос об исключении из КоАП норм, устанавливающих ответственность за правонарушения, являющиеся по своей природе сугубо управленческими (административными) и не обладающие признаками схожести с уголовно наказуемыми деяниями.

Третий вариант может заключаться в решении проблемы в пределах отдельного нормативного акта – Кодекса Республики Беларусь о публичных проступках (КоПП Республики Беларусь). Это создаст основу для формирования самостоятельного вида юридической ответственности, отличающегося как от административной, так и от уголовной.

По пути принятия специальных законодательных актов, устанавливающих ответственность за совершение публичных проступков, пошли некоторые государства. Это, например, законы Республики Сербия «О проступках» [8], Республики Словения «О проступках» [9], Хорватской Республики «О проступках против публичного порядка и спокойствия» [10], Чешской Республики «О проступках» [11].

Вопрос о принятии в национальном законодательстве специального нормативного акта, регламентирующего ответственность за совершение публичного проступка, рассматривается и в некоторых государствах бывшего СССР [12].

Реализация третьего варианта решения рассматриваемой проблемы позволит достичь следующих результатов:

- 1) декриминализации значительного количества деяний, которые с точки зрения современной теории и практики уголовного права и их социальной оценки, необоснованно признаны преступными;

- 2) гуманизации уголовно-правовой политики государства посредством исключения большого количества лиц из числа, привлекаемых к уголовной ответственности в результате того, что лица, совершившие проступки: а) не будут привлекаться именно к уголовной ответственности обвинительным приговором с суда; б) к ним будут применяться судебные взыскания, не влекущие судимости. Это, в свою очередь, будет способствовать сокращению криминальной стигматизации лиц, допустивших совершение правонарушений небольшой общественной опасности и соответственно сокращению криминального рецидива;

- 3) обеспечения законности, системности и справедливости правового регулирования ответственности противоправных деяний, предполагающих применение судебных мер взыскания, но не обладающих степенью общественной опасности, свойственной преступлениям.

4. Правовая регламентация ответственности за совершение проступка может быть осуществлена путем выделения из Уголовного кодекса Республики Беларусь и последующего включения в Кодекс о публичных проступках нормы, которые в настоящий момент устанавливают уголовную ответственность за совершение таких деяний, общественная опасность которых явно не соответствует степени общественной опасности, свойственной преступлениям. В свою очередь, в Кодексе об административных правонарушениях необходимо будет выделить и включить в Кодекс о публичных проступках нормы, устанавливающие ответственность за деяния, которые в настоящее время считаются административными правонарушениями и предполагают применение судебных мер взыскания.

В Кодексе об административных правонарушениях Республики Беларусь целесообразно сосредоточить нормы управленческого характера, устанавливающие ответственность за совершение противоправных деяний, взыскания за которые налагаются различного рода административными органами (органами внутренних дел, инспекциями, административными комиссиями, вышестоящими должностными лицами и т.д.) и соответственно, не предполагающие судебной ответственности.

Литература:

1. Уголовный кодекс ФРГ / Москов. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; пер. и предисл. А.В. Серебренникова. – М.: Зерцало, 2001. – 200 с.
2. Уголовный кодекс Испании / под ред. Н.Ф. Кузнецова, Ф.М. Решетников; пер.: В.П.Зырянова. – М.: Зерцало, 1998. – 218 с.
3. Уголовный кодекс Республики Казахстан // НОРМАТИВ.kz.. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://normativ.kz/view/111389/>. – Дата доступа: 01.06.2016.
4. Уголовный кодекс Литовской Республики / науч. ред. В. Павилониса; предисл. Н.И. Мацнева;. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 468 с.
5. Уголовный кодекс Республики Молдова // Lex.justice.md. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://lex.justice.md/ru/331268>. – Дата доступа: 01.06.2016.
6. Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Б.В. Волженкин; пер. И.В. Мироновой. – 2-е изд. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 509 с.
7. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. и предисл. Л.В. Головки, Н.Е. Крыловой; пер. Н.Е. Крыловой. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 648 с.
8. Закон «О Прекршајима» // Народна скупштина Републике Србије. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://>

<http://www.parlament.gov.rs/upload/archive/files/cir/pdf/zakoni/2013/2473-13.pdf> – Дата доступа: 01.06.2016.

9. Zakon o prekrških (uradno prečiščeno besedilo) (ZP-1-UPB8), Stran 3894.PRVI DEL // Uradni list RS. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.uradni-list.si/1/content?id=103272>. – Дата доступа: 01.06.2016.

10. Prekršajni zakon // Zakon.hr. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zakon.hr/z/52/Prekr%C5%A1ajni-zakon>. – Дата доступа: 01.06.2016.

11. Zákon České národní rady ze dne 17. května 1990 o přestupcích // Zakony.centrum.cz. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakony.centrum.cz/zakon-o-prestupcich/>. – Дата доступа: 01.06.2016.

12. Тацій, В.Я. Ответственность за проступок: концептуальная модель / В.Я. Тацій, В.Ю. Тютюгин и [и др.] // Вісник Асоціації кримінального права України. – 2014. – № 1(2). – С. 48 – 85.

УДК 343.241

ПРАКТИКА НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ОБЩЕЕ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Т.В. Непомнящая,

доктор юридических наук, доцент

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
(Российская Федерация)*

В целях выявления общих и отличительных особенностей в практике назначения наказаний в Российской Федерации и Республике Беларусь мною было проведено исследование статистических данных о видах наказания, назначенных судами двух государств за последние три года (2013 – 2015 г.г.).

Изучение показало, что одним из наиболее распространенных наказаний, назначаемых судами и в России, и в Беларуси, является лишение свободы на определенный срок. Так, в 2015 г. в Российской Федерации к этому виду наказания были осуждены 28,8 % от общего числа осужденных (в 2013 г. – 28,5 %, а в 2014 г. – 29,4 %) [1,2,3], а в Республике Беларусь в 2015 г. – 31,3 % (в 2013 г. – 23,2 %, в 2014 г. – 26,9 % от общего числа осужденных) [4,5,6]. При этом, как видим, если в Российской Федерации в последние три года число осужденных к лишению свободы остается практически неизменным, то в Республике Беларусь наблюдается тенденция к росту числа осужденных к этому виду наказания.

Что касается пожизненного лишения свободы в Российской Федерации и пожизненного заключения в Республике Беларусь, то этот вид наказания назначается судами довольно редко. И это не смотря на то, что в последние годы в УК РФ увеличилось число санкций, предусматривающих данный вид наказания. Так, в 2015 г. в Беларуси к этому наказанию были осуждены 0,016 %, а в России всего лишь 0,008 % от общего числа осужденных.

Наряду с лишением свободы на определенный срок распространенным видом наказания, назначаемым судами Республики Беларусь, является арест, который в Российской Федерации в настоящее время не применяется. В 2013 г. в Беларуси к этому виду наказания были осуждены 18 %, в 2014 г. также 18 %, а в 2015 г. – 16,4 % от общего числа осужденных.

Одним из распространенных видов наказаний, не связанных с лишением свободы, и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь является штраф, хотя в 2015 г. в Российской Федерации число осужденных к этому наказанию снизилось и составило всего 11,8 % общего числа осужденных, тогда как в 2013 г. – 15,8 %, а в 2014 г. – 15,7 % общего числа осужденных. В Республике Беларусь число осужденных к штрафу в качестве основного наказания довольно стабильно: в 2013 г. – 11,8 %, в 2014 г. – 11,4 %, 2015 г. – 11,2 % от общего числа осужденных.

В отличие от Российской Федерации, в Республике Беларусь довольно часто судами назначается ограничение свободы: в 2013 г. к нему были осуждены 16 %, в 2014 г. – 17,7 %, в 2015 г. – 18,7 % от общего числа осужденных, причем, в последние годы наблюдается тенденция к увеличению числа осужденных к этому наказанию. В России ограничение свободы не играет заметной роли в карательной практике, число осужденных к нему незначительно и имеет тенденцию к снижению: если в 2013 г. оно было назначено 4,3 %, в 2014 г. – 3,8 %, то в 2015 г. – 2,8 % от общего числа осужденных.

Одним из наказаний, не связанных с лишением свободы, в Российской Федерации являются обязательные работы, а в Республике Беларусь их аналог – общественные работы. Так, в 2013 г. к этому наказанию были осуждены в Российской Федерации 9,9 %, в 2014 г. – 9,8 %, в 2015 г. – 10 % от общего числа осужденных, а в Республике Беларусь 7,8%, 8,5%, 9,7 % соответственно. При этом, если в Российской Федерации число осужденных к данному наказанию в последние годы довольно стабильно, то в Республике Беларусь имеет тенденцию к увеличению, что нельзя не отметить в качестве положительной тенденции.

И в Российской Федерации, и в Республике Беларусь применяется и такое наказание, как исправительные работы.

В 2015 г. в Российской Федерации число осужденных к этому наказанию немного снизилось по сравнению с 2013 - 2014 гг. и составило 8,3 % от общего числа осужденных (в 2013 г. – 10,3 %, в 2014 г. – 10,5 %). В Республике Беларусь также произошло снижение числа осужденных к исправительным работам: в 2013 г. к ним были осуждены 7,4 %, в 2014 г. – 7 %, в 2015 г. – 5,3 % от общего числа осужденных.

Такой вид наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь назначается судами крайне редко. Так, в Республике Беларусь в 2013 г. оно было назначено судами 5,7 % от общего числа осужденных, в 2014 г. – 0,6 %, в 2015 г. – 0,4 %. В Российской Федерации этот вид наказания применяется еще реже: в 2013 – 2015 гг. к нему были осуждены 0,3 % от общего числа осужденных.

Особенностью карательной практики Российской Федерации является то, что серьезной альтернативой, как лишению свободы, так и видам наказания, не связанным с лишением свободы, является такая мера уголовно-правового характера, как условное осуждение. И хотя в 2015 г. наметилась тенденция к некоторому снижению числа осужденных условно (25,4 % от общего числа осужденных), доля осужденных к этой мере довольно высока (в 2013 г. – 30,3 %, в 2014 г. – 30,6 % от общего числа осужденных). В Республике Беларусь, напротив, число лиц, осужденных к условному неприменению наказания, довольно незначительно: в 2014 г. – 2,4 %, в 2015 г. – 1,9 % от общего числа осужденных.

В свою очередь, можно отметить, что в Республике Беларусь, в отличие от Российской Федерации, в качестве дополнительного вида наказания назначается конфискация имущества. Кроме того, в этой стране применяется такой вид наказания, как смертная казнь.

Таким образом, основные тенденции в практике назначения уголовных наказаний и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь одинаковы: наиболее распространенным наказанием, назначаемым судами, является лишение свободы. Число осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, довольно не велико.

Но в отличие от Республики Беларусь, в Российской Федерации серьезной альтернативой лишению свободы является условное осуждение.

Нельзя не оценить положительно назначение судами Республики Беларусь такого дополнительного наказания, как конфискация имущества. Ее роль состоит в усилении карательно-воспитательного воздействия на осуждённого к основному виду наказания (в первую очередь, лишению свободы) путём воздействия на его имущественные интересы. В качестве дополнительного наказания конфискация имущества имеет

серьезный предупредительный эффект. Следует иметь в виду, что Конвенция ООН «О борьбе с финансированием терроризма» 1999 г., Конвенция ООН «Против транснациональной организованной преступности» 2000 г., Конвенция Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию» 1999 г. и некоторые другие международные документы предусматривают конфискацию имущества именно как вид уголовного наказания. На наш взгляд, конфискацию имущества необходимо вновь включить в систему наказаний, предусмотренную ст. 44 УК РФ, в качестве дополнительного вида наказания, и установить возможность ее применения за совершение тяжких и особо тяжких преступлений корыстной направленности наряду с лишением свободы.

Несомненно, положительным для Российской Федерации мог бы быть и опыт Республики Беларусь по применению такого наказания, как ограничение свободы.

Основные причины относительно редкого назначения судами наказаний, не связанных с лишением свободы, и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь, одинаковы и коренятся, в первую очередь, в социально-экономической сфере. Но необходимы и серьезные изменения в законодательной регламентации как наказаний, не связанных с лишением свободы, так и лишения свободы.

Литература:

1. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания за 12 месяцев 2015 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418>. – Дата доступа: 12.07.2016.

2. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания за 12 месяцев 2013 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362>. – Дата доступа: 12.07.2016.

3. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания за 12 месяцев 2014 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883>. – Дата доступа: 12.07.2016.

4. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2015 год // Верховный Суд Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://court.by/justice_RB/statistics. – Дата доступа: 12.07.2016.

5. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции за 2013 год // Верховный Суд Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – http://court.by/justice_RB/statistics/archiv/ – Дата доступа: 12.07.2016.

6. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2014 год // Верховный Суд Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://court.by/justice_RB/statistics/archiv/ – Дата доступа: 12.07.2016.

УДК 343.233

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧАСТНИКА ПРЕСТУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИЛИ БАНДЫ

Е.В.Новикова,

кандидат юридических наук, доцент,

Белорусский государственный университет

В ст. 20 УК Республики Беларусь сформулировано специальное основание освобождения от уголовной ответственности участника преступной организации или банды.

В соответствии с п.11 постановления № 9 Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с созданием и деятельностью организованных групп, банд и преступных организаций» [1] участие в деятельности преступной организации означает вхождение в ее состав и выполнение любых действий в ее интересах. В силу ч. 2 ст. 19 УК Беларуси участником преступной организации признается и лицо, оказывающее содействие в разработке или реализации мер по осуществлению деятельности организации либо созданию условий для ее поддержания и развития.

В то же время в п. 8 указанного постановления дается следующее определение участника банды. Участником организованной группы, в том числе банды, следует признавать лицо, которое, достоверно зная о целях и характере данной группы, входит в ее состав и участвует в любой форме в подготовке или совершении преступлений. Участником банды признается также лицо, согласившееся на участие в таком преступном формировании, независимо от совершения каких-либо действий в его интересах. Очевиден различный подход в толковании понятий «участник преступной организации» и «участник банды». Применительно к участнику банды следует, на наш взгляд, говорить о лице, которое не просто дало согласие на участие в банде, но и выполнило любые действия в ее интересах.

Следует иметь в виду, что не каждый участник организованной группы, которая входит в состав преступной организации признается участником преступной организации. Для такого признания необходимо, как указывалось выше, вступление в ее состав, а значит и обязательное осознание целей организации и своей причастности к их реализации. Данная причастность может выражаться в непосредственном участии в преступной деятельности самой организации либо в оказании самой разнообразной помощи с целью разработки и реализации мер по осуществлению преступной деятельности или создания условий для ее поддержания и развития. Таким образом, для признания участником преступной организации недостаточно быть осведомленным о том, что организованная группа, членом которой является лицо, входит в преступную организацию, если отсутствует личное участие в преступной деятельности самой организации во исполнение указанных в уголовном законе целей данного формирования.

Применение данной нормы связано с серьезными проблемами в следственно-прокурорской практике. В частности, речь идет о возможности привлечения к уголовной ответственности лиц, освобожденных ранее от нее прокурором на основании ст. 20 УК Беларуси, в том случае, если впоследствии суд признал наличие не преступной организации, а например, организованной группы [2, с. 245-250]. Ведь квалификация преступления на досудебной стадии носит лишь предварительный характер, окончательное решение всегда принимает суд. Поэтому вполне реальной является следующая ситуация. Прокурор выносит постановление об освобождении от уголовной ответственности участника преступной организации, который оказал помощь следствию в изобличении других соучастников. Суд же приходит к выводу, что преступная деятельность осуществлялась не в рамках преступной организации, а, например, в рамках организованной группы. Таким образом, исключается квалификация по ст. 285 УК Беларуси и применение ст. 20 УК Беларуси, так как освобождение от уголовной ответственности участника организованной группы законом не предусмотрено.

Учеными предлагаются различные варианты выхода из создавшейся ситуации [2, с. 246]. Поскольку нет никаких гарантий, что обвинение в осуществлении преступной деятельности в рамках преступной организации или банды подтвердится в суде, постольку решение прокурора об освобождении от уголовной ответственности в порядке ст. 20 УК Беларуси базируется на вероятностном утверждении о создании и существовании именно преступной организации или банды. Несомненно, что такая вероятность должна основываться на собранных доказательствах, в том числе полученных и от освобожденных от уголовной ответствен-

ности участников преступных групп. При таком подходе дальнейшее исключение из обвинения наличия преступной организации или банды не должно отменять решение прокурора об освобождении от уголовной ответственности ее участников. Отмена возможна только при установлении отсутствия достаточных оснований применения ст. 20 УК Беларуси. Существует и другой путь разрешения указанной проблемы. На наш взгляд, было бы предпочтительнее применять ст. 20 УК Беларуси исключительно на стадии судебного разбирательства. Но введение такого порядка потребует серьезных изменений в законодательстве.

Согласно ч. 2 Примечания к Разделу X УК Беларуси, преступления, совершенные в составе преступной организации или банды, оцениваются самостоятельно и влекут ответственность по совокупности преступлений. Статья 20 УК Беларуси закрепляет освобождение от уголовной ответственности лица как за участие в преступной организации или банде, так и за совершаемые в составе данных преступных формирований преступления. Однако речь идет только о тех преступлениях, которые не относятся к категориям тяжких или особо тяжких, связанных с посягательством на жизнь или здоровье человека. Если категории преступлений четко определены в ст. 12 УК Беларуси, то о преступлениях, связанных с посягательством на жизнь или здоровье человека в уголовном законе определенности нет.

Некоторыми учеными предлагается относить к таким преступлениям только умышленные действия, непосредственно направленные на лишение жизни или на причинение тяжких телесных повреждений [3, с. 75]. Сторонники данной точки зрения полагают, что любые другие преступления, хотя и связанные с применением физического или психологического насилия, но не направленные на лишение жизни либо реальное причинение тяжких телесных повреждений, не являются препятствием для освобождения участников преступной организации или банды от уголовной ответственности.

Представляется, что при определении тяжких или особо тяжких преступлений, связанных с посягательством на жизнь или здоровье человека, необходимо учитывать следующее. Как известно, посягательство трактуется как покушение на причинение вреда, то есть деяние с прямым умыслом. Поэтому, если состав конкретного тяжкого или особо тяжкого преступления имеет в качестве непосредственного или обязательного дополнительного объекта общественные отношения по поводу жизни или здоровья человека, на который посягает виновный, то за совершение такого преступления не допускается освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 20 УК Беларуси.

Литература:

1. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с созданием и деятельностью организованных групп, банд и преступных организаций: постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 25 сент. 2003 г., № 9 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

2. Хомич, В. М. О некоторых вопросах, связанных с применением статьи 20 Уголовного кодекса Республики Беларусь / В. М. Хомич, А.В. Солтанович // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. Тр. / Науч.-практ. Центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. Прокуратуры Респ. Беларусь; редкол.: В. М. Хомич [и др.]. – Минск: БГУФК, 2010. – Вып. 3. – С. 245–250.

3. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., с изм. И доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – С. 75.

УДК 343.235

СООТНОШЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ОТЯГЧАЮЩИХ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, И КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Д.А. Плетенева,

Белорусский государственный университет

Обстоятельства, отягчающие уголовную ответственность, и обстоятельства, выступающие в качестве квалифицирующих признаков преступления, внешне воспринимаются как явления одного и того же порядка: как объективные и субъективные признаки преступления, свидетельствующие о повышенной степени общественной опасности содеянного или личности виновного. Но механизм учета этих признаков различен, различны и правовые последствия вменения этих обстоятельств. Сказанное дает основания констатировать различия в правовой природе обстоятельств, отягчающих ответственность, и квалифицирующих признаков преступления. С этим соглашается большинство криминалистов, в частности, С.В. Бородин, Э.В. Кабурнеев, Л.Л. Кругликов, Д.Ж. Буликеева [1, с. 41; 2, с. 70; 3, с. 56; 4, с. 68 – 71].

Учет обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность (ч. 1 ст. 62, ст. 64 УК Беларуси), входит в механизм индивидуализации наказания, осуществляемой судом. Э.А. Саркисова отмечает, что они

«влиют на определение судом меры уголовной ответственности в сторону ее усиления» [5, с.419].

Квалифицирующие обстоятельства выполняют иную роль. Как отмечает Л.Л. Кругликов дифференциация уголовной ответственности в Особенной части УК осуществляется законодателем преимущественно посредством квалифицированных составов (квалифицирующих признаков) и соответствующих новых рамок наказуемости [6, с.58].

Недопустимо отождествление понятий – квалифицирующие признаки и отягчающие обстоятельства (ст. 64 УК). В определенной мере предпосылкой этому является то, что в тексте самого УК используется термин «отягчающие обстоятельства» и в тех случаях, когда законодатель имеет в виду именно квалифицирующие признаки. Например, «преступления, сопряженные с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах» (ч. 1 ст. 58; ч. 1 ст. 59; ч. 2 ст. 69) или «отягчающее обстоятельство, предусмотренное статьей Особенной части настоящего Кодекса в качестве признака преступления» (ч. 3 ст. 64 УК).

Но важно, что высшая судебная инстанция отличие в терминологии учитывает. Так, в пункте 20 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27.09.2012 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст. ст. 166 -170 УК)» сказано: «Суд вправе, при наличии оснований, постановить обвинительный приговор с переквалификацией ранее предъявленного обвинения в изнасиловании, насильственных действиях сексуального характера с квалифицирующими признаками на ч. 1 ст. ст. 166, 167 УК...»

Оперирование одними и теми же терминами, а также совпадение по названию отдельных видов обстоятельств приводят к мысли о единой сущности отягчающих обстоятельств и квалифицирующих признаков. Действительно у данных понятий много общего: они находятся в тесной связи с содеянным и с личностью виновного, оказывают влияние на объемы ответственности и т.д., но:

во-первых, квалифицирующие признаки служат средством дифференциации, а не индивидуализации наказания;

во-вторых, они влияют не только на пределы (вид, размер) наказания, но и на определение категории преступления;

в-третьих, объем ответственности в составах с квалифицирующими признаками установлен самим законодателем – путем определения новых (нижней и верхней) границ санкции, иных пределов наказания, а отягчающие обстоятельства позволяют суду избирать наказание, увеличивать его лишь в рамках санкции.

Исходя из сказанного, считаем необходимым обратить внимание на важность корректного использования в уголовно-правовой терминологии понятий «квалифицирующие признаки» и «отягчающие обстоятельства». Этому может способствовать законодательное определение термина «квалифицирующий признак преступления» в ст. 4 УК и включение этого термина в соответствующие нормы кодекса. Возможна следующая редакция нормы: «Под квалифицирующими признаками преступления понимаются предусмотренные в Особенной части настоящего Кодекса дополнительные признаки преступления, свидетельствующие о повышенной общественной опасности содеянного или личности виновного, меняющие правовую оценку деяния и усиливающие его наказуемость».

Как следует из ст. 64 УК перечень обстоятельств, отягчающих ответственность, является исчерпывающим. Названные обстоятельства можно характеризовать как универсальные, т.е. проявляющиеся при совершении большинства преступлений (прежде всего умышленных). Многие обстоятельства из этого перечня используются законодателем и в качестве квалифицирующих признаков преступления (совершение преступления организованной группой, из корыстных побуждений, причинение преступлением тяжких последствий).

Но при конструировании квалифицирующих признаков преступления законодатель не связывает себя перечнем ч. 1 ст. 64 УК. Это могут быть признаки как схожие с обстоятельствами, отягчающими ответственность (например, повторность однородных преступлений), так и совершенно иные обстоятельства, характеризующие объективные или субъективные признаки преступления конкретного вида. В последнем случае решающее значение имеют специфические обстоятельства совершения преступлений определенного вида, указывающие на повышенную общественную опасность деяния или личности виновного. Примерами могут быть: торговля людьми с вывозом лица за пределы государства (п. 8 ч. 2 ст. 181 УК) или действия, дезорганизующие работу исправительного учреждения, совершенные лицом, допустившим особо опасный рецидив (ч. 2 ст. 410 УК).

В последнем случае особо значение приобретают критерии выделения квалифицирующих признаков, действительно отражающих возрастание общественной опасности преступления определенного вида. Например, трудно однозначно оценить повышенную ответственность за действия, связанные «с изготовлением или переработкой наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов с использованием лабораторной посуды или лабораторного оборудования, предназначенных для химического синтеза» (ч. 4 ст. 328 УК). Этот

признак не вызывает сомнений, когда используется технологический набор лабораторного оборудования, свидетельствующий о масштабах преступной деятельности. Что касается использования отдельных предметов лабораторной посуды (бутыль, воронка, пипетка и т.п.), то повышенная опасность преступления не столь очевидна.

Литература:

1. Бородин, С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву /С.В. Бородин. – М.: Юрист,1994. – 216 с.
2. Кабурнеев, Э.В. Понятие квалифицирующих признаков и их роль в дифференциации уголовной ответственности за убийство / Э.В. Кабурнеев // Законы России – 2007 – № 4. – С.70 – 73.
- 3.Кругликов, Л.Л. Квалифицирующие признаки как средство дифференциации уголовной ответственности: современное состояние / Л.Л. Кругликов // Вестник Ярославского государственного университета. – 2007 – № 4. – С. 56.
4. Буликеева, Д.Ж. Понятие и природа квалифицирующих признаков / Д.Ж. Буликеева // Вестник Челябинского государственного университета – 2013. – № 11 (302). – Право. – Вып. 36. – С. 68 – 71.
5. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть: учеб. пособие / Э.А. Саркисова. – Минск: Тесей. 2005. 592 с.
6. Кругликов, Л.Л. К вопросу о круге принципов уголовного права / Л.Л. Кругликов // Совершенствование правового регулирования и механизмов функционирования системы противодействия преступности : материалы междунар. науч.-практ. конф., 18-19 окт. 2013 г., Минск / редкол. : И.О. Грунтов (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2013. С. 55 – 61.

УДК 343.21

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ КОЛЛИЗИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Н.И. Ретнёва,

*кандидат юридический наук, доцент,
Академия МВД Республики Беларусь*

«Важнейшим условием совершенства любой отрасли законодательства, – считает А.И. Рарог, – является принцип его системности, предполагающий внутреннюю согласованность всех его положений, норм и институтов, отсутствие коллизий и несоответствий между ними» [1, с. 61]. Однако зачастую возникают ситуации, когда имеет место расхождение между нормами, содержащимися, например, в разъяснениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, и нормами законодательных актов. Какое решение должен принять правоприменитель в воз-

нижней ситуации? В соответствии с Законом Республики Беларусь от 10 января 2000 г. «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» нормы, содержащиеся в законе, обладают большей юридической силой, следовательно, разъяснения Верховного Суда не подлежат применению. Однако на практике, как отмечает В.Н. Бибило, суды, стремясь к стабильности своих решений, вынуждены следовать тому пониманию закона, который предлагает вышестоящий суд, иначе их решение грозит отмене [2, с. 26]. Складывается так, что предпочтение отдается постановлениям Пленума Верховного Суда, а не закону.

Возьмем, например, норму об ответственности за незаконную добычу рыбы или водных животных (ст. 281 УК). Здесь расхождения между положениями постановления Пленума Верховного Суда и нормами закона наблюдаются в вопросе определения момента окончания рассматриваемого преступления. Учитывая бланкетный характер уголовно-правовой нормы, для уяснения признаков состава преступления следует обратиться к актам законодательства. Так, в соответствии с п. 2 Правил ведения рыболовного хозяйства и рыболовства, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 8 декабря 2005 г. № 580 (в ред. от 21.06.2012) «О некоторых мерах по повышению эффективности ведения охотничьего хозяйства и рыбохозяйственной деятельности, совершенствованию государственного управления» следует различать «добычу рыбы» и «попытку добычи рыбы». В первом случае речь идет об изъятии рыбы из среды ее обитания для использования без сохранения ее жизни, т.е. о результате уже совершенного противоправного деяния. Если же действия были лишь направлены на ее добычу (забрасывание в рыболовные угодья удочек, спиннингов, установка сетей и другие) налицо попытка добычи рыбы [3]. О возможности выделения стадии покушения в преступлении, предусмотренном ст. 281 УК, говорят и положения другого нормативного правового акта. В соответствии с п.п. 1.1.1 пункта 1 Указа Президента Республики Беларусь от 8 декабря 2005 г. № 581 «Об усилении ответственности за нарушение правил ведения рыболовного и охотничьего хозяйства, рыболовства и охоты» предусмотрена ответственность не только за добычу рыбы или водных животных, но и за покушение на такую добычу [4].

Иная позиция по рассматриваемому вопросу высказана Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь. Высший судебный орган рекомендовал считать оконченным преступление, предусмотренное ч.1 ст.281 УК, уже с момента совершения действий, направленных на непосредственное завладение рыбой или водными животными (п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 13 от 18.12.2003 «О применении судами законодательства об ответственности

за правонарушения против экологической безопасности и природной среды) [5].

Отсутствие единого подхода в решении вопроса о моменте окончания преступления негативно сказалось и на правоприменительной практике. Так, в одних случаях деяния расценивались как оконченные с момента начала добычи рыбы независимо от того, была ли она фактически добыта, а в других – с момента фактического завладения добытым. Верховный суд в обзоре судебной практики дал правовую оценку принятым решениям нижестоящих судов, еще раз указав на то, что преступление, предусмотренное ст.281 УК, считается оконченным с момента совершения действий, направленных на непосредственное завладение рыбой или водными животными. К таким действиям высший судебный орган отнес установку сетей, а также приспособление иных средств и орудий незаконной добычи рыбы или водных животных [6, с. 34]. Позволим не согласиться с данным положением, поскольку перечисленные действия с точки зрения уголовного закона относятся к приготовительным и должны оцениваться с учетом положений ст. 13 УК Республики Беларусь.

Не лучше обстоит дело и с толкованием отдельных признаков состава незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (ст. 328 УК). В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда №1 от 26.03.2003(в ред. от 27.02.2014) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст.ст.327-334 УК)» незаконное изготовление и незаконную переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов надлежит квалифицировать как оконченное преступление уже с начала совершения действий, направленных на получение готовых к использованию и потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов либо на рафинирование или повышение в препарате концентрации наркотических средств и психотропных веществ [7].

Однако такой подход в определении понятий «изготовление» и «переработка» не согласуется с их трактовкой, предложенной законодателем. В ст. 1 Закона Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах», принятого 13.07.2012 года, изготовление наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, аналогов рассматривается как действия, в результате которых получены наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры, аналоги, либо одни наркотические средства, психотропные вещества, аналоги преобразованы в другие наркотиче-

ские средства, психотропные вещества, аналоги [8]. Такой посыл дает нам право утверждать, что речь идет о получении хотя бы части наркотических средств, психотропных веществ в готовом для потребления виде. В противном случае, действия следует квалифицировать как покушение на совершение преступления. Такая же ситуация складывается и при толковании понятия «переработка».

На несоответствие разъяснений судебного органа предписаниям законодательных актов, обращалось внимание и в юридической литературе. Еще в 2007 году ученые А.И.Лукашов и Н.Ф. Ахраменка указали на проблему соотношения норм закона и норм, содержащихся в разъяснениях Верховного Суда [9, с. 282 – 283; 346 – 347]. Однако, как мы видим, доводы ученых в этом вопросе не смогли повлиять на решение высшего судебного органа.

Отсутствие единого подхода, непостоянство правоприменительной практики в оценке признаков, которые могут повлиять на применение меры уголовной ответственности, способно повлечь серьезные негативные последствия, связанные, прежде всего, с необоснованным осуждением лиц, совершивших преступление. Поэтому законодатель и правоприменитель не вправе игнорировать противоречия, возникающие в процессе толкования и применения правовых норм. Предписания, содержащиеся в разъяснениях Пленума Верховного суда, не должны идти в разрез действующим законодательным актам. При возникновении расхождений приоритет должен отдаваться законодательным актам. Между тем, к сожалению, ситуация такова, что разъяснения Верховного Судавоспринимаются нижестоящими судами как руководство к действию, ибо именно Верховный Суд является высшей инстанцией для судов общей юрисдикции и, осуществляя свои полномочия по пересмотру уголовных дел в апелляционном и надзорном порядке, он, безусловно, способен заставить уважать свою точку зрения по вопросам правового толкования.

Литература:

1. Рарог, А. И. Системность уголовного законодательства и перспективы его развития / А.И. Рарог // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. мат. III Междунар. науч. – практ. конф., 29–30 мая 2003 г. / редкол.: В. С. Комиссаров (отв. ред.) [и др.]. – М.: ЛексЭст, 2004. – С. 61 – 64.
2. Судебная практика по уголовным делам: вопросы уголов. и уголов.-процессуал. права: сб. действующих постановлений Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, обзоров судеб.практики, постановлений и

определений кассац. и надзор. судеб. инстанций за 1999-2004 гг. / сост. Н.А. Бабий; отв. ред. В.О. Сукало. – Минск, ГИУСТ БГУ, 2005. – 736 с.

3. О некоторых мерах по повышению эффективности ведения охотничьего хозяйства и рыбохозяйственной деятельности, совершенствованию государственного управления [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 8 дек. 2005 г., № 580; в ред. от 21.06.2012 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь/ Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

4. Об усилении ответственности за нарушение правил ведения рыболовного и охотничьего хозяйства, рыболовства и охоты [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 8 дек. 2005 г. № 581 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь/ Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

5. О применении судами законодательства об ответственности за правонарушения против экологической безопасности и природной среды: постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 18 дек. 2003 г., №13: в ред. постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 26.09.2013 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / Нац. центр прав.информ. Респ. Беларусь, ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2016.

6. О применении судами законодательства об ответственности за правонарушения против экологической безопасности и природной среды (по материалам обзоров судебной практики) // Судовы веснік. – 2004. – № 1. – С. 33 – 41.

7. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст. ст. 327 – 334 УК): постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 26 марта 2003 г., № 1: в ред. постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 27.03.2014 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь, ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2016.

8. О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012., № 408-З // Эталон. Законодательство Республики Беларусь/ Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

9. Вопросы квалификации, регистрации и учета преступлений / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А.И. Лукашова. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – 512 с.

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНОГО ПРАВА:
ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ**

*А.Л. Савенок,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия МВД Республики Беларусь*

Исследования проблем эффективности права и его отдельных отраслей активно начали проводиться в СССР во второй половине прошлого века. По этой теме был опубликован ряд монографий и достаточно большое количество научных статей. Анализ общетеоретической литературы свидетельствует, что эта задача оказалась крайне трудной, что, на наш взгляд, во многом объясняется многоаспектностью рассматриваемой проблемы и различным характером правовых объектов исследования. В настоящее время исследование эффективности права рассматривается как самостоятельная научная проблема, целью изучения которой является повышение практической отдачи предлагаемых юридической наукой теоретических решений. Раскрытие возможностей научного познания эффективности права на современном методологическом уровне дает надежду на получение необходимых результатов при значительном снижении затрат.

Как инструмент управления социальными процессами право не однородно по предмету и методу правового регулирования и тем функциям, которые выполняет каждая из его отраслей. Соответственно, каждая отрасль права имеет и свои специфические средства управляющего воздействия на общественные отношения. Следовательно, повышение эффективности, например, уголовного закона, в значительной мере сводится к проблеме повышения эффективности тех специфических средств воздействия на общественные отношения, которые свойственны уголовному праву в целом. В связи с этим каждая отрасль, используя достижения философии права, общей теории права, социологии права и других наук, должна иметь собственный, учитывающий своеобразие и присущие только ей особенности инструментарий исследования. Именно поэтому проблему эффективности необходимо решать с учетом особенностей той или иной отрасли права. Не является исключением в этом смысле и уголовное право. Имеющие место попытки применения рекомендаций общей теории права на уголовно-правовую почву без учета ее специфики себя не оправдывают, поэтому исследование проблемы эффективности в уголовном праве может и должно выкристаллизироваться в самостоятельное направление.

Полноценный анализ изучения эффективности в уголовном праве, как представляется, должен включать изучение ее на трех основных уровнях: 1) системы уголовного законодательства; 2) целостного закона; 3) отдельного правового предписания (института или уголовно-правовой нормы). Не отрицая необходимости и полезности исследования эффективности отдельных уголовно-правовых норм и институтов, тем не менее считаем целесообразным обратить большее внимание на оценку эффективности крупных массивов правовых норм – уголовного закона в целом, поскольку он содержит различные нормы по своей направленности. Кроме того, с практической точки зрения для нормотворческих органов интерес представляет составление прогноза эффективности не только и даже не столько отдельных юридических норм, сколько нормативного правового акта в целом. В связи с этим полагаем целесообразным отдать предпочтение исследованию эффективности уголовного закона. Это позволит выработать наиболее оптимальные рекомендации для изучения как элементов более низкого уровня (институтов и норм), так и более высокого (системы уголовного законодательства).

Анализ существующих в настоящее время точек зрения позволяет выделить три основных направления изучения эффективности в уголовном праве: 1) по рецидиву, 2) результативности предупреждения преступности, 3) показателям преступности (состоянию и динамике).

Придерживаясь доминирующего в юридической литературе определения понятия эффективности уголовно-правовых норм как соотношения между фактическим результатом их действия и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты, в отдельных случаях исследователи рассматривали рецидив преступления как основной критерий определения эффективности. При этом отмечалось, что если имеется определенное количество рецидивистов или наблюдается увеличение их числа, можно сказать, что закон недостаточно эффективен. Однако такая позиция в уголовно-правовой литературе не получила широкого распространения.

Значительное внимание ученые уделяют изучению эффективности с позиций общего и специального предупреждения. По их мнению, создавая правовую норму, государство стремится к тому, чтобы само существование нормы воздействовало на поведение, определяя его мотивацию. При этом часто делается ссылка на то, что именно предупреждение совершения преступлений является целью уголовного закона. Если, например, поставленная цель по предупреждению преступлений достигается, то можно сказать, что закон является эффективным и социально обусловленным. Если же поставленные цели не достигаются, эта ситуа-

ция требует изучения и поиска причин неэффективности действия уголовного закона.

Безусловно, уголовный закон, обладая определенным предупредительным потенциалом, способен разрешить некоторые социальные противоречия на ранних стадиях их развития, не допуская превращения этих противоречий в уголовно-правовой конфликт. Предупредительный характер уголовного закона вытекает из задач и функций уголовного права. Однако подавляющее большинство людей добровольно соблюдают уголовный закон и не имеют никакого отношения к уголовно-правовому предупреждению. Поэтому всякие попытки распространить общепредупредительное воздействие уголовного закона на всех граждан не получили широкой поддержки среди ученых. Отсюда очевиден вывод, что правомерное поведение граждан как результат соблюдения уголовного закона остается, по существу, вне поля зрения механизма уголовно-правового регулирования. Следовательно, с точки зрения уголовно-правового предупреждения измерение эффективности уголовного закона трудно выполнимо.

В юридической литературе высказано мнение, что эффективность уголовного закона можно определить по состоянию и динамике преступности. Такой подход заключается в том, что должен измеряться реальный «сдвиг», который произошел в общественной жизни. Например, до принятия закона (нормы) был один уровень преступности, после его принятия – другой. Измеряя произошедшие изменения, определяют эффективность. Однако при таком подходе вычленишь собственно роль уголовного закона очень непросто, поскольку наряду с ним в обществе на преступность действуют и иные, не менее значимые факторы юридического, экономического, политического характера. Вычленишь в данном случае действие только уголовного закона, отделив его от действия, например, норм морали, вряд ли возможно.

В последние годы появились исследования, которые проведены в рамках постклассической методологии и позволяющие в ином ракурсе посмотреть на некоторые познавательные приемы. Как представляется, понимание эффективности права во многом будет зависеть от тех методологических подходов, которые использует исследователь. В тоже время, применяемая методология должна отвечать требованиям валидности, учитывать доминирующий в обществе тип правопонимания, а также тип научной рациональности. Очень важно при этом преодолеть тотальное господство одной концепции, учитывать существующий плюрализм в научных подходах, так как ни одна теория не может быть полностью верифицируемой. В противном случае, искажения результатов исследования будут весьма значительны.

Как представляется, наиболее важным средством изучения, и как следствие – повышения эффективности уголовного закона, является моделирование. Как метод познания, оно решает познавательные задачи путем изучения окружающего мира на основе построения моделей. Особенно целесообразно моделирование, когда правовое явление является весьма сложной системой или же его непосредственное изучение невозможно. Развиваясь в теории естественных и технических наук, моделирование по своей сути носит междисциплинарный характер. Облекаясь в форму модели, мысленно сформулированный вариант эффективности уголовного закона позволит рассмотреть ее с новых методологических позиций. Учитывая также, что в основу моделирования, как особой исследовательской процедуры, положена так называемая теория подобия, предполагающая сходство, одинаковость объектов, правовая модель эффективности уголовного закона может стать своеобразной базой для изучения проблем эффективности в других отраслях права.

УДК 343.8

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА С УЧЕТОМ
МЕЖОТРАСЛЕВЫХ СВЯЗЕЙ,
ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НАКАЗАНИЯ
И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ**

А.Л.Санташов,

кандидат юридических наук, доцент,

Северо-Западный институт Московского государственного

юридического университета имени О.Е. Кутафина

(Российская Федерация)

Текущий год знаменует собой 20-летие принятия Уголовного кодекса России (далее – УК РФ), а последующий – Уголовно-исполнительного кодекса (далее – УИК РФ). Несколько позднее их, в 2001 году, был принят Уголовно-процессуальный кодекс России (далее – УПК). За период своего действия указанные нормативные акты не раз подвергались корректировке, многочисленным изменениям и дополнениям. При этом, законодатель далеко не всегда стремился обеспечить их внутреннюю и внешнюю согласованность, единую «сквозную» линию дифференциации ответственности и наказания, а также соблюдения правил технико-юридического конструирования.

До сих пор не разрешен фундаментальный вопрос о регламентации целей наказания. В ч. 2 ст. 43 УК РФ к числу целей наказания отнесены: 1) восстановление социальной справедливости; 2) исправление осуж-

денного; 3) предупреждение совершения новых преступлений. Действующий УИК РФ вообще не обозначает целей института наказания. Однако, в ч. 1 ст. 1 обозначаются цели уголовно-исполнительного законодательства: исправление осужденных; предупреждение совершения новых преступлений осужденными (специальная превенция) и предупреждение совершения новых преступлений иными лицами (общая превенция). Отсутствие унификации целей уголовного наказания в двух тесно взаимосвязанных отраслях свидетельствует о серьезном сбое в использовании средств законодательной техники.

В настоящее время на базе МГУ имени М.В. Ломоносова готовится научно-теоретическая модель нового УИК РФ под руководством профессора В.И. Селиверстова, первое обсуждение которой состоялось на десятом Российском конгрессе уголовного права «Криминологические основы уголовного права» в мае текущего года.

Казалось бы – «дело благое», да и замысел довольно заманчивый – начать реформу российского законодательства криминального цикла в этот раз не с уголовного, а с уголовно-исполнительного законодательства! Действительно, зачем многочисленные предложения о совершенствовании составов преступлений, если само наказание не работает или не эффективно. Однако на наш взгляд, все попытки одностороннего совершенствования законодательства (в рамках одной отрасли) не вполне продуктивны, ведь УК РФ, УИК РФ и УПК РФ зачастую выступают героями крыловской басни как «лебедь, рак и щука».

Так, учитывая возраст и социально-психологические условия формирования личности, дальнейшее развитие гуманистических начал в обращении с несовершеннолетними, законодатель счел необходимым из двенадцати видов уголовных наказаний (ст. 44) определить им только шесть видов (ч. 1 ст. 88): а) штраф; б) лишение права заниматься определенной деятельностью; в) обязательные работы; г) исправительные работы; д) ограничение свободы; е) лишение свободы на определенный срок. УИК почему-то проигнорировал особенности исполнения пяти видов наказаний в отношении несовершеннолетних, указав лишь в гл. 17 особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях. Такое расхождение двух родственных законодательных актов в вопросе регламентации уголовной ответственности несовершеннолетних вряд ли оправдано.

Источники отдельных уголовно-правовых предписаний Общей части располагаются (а в ряде случаев – должны располагаться) в других кодифицированных законах криминально-правового комплекса. Уголовное, уголовно-исполнительное и уголовно-процессуальное право хотя и являются самостоятельными отраслями права со свойственными

им предметами регулирования, но эффект их правового воздействия обеспечивается только в рамках единого уголовно-правового комплекса, так как изъятия из этого комплекса правовых норм хотя бы одной из его составляющих делает другие его части нежизнеспособными.

Рассматриваемые обстоятельства дают о себе знать, прежде всего, в пограничных случаях, когда не решенные на законодательном уровне вопросы превращаются в серьезное препятствие для правоприменителя. Действующее же законодательство не отражает логической связи уголовно-правовой дифференциации ответственности несовершеннолетних с уголовно-исполнительной.

Вопросы дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности всегда были актуальными для комплекса отраслей криминального цикла [1, с. 3]. Однако, в публикациях по уголовному праву, уголовному процессу и уголовно-исполнительному праву все еще высказываются суждения, в которых не усматривается различий между фундаментальными категориями уголовного права – дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания [2, с. 7]. Проблемы дифференциации и классификации осужденных к лишению свободы, их размещения по видам исправительных учреждений, а также индивидуализации наказания – это стержневые, еще не достаточно разработанные в теории вопросы назначения, исполнения и отбывания наказания [3, с. 31].

Разрешая вопрос о средствах дифференциации исполнения наказания в Общей и Особенной частях УИК, следует иметь ввиду следующие положения.

Во-первых, в Общей части УИК РФ имеется не *типовой вариант уголовной ответственности*, как это наблюдается в УК, а *типовой вариант правового положения (статуса) осужденных* (ст. 10-15).

Во-вторых, в отличие от УК РФ, где Общая часть содержит институты изменения типовой ответственности лица, совершившего преступление (институт рецидива преступлений; возраст субъекта преступления; формы вины; институт стадий преступной деятельности; институт соучастия и др.), в Общей части УИК РФ имеются свои специфические нормы, отражающие дифференциацию правового статуса осужденных:

- учреждения и органы, исполняющие наказания (ст. 16);
- применение к осужденным мер медицинского характера (ст. 18).

Более широко линия дифференциации прослеживается в нормах Особенной части УИК. Так, например, в разделе IV УИК РФ «Исполнение наказания в виде лишения свободы» законодателем определены:

- места отбывания лишения свободы (ст. 73);
- виды исправительных учреждений (ст. 74);

- перемещение осужденных к лишению свободы (ст. 76);
- оставление осужденных к лишению свободы в следственном изоляторе или тюрьме для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию (ст. 77);
- изменение вида исправительного учреждения (ст. 78);
- раздельное содержание осужденных к лишению свободы в исправительных учреждениях (ст. 80);
- режим особых условий в исправительных учреждениях (ст. 85);
- градация условий отбывания наказания (ст. 87, 121, 123, 125, 127, 129, 131, 133) и др.

Таким образом, законодатель в Общей части УИК РФ обозначил типовой правовой статус осужденных и их распределение по видам исправительных учреждений, а в Особенной – саму процедуру его трансформации посредством включения (исключения) дополнительных элементов: прав, обязанностей и законных интересов (например, приобретение дополнительных обязанностей трудиться, получать образование в период отбывания наказания).

Литература:

1. Кругликов Л.Л., Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, А.В. Василевский. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 300 с.
2. Лесниевски-Костарева, Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика / Т.А. Лесниевски-Костарева. – М.: НОРМА, 2000. – 400 с.
3. Красиков, В.С. Классификация и размещение осужденных по видам режимов исправительных учреждений / В.С. Красиков // Пенитенциарный опыт Англии и возможности его реализации в уголовно-исполнительном законодательстве России и Белоруссии. Рязань: АПУ ФСИН России, 2004. – С. 31 – 37.

УДК 343.213.3

РЕАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ПРОСТРАНСТВЕ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ

*Э.А. Саркисова,
кандидат юридических наук, профессор,
Академия МВД Республики Беларусь*

Теорией уголовного права принято подразделять принципы действия уголовного закона в пространстве на: территориальный, принцип гражданства, реальный и универсальный.

Из всех вышеназванных принципов достаточно богатую историю правового регулирования имеет территориальный принцип, базирующийся на положениях о государственном суверенитете и независимости.

Однако, если иметь в виду все остальные принципы, то нельзя сказать, что их правовое регулирование было последовательным и в полной мере отвечающим задачам уголовного права. Это касается и реального принципа.

В истории уголовного права были законы, которые демонстрировали попытки достаточно четкой регламентации реального принципа, но были и законы, которые его просто игнорировали.

Например, если обратиться к Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (с послед. редакциями), то можно отметить, что реальный принцип, уже тогда нашел свое достаточно полное законодательное закрепление. Так, согласно ст. 172 названного Уложения (в ред. 1885 г.), если иностранный подданный был изобличен или подозревался в совершении деяния вне пределов государства преступления, посягавшего на право Державной Власти в России или на права одного или нескольких российских подданных, и изобличался потом на территории Российской империи, то он подлежал уголовной ответственности по Российскому уложению. В Уголовном Уложении 1903 г. регламентация данного принципа нашла свое дальнейшее развитие. При этом законом уточнены случаи, когда Российское Уголовное уложение распространялось на иностранных подданных, совершивших преступления вне пределов России. К таковым относились случаи, когда иностранный подданный совершал тяжкое преступление или такое преступление, которым обвиняемый посягал на права российских подданных или на имущество или доходы Российской Казны. Законодатель также оставлял возможность применить Российское право и в отношении других случаев, ссылаясь при этом на международные соглашения, заключенные Россией.

К сожалению, с началом применения советского уголовного права реальный принцип действия уголовного закона в пространстве был предан забвению. И если в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. о нем хоть имелось небольшое упоминание (согласно ч. 3 ст. 1 УК РСФСР 1922 г. действие этого Кодекса распространялось также на пребывающих в РСФСР иностранцев, совершивших вне пределов Республики преступления против основ государственного строя и военной мощи РСФСР), то уже в уголовных кодексах союзных республик, принятых в соответствии с основными началами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. указание на реальный принцип вообще от-

существовало. Это давало основание советским ученым такой подход подвергать критике. В частности, в выпущенной в свет в 1948 г. монографии, посвященной советскому уголовному закону, известный ученый М.Д. Шаргородский отмечал, что отсутствие в законодательстве реального принципа, безусловно, является недостатком, который в будущем должен быть устранен [1, с. 173].

Уголовным законодательством, принятым в союзных республиках в 60-х годах прошлого века, действительно, этот недостаток был устранен и реальный принцип получил свое закрепление. В УК БССР 1960 г. он звучал так: иностранные граждане за преступления, совершенные вне пределов Республики Беларусь, подлежат ответственности по уголовному законодательству Республики Беларусь в случаях, предусмотренных международными договорами. Законодательство того времени пошло по пути отсылки к международным договорам, что придавало приведенной норме некоторую безликость, давая основания ученым говорить вообще об отсутствии реального принципа в уголовном законодательстве.

Действующий УК Республики Беларусь 1999 г. демонстрирует несколько иной подход к регламентации реального принципа.

Отметим, что в первоначальной редакции он звучал следующим образом: иностранный гражданин или не проживающее постоянно в Республике Беларусь лицо без гражданства, совершившие преступления вне пределов Республики Беларусь, подлежат ответственности по настоящему Кодексу в случаях совершения особо тяжких преступлений, направленных против интересов Республики Беларусь.

В настоящее время в редакцию данной нормы внесено дополнение, согласно которому указанные выше граждане, совершившие преступления вне пределов Республики Беларусь, подлежат ответственности по настоящему Кодексу в случаях совершения тяжких и особо тяжких преступлений, направленных против интересов Республики Беларусь.

Таким образом, законодатель, как в первоначальной, так и нынешней редакции приведенной статьи ограничился указанием лишь на формальные моменты, используя термины «тяжкие и особо тяжкие преступления» и «интересы Республики Беларусь».

Между тем, при трактовке смысла интересов Республики Беларусь в данном контексте выявляется неоднозначное их понимание, что не вносит ясности в вопрос о том, какие же все-таки преступления признаются посягающими на интересы Республики Беларусь и за какие преступления, совершенные за пределами Республики Беларусь, иностранный гражданин или лицо без гражданства могут быть привлечены к уголовной ответственности по белорусскому законодательству.

В этой связи приведем позиции белорусских ученых. Так, по мнению А.В. Баркова, к преступлениям, посягающим на интересы Республики Беларусь, следует отнести преступления, посягающие на жизнь гражданина Республики Беларусь, интересы юридических лиц, зарегистрированных в Республике Беларусь; государственные интересы Республики Беларусь [2, с. 36]

По мнению Н.А. Бабя, преступление следует считать совершенным против интересов Республики Беларусь, если оно направлено против частных или публичных интересов республики – интересов отдельных граждан или их групп, интересов общества или государства в целом [3, с. 41].

Автор данных тезисов относит к особо тяжким преступлениям, направленным против интересов Республики Беларусь, например, заговор с целью захвата государственной власти, шпионаж, акт терроризма в отношении государственного или общественного деятеля [4, с. 62].

Обращение к российской литературе не прибавляет ясности в понимании рассматриваемого вопроса. Например, по мнению А.В. Бриллиантова, к интересам Российской Федерации относятся не только интересы государства, но и интересы личности граждан России [5, с. 20]. Автор главы пятой учебника по Общей части уголовного права Г.И. Богуш считает, что к преступлениям, посягающим на интересы Российской Федерации, следует относить преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, против порядка управления, правосудия, а также иные преступления, основной или дополнительный объекты которых связаны с интересами государства в узком смысле. Это, по мнению автора, соответствует пониманию реального принципа в международном праве, связанного, прежде всего, с преступлениями антигосударственной направленности (шпионаж, диверсия, акт терроризма) [6, с. 74].

И.Е. Козаченко, раскрывая смысл реального принципа, подчеркивает, что любое государство имеет право карать за посягательства на его существование либо за действия, ставящие под угрозу его безопасность [7, с. 232]. По сути, автор интересы государства применительно к реальному принципу рассматривает лишь с позиции совершения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.

Подобные разночтения прослеживаются и в других работах.

Отсутствует однозначное понимание данного вопроса и в зарубежном законодательстве. При этом в одних УК оно ограничивается указанием только на интересы государства без разъяснения этого понятия, в других – указывается и на иные правоохраняемые объекты, в третьих дается обширный перечень преступлений, совершение которых ино-

странными гражданами вне территории национального государства позволяет применить реальный принцип.

Анализ зарубежного уголовного законодательства свидетельствует и о том, что в нем не сложилось однозначного понятия интересов государства (республики). Так, например, в соответствии с ч. 3 ст. 12 УК Российской Федерации реальный принцип применяется в случаях, если совершенное преступление направлено против интересов Российской Федерации либо гражданина РФ или лица без гражданства, постоянно проживающего в РФ (гражданин с интересами РФ не отождествляется). Аналогичный подход в УК Республики Молдова (ч. 3 ст. 11), в Украины (ч. 1 ст. 8), в УК Азербайджанской Республики (ст. 12.2), в УК Республики Армения (ч. 3 ст. 15), в УК Республики Таджикистан (ч. 2 ст. 25), в УК Республики Туркменистан (ч. 1 ст. 8), в УК Латвийской Республики (ч. 3 ст. 4). В УК Грузии (ч. 3 ст. 5), в УК Республики Казахстан (ч. 4 ст. 8), в УК Республики Беларусь (ч. 2 ст. 6) говорится лишь об интересах данных республик, что позволяет неоправданно широко толковать данное понятие.

В соответствии со ст. 9 Пениitenciарного кодекса Эстонии реальный принцип применяется в случаях совершения деяний, направленных против эстонских юридических благ, а именно против жизни и здоровья населения Эстонии, осуществления государственной власти и обороноспособности Эстонии, а также против окружающей среды.

В УК Франции еще более четко и более объемно очерчены преступления, при совершении которых применяется реальный принцип действия уголовного закона в пространстве. К ним отнесены посяательства на основополагающие интересы нации, то есть, те, которые зафиксированы в разделе 1 книги IV УК (посяательства на национальную оборону, на безопасность вооруженных сил и на охранные зоны оборонного значения, на государственную власть и другие, непосредственно указанные в законе).

Подобные разночтения обнаруживаются при анализе и других уголовных законов.

Подытоживая сказанное, отметим, что редакция ч. 2 ст. 6 УК Республики Беларусь в силу своей неопределенности не представляется удачной, поскольку размывает границы применения реального принципа действия уголовного закона в пространстве. На наш взгляд, более приемлемым подходом явилось бы обеспечение оптимальной конкретизации основания применения данного принципа путем приведения исчерпывающего перечня преступлений, совершение которых иностранными гражданами или лицами без гражданства за пределами ее территории позволяло бы применить этот принцип.

Литература:

1. Шаргородский, М.Д. Избранные труды / М.Д. Шаргородский. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 657 с.
2. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменко [и др.]; под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомица. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.
3. Бабий, Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: учебник / Н.А. Бабий. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2013. – 688 с.
4. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть: учебник / Э.А. Саркисова. – Минск: Акад. МВД, 2014. – 560 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов [и др.]; под ред. А.В. Бриллиантова. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2015. – Т. 1. – 482 с.
6. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. – Статут, 2012. – 462 с.
7. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. 1. Преступление и наказание. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – 1133 с.

УДК 343.9

КРИМИНАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В.Г. Стаценко,

кандидат исторических наук, доцент

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Удельный вес преступлений в сфере семейно-бытовых отношений в Республике Беларусь на протяжении последних пяти лет не превышает 3% от общего объема зарегистрированных; в 2015 году, например, в этой сфере было зарегистрировано 2409 преступлений, что составляет 2,5% от общего объема преступности. Следует отметить, правда, что после ряда лет снижения, в 2015 году показатель семейно-бытовой преступности увеличился на 9,1% по сравнению с предыдущим годом. Кроме того, за 2015 год «в быту» было зарегистрировано 51 334 административных правонарушений, что также (на 23%) больше, чем в 2014 году [1].

Основное количество бытовых преступлений составляют уголовные деяния, не представляющие большой общественной опасности и

менее тяжкие. Как правило, они возбуждаются по статьям 153 (умышленное причинения легкого телесного повреждения), 154 (истязание) и 186 УК Республики Беларусь (угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества). Это так называемые превентивные (упреждающие) статьи. Инициирование возбуждения дел по ним позволяет не допустить совершения более опасных, тяжких преступлений. В 2015 году доля таких преступлений в бытовом криминале составила более 85% [2].

В тоже время, четверть всех фиксируемых в стране убийств (111 из 423 в 2015 году) и умышленных причинений тяжких телесных повреждений (216 из 842) совершается в бытовой сфере, и это обстоятельство не позволяет умалять значение и актуальность рассматриваемой проблемы. Следует учитывать, к тому же, что криминальное насилие в сфере семейно-бытовых отношений насилия обладает высокой степенью естественной латентности, поскольку значительное число его жертв не обращаются с заявлениями в официальные органы.

В Республике Беларусь, также как в мире вообще, домашнее насилие является наиболее распространенным видом насилия на гендерной почве. Из всех регистрируемых в стране преступлений, совершенных в быту, свыше 70% составляют случаи домашнего насилия в отношении женщин.

Результаты социологических опросов показывают, что 4 из 5-ти женщин Беларуси в возрасте 18-60 лет подвергаются психологическому насилию в семье, каждая четвертая (с различной частотой) – физическому насилию, 13% женщин испытывают сексуальное насилие со стороны своего мужа или постоянного партнера. Следует отметить, в тоже время, что 22% респондентов-мужчин признались в ходе опроса, что хотя бы однажды подвергались физическому насилию со стороны жены или постоянной партнерши; 6% -испытывали сексуальное насилие. Значимые различия между распределением ответов мужчин и женщин зафиксированы по следующим позициям: подвергались избиению, побоям 6,5 % мужчин и 11,5 % женщин, принуждались к половой связи 6% мужчин и 13 % женщин; при этом 4% мужчин и 10% женщин, пострадавших от насилия, были вынуждены обращаться за помощью в медицинские учреждения [3].

По данным международного общественного объединения «Гендерные перспективы», организовавшего в 2012 году общенациональную бесплатную «горячую линию» по предоставлению психологической, правовой и социальной информационной поддержки по телефону для пострадавших от домашнего насилия, обращения, связанные с ситуациями домашнего насилия, свидетельствуют о том, что среди виновни-

ков насилия 86% составляют мужчины; большинство жертв домашнего насилия, по данным за 2015 год, входят в возрастную группу 27 – 40 лет; чаще всего обратившиеся сообщали о психологическом насилии – 95%, 71% – о физическом, 42% – об экономическом и 4% – о сексуальном. При этом в 39% случаях насилию также подвергались несовершеннолетние дети [4].

Криминологический анализ преступлений в семейно-бытовой сфере подтверждает тот факт, что большинство преступлений в семейно-бытовой сфере совершается мужчинами, а их жертвами, как правило, становятся женщины (более 75%). При этом, как свидетельствуют результаты анализа официальных статистических данных, более половины бытовых преступлений совершается неработающими и не учащими (около 60%) и имеющими судимость (более 20%) лицами. Почти 70% данных уголовных деяний совершается в состоянии алкогольного опьянения. При этом более трети бытовых преступлений совершается в выходные дни, а также в период времени с 18.00 до 24.00 (около 50%). На момент совершения преступлений 15 % потерпевших находились в состоянии алкогольного опьянения [5].

Особую проблему, требующую специального исследования, представляет насилие в отношении несовершеннолетних, среди которых преобладают дети, находящиеся в т.н. социально опасном положении. В эту категорию входят лица в возрасте до восемнадцати лет, которые, вследствие безнадзорности или беспризорности, находятся в обстановке, представляющей опасность для их жизни или здоровья, либо не отвечающей требованиям к их воспитанию или содержанию, а также, совершающие правонарушения или иные антиобщественные действия [6].

Все эти характеристики бытовой преступности предопределяют приоритеты предупреждения криминального насилия в сфере семейно-бытовых отношений, включая и правовое обеспечение этой деятельности.

В последние годы в стране осуществлена серьезная корректировка, как законодательства, так и правоприменительной практики, в области превенции криминального насилия в семейно-бытовой сфере. Как следствие этих изменений законодательства, увеличилось количество и удельный вес уголовных дел превентивной направленности. В 2015 году сотрудниками органов внутренних дел было вынесено 1422 защитных предписания к гражданам, совершившим насилие в семье, в том числе 1152 – с установлением обязанности временно покинуть жилое помещение. В 2015 году в лечебно-трудовые профилактории республики было направлено около 2,5 тысячи граждан, страдающих хроническим алкоголизмом, в том числе почти 450 женщин. К административ-

ной ответственности за правонарушения в быту привлечено более 13 тысяч человек [7].

Очевидно, однако, что в силу высокого уровня латентности преступлений в семейно-бытовой сфере, все вышеприведенные данные официальной статистики отражают лишь незначительную долю фактически совершаемых правонарушений. Результаты проведенных социологических исследований в стране показывают, например, что пережив физическое и сексуальное насилие, только 6,0 % мужчин и 47 % женщин обращались за помощью.

Все это определяет необходимость дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменения в рассматриваемой сфере.

К числу необходимых шагов в направлении совершенствования правового обеспечения превенции криминального насилия на бытовом уровне можно отнести, в частности, решение вопроса о присоединении Беларуси к принятой Советом Европы в 2011 году Конвенции по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье (Стамбульская конвенция), которую на мировом уровне считают «золотым стандартом» по защите женщин от насилия, приведение национального законодательства в соответствие с ее нормами; разработку и принятие специализированного Закона «О профилактике насилия в семье», который принят и уже на протяжении ряда лет работает, например, в Литве, Молдове, Казахстане.

Литература:

1. Сведения о регистрации и предварительном расследовании преступлений по Республике Беларусь за 2015 год / МВД Республики Беларусь. – Информационно-аналитическое управление. – Минск, 2016.
2. Предупреждение правонарушений в быту - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=13911> - Дата доступа 21.06.2016
3. Исследование ситуации домашнего насилия в Республике Беларусь - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rebenok.by/articles/together/nasilie/16294-issledovanie-situatsy-domashnego-nasiliya-v-respublike-belarus.html>. - Дата доступа 22.06.2016
4. Отчёт о деятельности МОО «Гендерные перспективы» за 2015 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.genderperspectives.by/images/Отчет_о_деятельности_за_2015_год.pdf. - Дата доступа 20.06.2016
5. Предупреждение правонарушений в быту - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=13911>. - Дата доступа 21.06.2016

6. Программа воспитания и защиты прав и законных интересов детей, находящихся в социально опасном положении: Утв. Приказом Министерства образования Республики Беларусь от 24.05.2011 №336 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

7. Дом без насилия - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=323473>. - Дата доступа 21.06.2016

УДК 343.213.5

АБ'ЕКТЫЎНАЯ НЕАБАРАЧАЛЬНАСЦЬ ЧАСУ І КРЫМІНАЛЬНЫ ЗАКОН

А. М. Сяргейчык,

Акадэмія Міністэрства ўнутраных спраў Рэспублікі Беларусь

Разгляд пытанняў функцыянавання крымінальнага закона ў часе мае перадумовай, перш за ўсё, неабходнасць ўразумення сутнасці паняцця *час* і характару яго накіраванасці ў адносінах да *мінулага* і *будучыні*.

На сённяшні дзень няма адзінага, агульнапрынятага падыходу да вызначэння паняцця *час*. Тым не менш, адносна яго уласцівасцяў нейкія агульныя падыходы прасачыць можна.

У «Тлумачальным слоўніку беларускай літаратурнай мовы» прыведзены наступныя вызначэнні: «адна з асноўных аб'ектыўных форм (поруч з прасторай) існавання матэрыі; бесперапынная і пастаянная змена мінут, гадзін, дзён і пад.; прамежак пэўнай працягласці, у які адбываецца што-небудзь, *паслядоўная* (вылучана намі – А. С.) змена гадзін, дзён, гадоў і пад.» [1, с. 744].

У «Філасофскім слоўніку» пад рэдакцыяй І. Т. Фралова дадзена наступнае вызначэнне часу і яго асноўных уласцівасцяў: «Праява быцця з пункту гледжання *мінулага*, *сучаснасці*, *будучыні* і адносін «раней», «адначасова», «пазней», што на іх базуюцца; паняцце часу адлюстроўвае працягласць і паслядоўнасць падзей. Час непарыўна звязаны са змяненнем. Без змянення, г. зн. без працэсаў, няма часу. Але час не тоесны змяненню і таму, што змяняецца. Ён адносна незалежны ад іх у тым сэнсе, што час абыякавы да таго, што менавіта змяняецца» [2, с. 103]. І далей: «Час (адлюстроўвае) паслядоўнасць існавання змяняючых адна адну з'яў. Час неабарачальны, г. зн. усякі матэрыяльны працэс развіваецца ў адным кірунку – ад *мінулага* да *будучыні* (вылучана намі – А. С.)» [2, с. 104].

Безумоўна, у кантэксце тэмпаральнага функцыянавання крымінальнага закона не мае сэнсу падрабязна спыняцца на праблемах разумення часу ў прыродазнаўчым і сацыяльным сэнсе, праблемах яго інтэнсіўнасці, дынамікі і г. д.

Адзіным, але, мабыць, галоўным пытаннем, звязаным з паняццем часу, якое ўяўляе цікавасць у дадзеным кантэксце, з'яўляецца пытанне аб яго *абарачальнасці*, г. зн. пытанне аб накіраванасці яго дзеяння ў рамках паняццяў *мінулае, сучаснасць і будучыня*.

З прыведзеных вышэй вызначэнняў час характарызуе эвалюцыю (развіццё) з'яў, накіраваную з *мінулага ў будучыню*. Г. зн. ён *аднанакіраваны* (строга з *мінулага ў будучыню*), але *аднанакіраваны* не ў прасторавым сэнсе, а ў сэнсе развіцця пэўных працэсаў, якія выступаюць індикатарамі прынцыповага адрознення *мінулага і будучыні*.

Так, абгрунтоўваючы накіраванасць часу строга з мінулага ў будучыню С. У. Хокінг называе тры стралы часу: 1) тэрмадынамічную, заснаваную на другім законе тэрмадынамікі, які пастулюе ўзрастанне энтрапіі ў будучыні для ізаляваных сістэм; 2) псіхалагічную – людзі памятаюць мінулае, а не будучыню, такім чынам, мінулае *папярэднічае* будучыні ў часе; 3) касмалагічную – Сусвет пашыраецца ў кірунку з мінулага ў будучыню [3, с. 87].

З усіх раздзелаў фізікі толькі класічная механіка і электрадынаміка дапускаюць абарачальнасць часу, але выключна ў матэматычным сэнсе [4, с. 109].

Абарачальнасць часу супярэчыць фізічнаму прынцыпу прычыннасці, які забараняе ўплыў канкрэтнай падзеі на ўсе падзеі, якія ёй папярэднічалі. Іншымі словамі, падзея-прычына папярэднічае ў часе падзеі-выніку, будучыня не можа ўплываць на мінулае [5, с. 119–121].

Прычыннасць у філасофскім сэнсе таксама выводзіцца з ўзаемнай абумоўленасці, дэтэрмініраванасці паслядоўнасці падзей. Уплыў падзеі не толькі на будучыню, але і на мінулае прывёў бы да ўтварэння замкнёных цыклаў прычына-выніковай сувязі, аж да знішчэння самой прычыны і разрыву такой сувязі [2, с. 463–464].

Варта падкрэсліць, што, пачынаючы з 60-х гг. XX стагоддзя, у навуковай супольнасці вядзецца ажыўленая дыскусія па пытанні аб слухнасці прынцыпу прычыннасці ў яго класічным разуменні для элементарных часціц, якія рухаюцца з хуткасцю, блізкай да хуткасці святла, але паколькі юрыспрудэнцыя мае справу з грамадскімі адносінамі, г. зн. з пэўнай формай ўзаемадзеяння людзей, якія, безумоўна, адносяцца да аб'ектаў макрасвету, хуткасць руху якіх у параўнанні з хуткасцю святла нікчэмна малая, на дадзеную дыскусію ў нашым выпадку можна

не звяртаць увагі і пагадзіцца з эмпірычнай неабвяргальнасцю разгляда-
нага прынцыпу.

Такім чынам, час неабарачальны і мае накіраванасць з мінулага ў
будучыню. Адсюль вынікае, што і ўсе працэсы, якія праходзяць у пры-
родзе і ў грамадскім жыцці тэмпаральна неабарачальныя.

У дачыненні да разгляданага намі пытання гэта азначае наступнае:
крымінальны закон (як і любы іншы закон) дзейнічае і прымяняецца
толькі на будучы час.

Абарачальнасць закона ў часе аб'ектыўна немагчымая, бо прадуг-
леджвала б абарачальнасць самога часу, што, як ужо было адзначана,
супярэчыла б прынцыпу прычыннасці.

Літаратура:

1. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / рэдкал.:
М.Р. Суднік [і інш.]. – 3-е выд. – Мінск: Беларус. Энцыкл., 2002. – 784 с.
2. Философский словарь/ И. Т. Фролов [и др.]; под ред. И.Т. Фроло-
ва. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. – 719 с.
3. Хокинг, С. У. Краткая история времени: от большого взрыва до
черных дыр [Электронный ресурс] / С.У. Хокинг. – 110 с. – Режим дос-
тупа: http://znaniya-sila.narod.ru/library/pdf_00/hawk_th.pdf. – Дата досту-
па: 28.06.2016.
4. Бриллюэн, Л. Научная неопределенность и информация /
Л. Бриллюэн. – М.: Мир, 1966. – 271 с.
5. Физическая энциклопедия: в 5 т. / редкол.: А. М. Прохоров (гл.
ред.) [и др.]. – М.: «Большая Российская энциклопедия», 1988–1999. –
Т. 4. – 1995. – 701 с.

УДК 343.7

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В.В. Хилюта,

кандидат юридических наук, доцент

Гродненский государственный университет им. Я.Купалы

В настоящее время многие преступные деяния совершаются в сфе-
ре гражданского оборота, где существуют самые разнообразные имуще-
ственные отношения. В этой связи специфика процессов экономическо-
го развития общества и государства определяет систему мер противо-
действия со стороны государства противоправным деяниям в сфере
оборота экономических благ посредством криминализации незаконных
деяний в данной области.

В самом общем представлении гражданский оборот представляет собой гражданско-правовое выражение экономического оборота, которое опосредуется договорными и внедоговорными институтами обязательственного права. Гражданский оборот – это совокупность сделок, заключаемых субъектами гражданского права, и возникающих на этой основе обязательственных отношений (совокупность возникающих из правомерных действий гражданско-правовых обязательств, направленных на передачу имущества, выполнение работ, оказание услуг, уплату денег). Гражданский оборот также представляет собой юридическую форму товарообмена как совокупности экономических отношений по переходу материальных благ от одних лиц к другим. И экономический, и гражданский оборот направлены на удовлетворение разнообразных (в первую очередь материальных) потребностей физических и юридических лиц, государства. В этой связи можно сказать, что экономический оборот в широком смысле есть не что иное, как переход определенных прав (вещных, обязательственных) на объекты гражданских прав. Тем не менее, понятие гражданского оборота включает не только определенную совокупность гражданско-правовых отношений, возникающих из сделок, но также и права собственности, которыми обладают субъекты гражданского оборота на принадлежащее им имущество.

Объектами гражданского оборота являются различные материальные и нематериальные имущественные блага, являющиеся товарами в экономическом смысле (имущество в широком понимании), они включаются в гражданско-правовую категорию имущества, а сам гражданский оборот называют поэтому также товарным, или имущественным оборотом. Категорией «гражданский оборот» охватываются сделки не только по отчуждению вещей, но и по их временному использованию; сделки, оформляющие обмен не только вещами, но и результатами работ и услуг, а также позволяющие использовать результаты творческой деятельности и некоторые другие нематериальные блага, являющиеся товарами; сделки возмездного и безвозмездного характера.

Участниками гражданского оборота являются предприятия и объединения, иные организации, граждане, распоряжающиеся своими доходами в целях приобретения потребительских товаров и вступающие в различные имущественные правоотношения в связи с удовлетворением своих материальных и духовных потребностей.

В содержание гражданского оборота входит переход имущества (субъективных имущественных прав) от одного лица (организации, гражданина) к другому лицу на основе заключаемых участниками гражданского оборота сделок или в силу иных юридических фактов. Иначе говоря, основное содержание гражданского оборота состоит в опосре-

дованных нормами права взаимоотношениях людей друг с другом в целях удовлетворения их потребностей, охватывая самые важные сферы общественных отношений. Основным признаком для включения тех или иных отношений в состав гражданского оборота выступает их имущественный характер.

Между тем, в цивилистической литературе отсутствует единое понимание сущности гражданского оборота, и при всем разнообразии авторских подходов относительно данного явления, можно выделить три аксиомы, связанные с пониманием гражданского оборота: 1) гражданский оборот является правовой (юридической) формой экономического оборота; 2) гражданский оборот – это процесс перехода субъективных гражданских прав; 3) гражданский оборот включает в себя как субъективные права и обязанности, так и материальные субстанции.

Итак, поскольку гражданский оборот представляет собой юридическую форму экономического оборота, отражающий процесс перехода имущества и субъективных прав участников гражданских правоотношений, основанный на совершении причинно-обусловленных распорядительных юридических поступков [1, с. 5], то очевидно, что уголовное законодательство должно охранять данные общественные отношения по надлежащему переходу материальных и нематериальных имущественных благ участников этих правоотношений, с одной стороны, а с другой устанавливать ответственность за нарушение правил ведения деятельности в экономическом обороте (в сфере экономической деятельности).

Отличительным признаком преступлений против собственности и оборота объектов гражданских прав является имущественное содержание противоправных действий. Поскольку гражданский оборот представляет собой движение как в материальном, так и не в материальном смысле этого слова, то уголовно-правовой охране должен подлежать оборот не только вещей, но и имущественных прав, имущественных обязанностей, объектов интеллектуальной собственности, информации и т.д. (например, руководителя предприятия принуждают принять на себя долг другого юридического лица на безвозмездной основе с целью минимизации долга).

При этом, если в цивилистике гражданский оборот образуют лишь правомерные действия, то в уголовном праве все обстоит иначе, т.к. уголовный закон должен охранять любые отношения (не только позитивные, но и негативные) ввиду того, что в данном случае преступна сама сущность – противоправное действие в экономическом (гражданском) обороте объектов гражданских прав. Так, многие противоправные деяния в сфере экономической деятельности сегодня связаны именно с *незаконным* оборотом объектов гражданских прав (нарушение правил о

сделках с драгоценными металлами и (или) камнями (ст. 223 УК Беларуси); невозвращение из-за границы валюты (ст. 225 УК Беларуси); незаконный выпуск (эмиссия) ценных бумаг (ст. 226 УК Беларуси); контрабанда (ст. 228 УК Беларуси); незаконный экспорт или передача в целях экспорта объектов экспортного контроля (ст. 229 УК Беларуси); выманивание кредита или субсидии (ст. 237 УК Беларуси) и др.).

Таким образом, если позитивное гражданское право содержит охранительные нормы, относящиеся к сфере гражданского оборота, то, признавая их актуальность, необходимо также признать наличие в гражданском обороте не только «нормальных» отношений, но и таких, которые слагаются из действий, выходящих за рамки, установленные регулятивными нормами объективного права, сопряжены с их нарушением, являются неправомерными (или иначе – преступными) [2, с. 666]. Следовательно, уголовное право должно брать под свою защиту как «статiku», так и «динамiku» отношений, связанных с присвоением, распределением, производством и перемещением имущественных благ.

В данном случае возможна лишь комплексная охрана оборота объектов гражданских прав посредством дифференциации противоправных деяний: 1) уголовно-правовая охрана статик отношений – преступлений против собственности; 2) уголовно-правовая охрана динамик отношений – преступлений против порядка осуществления экономической деятельности в гражданском обороте.

Литература:

1. Полуяхтов, И.А. Гражданский оборот имущественных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / И.А.Полуяхтов. – Екатеринбург, 2002. – 26 с.
2. Виниченко, Ю.В. Незаконный гражданский оборот: проблемы понимания в контексте предупреждения преступности (постановка вопроса) / Ю.В.Виниченко, Н.П.Асланян, Т.М.Судакова // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9. – № 4. – С. 660 – 668.

УДК 343.8

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

*В.С. Шабаль,
Академии МВД Республики Беларусь*

Применение всех средств исправления в первую очередь направлено именно на воспитание у осужденного необходимых качеств для его

правопослушного существования в обществе. Поэтому именно воспитательная работа является «краеугольным камнем» данной деятельности.

По результатам воспитательного воздействия на осужденного к лишению свободы проводится его аттестация по определению степени исправления. При этом в соответствии со ст. 116 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее УИК) выделяют следующие критерии для признания осужденного ставшим на путь исправления:

1. принятие письменного обязательства о правопослушном поведении;
2. отсутствие взысканий;
3. добросовестное отношение к труду или учебе;
4. добросовестное отношение к выполнению работ по коллективному самообслуживанию, уборке и благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий и проявление полезной инициативы в иной общественно полезной деятельности;
5. осужденный, не погасивший до постановления приговора ущерб, причиненный преступлением, – если он принял все зависящие от него меры по возмещению ущерба.

Следует отметить, что не обязательно должны быть отличные результаты во всех этих критериях, однако должно всегда присутствовать стремление к устранению существующих недостатков. Как итог всего процесса воспитания у человека формируется сознательная дисциплина, включающая гражданскую, политическую, плановую, трудовую, технологическую и исполнительскую ее составляющие [1, с. 427 – 428].

Из анализа ст. 29 Инструкции о порядке аттестации осужденных к наказанию в виде лишения свободы от 10 ноября 2010 г. № 353 возможно выделить еще критерием качество его социально полезных связей. Принятие к вниманию данного положения является спорным, так как является нарушением ст. 28 Конституции Республики Беларусь, определяющей, что каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь. Еще получается следующее противоречие, что отношение к учебе осужденного к лишению свободы является критерием для признания его ставшим на путь исправления, однако степень овладения им гражданской и политической культурой, знание основных экономических понятий, проявление бережного отношения к имуществу как итог процесса образования не учитывается. В связи с чем целесообразно дополнить ч. 3 ст. 116 после слов «обязательство о правопослушном поведении...» следующими словами: «имеет достаточный уровень гражданской, правовой, политической и экономической культуры».

Определенный вопрос возникает о влиянии на определение степени исправления осужденного к лишению свободы наличие у него поощрений. Как нами отмечалось ранее, на аттестации осужденного учитываются только добросовестное отношение к труду, учебе и т.д. Однако возникает вопрос, каким образом должно определяться добросовестное отношение к данным сферам деятельности осужденного. В своих научных трудах С.Н. Смирнов предлагает для оценки поведения осужденного как правопослушного учитывать получение им поощрений ежеквартально, а для предоставления на условно-досрочное освобождение и на замену неотбытой части наказания на более мягкое иметь определенное их количество [2, с. 120, 124].

Представляется возможность определить в качестве критерия признания осужденного ставшим на путь исправления наличие у него поощрений. При этом учитывать периодичность их получения, как предлагает С.Н. Смирнов, является нецелесообразным, так как в случае получения осужденным определенного количества поощрений и признания его ставшим на путь исправления, он будет находиться в данном статусе до наложения взыскания. При установлении же требования получать поощрение ежеквартально, в случае неполучения осужденным его в определенный период, возникает вопрос о периаттестации. Это является неправильным, так как осужденный может продолжать вести правопослушный образ жизни, добросовестно относиться к труду и учебе, но не выделяться среди остальных, в связи с чем не поощряться. Поэтому следует установить критерий для признания осужденного к лишению свободы ставшим на путь исправления в виде наличия у него 3-х поощрений, что будет свидетельствовать о систематическом надлежащем поведении.

В результате проведенной воспитательной работы у осужденного должна сформироваться готовность вести правопослушный образ жизни после освобождения. Однако для нормального включения осужденного в жизнь на свободе необходимо оказывать содействие в его трудовом и бытовом устройстве. Стоит отметить также, что в соответствии со ст. 11 Закона «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» от 4 января 2014 г. должны разрабатываться комплексные региональные программы по профилактике правонарушений, совершаемых гражданами, освобожденными из ИУ.

Определенной категории осужденных после освобождения негде жить и работать. При этом в условиях ИУ они характеризуются как положительно направленные, однако уже в условиях жизни на свободе несмотря на проведенное лечение от алкогольной и наркотической зависимости подвергаются влиянию родственников, друзей, знакомых, и

возвращаются к своим вредным привычкам. Поэтому данных лиц нежелательно направлять обратно по месту жительства. Для этих осужденных целесообразно открывать ресоциализационные центры на базе ИУ, в которых они отбывали наказание. В рамках этих центров будет предоставляться помещение для проживания и рабочее место. При этом главным условием помещения лица в этот центр должно стать его свободное волеизъявление содержаться в нем. Ресоциализационные центры могут создаваться на базе республиканских унитарных производственных предприятий, действующих в ИУ. Это позволит как расширить производство, так и сохранить квалифицированные кадры, что в конечном итоге увеличит получаемую ими прибыль.

В случае нехватки желающих работать в ресоциализационных центрах, можно трудоустраивать граждан, не отбывавших наказание в виде лишения свободы, для чего сотрудничать с центрами занятости при местных исполнительных и распорядительных органах. При этом даже желательно, чтобы работали и проживали в общежитиях законопослушные граждане, которые своим примером будут показывать модель поведения лицам, освободившимся из ИУ. Данные меры позволят как оградить отбывших наказание от негативного влияния их близких и друзей, так и продолжить воспитательную работу представителями администрации ИУ, которых осужденный знает и которым доверяет.

Таким образом, в целях оптимизации критериев исправления осужденных целесообразно дополнить ч. 3 ст. 116 УИК после слов «обязательство о правопослушном поведении...» следующими словами: «имеет достаточный уровень гражданской, правовой, политической и экономической культуры. Следует установить критерий для признания осужденного к лишению свободы ставшим на путь исправления в виде наличия у него 3-х поощрений. Для осужденных, у которых вызывает трудности бытовое и трудовое устройство после освобождения целесообразно направлять в ресоциализационные центры на базе ИУ.

Литература:

1. Лихачев, Б. Т. Педагогика : Курс лекций / Б. Т. Лихачев. – 4-е изд., перераб. и доп.. – М. : Юрайт-М, 2001. – 607 с.
2. Смирнов, С.Н. Реализация принципа рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения при исполнении наказания в виде лишения свободы : монография / С.Н. Смирнов. – Рязань, 2005. – 180 с.

**ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА С ОСУЖДЕННЫМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 20 ВЕКА:
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Шабанов В.Б.,

*доктор юридических наук, профессор,
Белорусский государственный университет*

Становление гражданских и правовых качеств у лиц, совершивших преступление, связано с организацией эффективного исправительного процесса в ИУ, совершенствованию которого уделялось должное внимание в рассматриваемый период. При решении упомянутой задачи администрация ИУ сосредотачивала свои главные усилия на организации индивидуальной работы с осужденными. На это нацеливало и Положение о начальнике отряда, принятое в 1962 году. В связи с этим обозначился новый период, наметились иные пути решения данной проблемы, которые привели к более углубленной работе правонарушителями.

Изучение индивидуальных качеств персонально каждого осужденного должно было стать целенаправленным. Стали уместны такие подходы как объективность, непрерывность, комплексное применение социологии, социальной психологии, исправительно-трудового права, исправительной педагогики и психологии.

С начала 60-х годов руководство МВД республики, органы власти и управления все больше стали уделять внимания вопросам исправления осужденных, повысили требовательность к руководству исправительных учреждений за конкретные результаты их деятельности.

Работа с осужденными в рассматриваемый период тесно применялась с другими формами воспитания, в том числе с организацией трудового соревнования.

С укреплением отрядной системы воспитатели стали больше внимания уделять участию осужденных в самостоятельных организациях, которые являлись противодействием вовлечения лиц, лишенных свободы в криминальные сообщества.

В 60-е годы зародилось движение по склонению к явке с повинной, досрочному погашению ущерба, нанесенного преступлением, которое во многом зависело от уровня постановки правового воспитания.

УО наряду с работниками ИУ, с осужденными проводили консультации, выступали с беседами, принимали участие в вечерах вопросов и ответов на правовые темы, разъясняли важность явки с повинной и дос-

рочного погашения ущерба и т.д. работники территориальных ОВД, судов, прокуратуры, адвокатуры.

К середине 70-х годов в деятельности ИУ наметилась тенденция усиления работы с трудновоспитуемыми, организации самовоспитания, что позитивно сказывалось на обеспечении правопорядка в местах лишения свободы.

Длительное время считалось, что с каждым годом процесс исправления осужденных все больше совершенствовался, чему способствовали опыт работы передовых исправительных учреждений. Однако, с конца 70-х и в 80-е годы в исправительном процессе все больше стали проявляться формализм и бессистемность при оказании воздействия на правонарушителей, воспитательные факторы обесценивались, разъяснительная работа подменялась принуждением.

Выполнение производственного плана декларировалась как главная задача деятельности всей системы исполнения наказаний.

Все это привело к тому, что в ноябре 1987 года произошли массовые беспорядки в ИТК-7, дислоцированного в г. Минске.

Учитывая ошибки в работе с осужденными и в целях недопущения противоправных проявлений с их стороны, руководство системой исполнения наказаний определило организацию исправительного процесса правонарушителей в деятельности ИУ. Была осуществлена деполитизация данного направления, активно стали привлекаться к работе с осужденными различные общественные и религиозные организации, государственные институты.

Перед органами и учреждениями, исполняющими наказания, ставится цель работы с осужденными подготовка социально адаптированной личности, способной к самостоятельной жизни в обществе.

Поэтому ИУ определена задача не только обеспечить правопорядок, но и максимально сохранить перспективу досрочного освобождения осужденных как основного критерия исправления и фактора стимулирующего правопослушное поведение.

Так в течение 1993-1994 годов были разработаны и внедрены Инструкция организации воспитательных работ с осужденными и лишению свободы; Положение о самостоятельных организациях осужденных в ПТУ; Положение о психологической службе в ПТУ и СИЗО; Положение о методическом совете ПТУ; Инструкция о порядке реализации права на свободу совести и вероисповедания лиц, лишенных свободы ПТУ и СИЗО др. Данные документы стали основополагающими в организации исправительного процесса. Они содержали основные задачи, принципы и направления работы с осужденными, определяли должностную компетенцию, сотрудников работавших в отрядном звене. В

организации исправительного процесса был определен ряд основных направлений, которые реализовались в повседневной деятельности ИУ:

1. Планомерная индивидуальная работа с ориентацией на перспективу досрочного освобождения.
2. Профилактическая работа с осужденными отрицательной направленности.
3. Проведение коллективных воспитательных мероприятий (лекции, беседы и т.д.).

К 1991 году остро встала проблема психологического обеспечения деятельности ИУ.

Поэтому с сентября 1991 года на базе Минского педагогического института была организована подготовка практических психологов ИТУ с годичным сроком обучения. К концу 1997 г. в системе исполнения наказаний работало 55 психологов. Психологи изучали и анализировали социально-психологические явления в среде осужденных, неформальные группы и их лидерскую структуру, межгрупповые отношения, готовили рекомендации по улучшению обстановки ИУ. Например, только в 1996 г. психологические службы выявили и поставили на учет более чем 7,5 тыс. чел. Требующих повышенного контроля над поведением и трудовой деятельностью.

В период с 1992 по 1999 г. подъем плановых форм и методов исправительного воздействия на осужденных. Изучается и обобщается передовой опыт исправительного процесса в ИУ, где успешно осуществляется формирование нравственно-психологического климата в среде осужденных. Суть такой работы заключалась в недопущении распространении, а затем и нейтрализации норм и традиций, действовавших в преступной среде, ликвидации проявлений унижающих человеческое достоинство в местах лишения свободы.

В данный период воспитательными аппаратами учреждений проводится работа по сплочению осужденных и принятию обязательств в правопослушном поведении. Так в 1995 году такие обязательства приняли свыше 18 тыс. человек, в 1996 г. – 26 тысяч, а за неполный 1997 год – более 27 тысяч, что способствовало преодолению негативных традиций в среде осужденных. Сложность ситуации 90-х годов заключалось в том, что ИУ и СИЗО были переполнены, большинство осужденных не находило разумного применения своим силам и способностям. В связи с этим руководство системой наказания приняло меры по формированию и обеспечению профессионального ядра воспитательной службы. В апреле 1994 года были разработаны и утверждены соответствующие изменения и дополнения в Правила внутреннего распорядка ИТУ. Совместно с БГУ было подготовлено учебное пособие по основам

этических занятий, разработан тематический план и проведен комплекс занятий с сотрудниками воспитательных служб по изучению правовых основ исполнения наказания, положено начало проведения педагогической аттестации личного состава.

С 1992 года начали устанавливаться контакты ИУ с церковью. Постоянно связи укреплялись и к 1997 году в большинстве учреждений уже имелись помещения для отправления культовых обрядов.

Таким образом, курс на активизацию исправления осужденных позволяет обеспечить более четкий правопорядок в ИУ и СИЗО, что подтверждается отсутствием в период с 1992 по 1999 г. массовых противоправных проявлений с их стороны.

УДК 343.2.01

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ МЕХАНИЗМА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

*Д.В. Шаблинская,
кандидат юридических наук, доцент,
Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь*

Актуальным предметом современных научных исследований являются теоретические проблемы правового воздействия. Многие аспекты данной сложной и многогранной темы не имеют единообразного решения либо вообще не нашли отражения в трудах отечественных ученых. К числу таких категорий с уверенностью можно отнести и механизм уголовно-правового воздействия, теоретическому анализу функционального назначения которого будет уделено внимание в рамках данного исследования.

В самом широком понимании механизм уголовно-правового воздействия есть *многоэтапный и многосоставной процесс действия права в сфере борьбы с преступностью*, включая уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные элементы, а также внеправовые формы воздействия. Любой уголовно-правовой институт по существу может быть рассмотрен как элемент механизма уголовно-правового воздействия. В более узком понимании функционально правильным полагаем обосновывать механизм уголовно-правового воздействия как *целенаправленное и взаимообусловленное осуществление принуждения и убеждения в уголовно-правовой сфере*. Разумеется, данное определение выдвигается в качестве научной гипотезы, что предполагает уяснение ряда научных категорий, раскрывающих присущие уголовно-правовому воздействию закономерности.

1. Механизм уголовно-правового воздействия понимается как *целенаправленный* процесс. В рамках данного аспекта следует разрабатывать два направления: *цели уголовно-правового воздействия и его объект*.

Применение конкретной меры уголовно-правового воздействия будет направлено на *правовой статус лица, совершившего общественно опасное деяние*. В широком смысле под объектом уголовно-правового воздействия можно понимать и непосредственно лицо, совершившее общественно опасное деяние. Вместе с тем механизм уголовно-правового воздействия в целом (а не конкретная мера) направлен на всю совокупность общественно опасных деяний и лиц, их совершающих, как социально-правовое явление.

Теоретическое осмысление целей уголовно-правового воздействия (равно как и уяснение самой категории «уголовно-правовое воздействие») затрудняет отсутствие их законодательного закрепления. Статья 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь закрепляет только цели уголовной ответственности. Ранее нами отмечалось, что формы реализации уголовной ответственности также следует признавать мерами уголовно-правового воздействия [2, с. 176–177]. На данной основе можно заключить, что положения, сформулированные законодателем для уголовной ответственности, можно отнести и к целям уголовно-правового воздействия.

С учетом отсутствия готовности в настоящий момент обозначить цели уголовно-правового воздействия в комплексе, полагаем допустимым лишь высказаться о том приоритете, который «запускает» механизм уголовно-правового воздействия. Представляется, что восстановление социальной справедливости – это тот основной (но не единственный) конечный результат, на достижение которого следует рассчитывать, реализуя ту или иную меру уголовно-правового воздействия. Данный вывод не претендует на научную новизну: приоритет восстановления социальной справедливости среди целей уголовной ответственности убедительно обоснован Э.А. Саркисовой [2; 3 и др.]. Мы лишь «расширяем» выводы профессора, распространив их и на уголовно-правовое воздействие в целом, а не только на уголовную ответственность.

2. Механизм уголовно-правового воздействия имеет своей сущностной характеристикой *взаимообусловленность*. И эта взаимообусловленность весьма многогранна. Законодательная регламентация и применение уголовно-правового воздействия требуют надлежащей основы, под которой мы понимаем принципы уголовного права. Далее следует установить место и роль уголовно-правового воздействия в системе антикриминального воздействия на общественно опасные деяния; необ-

ходимо также изучение взаимосвязи уголовной политики и уголовно-правового воздействия. Взаимообусловленность механизма уголовно-правового воздействия также не может быть отражена без исследования истории развития данного института и результатов сравнительного правоведения.

3. Высказав гипотезу о том, что механизм уголовно-правового воздействия является *процессом осуществления принуждения и убеждения*, мы обращаемся к сущности воздействия в уголовно-правовой сфере. С учетом положений действующего уголовного закона только наказание и иные меры уголовной ответственности, которые могут быть применены к лицам, совершившим преступления, а также принудительные меры безопасности и лечения, применяемые к лицам, совершившим общественно опасные деяния, могут быть однозначно определены как меры уголовно-правового воздействия. Все иные меры, к сожалению, не имеют четко обозначенного правового статуса и содержания. В этой связи в научной литературе наличествует суждение об отсутствии необходимости выделения иных, помимо наказания, мер уголовно-правового воздействия. Данный подход схематично можно определить следующим образом: уголовно-правовое воздействие = меры уголовной ответственности (либо вообще только наказание). Однако мы данное положение не разделяем, полагая, что уголовно-правовое воздействие не исчерпывается мерами уголовной ответственности. Этот вывод подкрепляется не только последними исследованиями ученых в области уголовного права: выделение ответственности лишь как одной из мер принуждения (а не как единственно возможной) характерно для иных отраслей права и в целом разработано в общей теории права.

Заявляя о сочетании в механизме уголовно-правового воздействия убеждения и принуждения, нам предстоит решить еще более емкую задачу: определить, включаются ли в содержание уголовно-правового воздействия меры убеждения.

В заключение отметим, что функциональное значение механизма уголовно-правового воздействия заключается в трансформации (переносе, воплощении) конкретных форм воздействия на общественно опасные деяния от субъекта к объекту в определенных целях. Функционально правильным полагаем обосновывать понимание механизма уголовно-правового воздействия как *целенаправленного и взаимообусловленного осуществления принуждения и убеждения в уголовно-правовой сфере*.

Литература:

1 Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе / О.И. Бахур [и др.]; под ред. Д. В. Шаблинской. – Минск: Белпринт, 2015. – 276 с.

2 Саркисова, Э. А. Уголовная ответственность : содержание, цели, принципы в контексте современных тенденций уголовной политики / Э. А. Саркисова // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе : сб. научных трудов / М-во внутр.дел Респ. Беларусь, УО «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол. : А. Л. Савенок (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2012. – С. 101–111.

3. Саркисова, Э. Уголовная ответственность в контексте законодательной регламентации / Э. Саркисова // Теоретические и практические проблемы юридической ответственности / А.Ф. Вишневский [и др.] ; под ред. В. А. Кучинского ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2014. – С. 190–203.

УДК 343.9

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ НАЧАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЯ КРИМИНОГЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

*В.П. Шарикова,
кандидат юридических наук,
Полоцкий государственный университет*

Осуществление эффективного предупредительного воздействия на индивидуальном уровне предполагает предметное представление о структуре и природе личностных деформаций, определяющих возникновение и развитие криминальных мотивов. Исследование личности ставит перед криминологами целый ряд вопросов, ответы на которые требуют самостоятельного глубокого научного поиска, а также выбора конкретной парадигмы понимания природы личности. Изучение данных вопросов в криминологии обладает перманентной актуальностью и непреходящим значением, поскольку именно личность находится в центре индивидуального уровня детерминации и практическая реализация мер ранней индивидуальной профилактики в качестве необходимого условия предполагает установления закономерностей возникновения и утверждения криминальных мотивов в личности как непосредственно переживаемых ею причин совершения преступлений. Это обуславливает важность разработки методологических начал исследования проблематики криминогенности личности.

Как представляется, наиболее продуктивным рассмотрение вопроса о криминогенности личности будет в рамках парадигмы, предполагающей наличие у лица свободы воли, как возможности формировать автономное поведение. Поскольку именно при условии наличия свободы самоопределения, как личностного начала, мы можем говорить о том, что имеет место вина преступника в совершенном деянии, и, соответственно, вести речь о возможном познании предпосылок, приведших к такому состоянию личности, при котором возникающая криминогенность является не просто продуктом внутриличностных процессов, а результатом его вполне самостоятельного выбора, автономного решения.

Рассмотрение криминогенности наиболее корректно осуществлять в контексте ценностных ориентаций личности. В противном случае утрачивается методологическая основа познания поступков как результата целесообразной психической деятельности, поскольку именно ценности составляют смыслообразующее ядро, вокруг которого происходит формирование поведения человеком. Под ценностной ориентацией, как правило, понимается: «<...> своеобразное для каждого лица оценивание предметов и явлений окружающего мира с точки зрения их ценности, необходимости для этого лица» [1, с. 244]. Ценности являются результатом свободного самоопределения личности, сосредоточением её духовной сферы, сфера ценностей – это сфера смыслов, которая имея надличностное значение, наиболее полно реализуется именно в поведении человека [2, с. 177].

Собственно, такова методология познания психических процессов личности, представленная в русской философской традиции, в частности, в работах Н.О. Лосского и С.А. Левицкого, не утратившая своей востребованности по настоящее время [3; 4].

Включение ценностных ориентаций в структуру личности представляет собой сложный процесс, сопряженный и с социализацией и с воспитанием. Дефекты социализации и воспитания способны привести к определенным деформациям ценностной сферы. Свое последовательное обоснование это нашло в теории дифференцированной ассоциации Э. Сатерленда.

Подобные деформации и порождают криминогенность личности. Криминогенность – это не просто потенциальная способность совершить преступление. Криминогенность – это наличие определенных состояний, актуализировавших рассмотрение лицом преступления как возможного (то есть предполагаемого в качестве допустимого) варианта поведения. Другими словами, под криминогенностью следует понимать не гипотетическую, а вполне реальную, подкрепленную конкретными психическими установками, способность совершить преступление, для

которой внешние обстоятельства – только повод для её реализации. И в основании возникновения такой психической установки лежат определенного рода деформации ценностной сферы личности.

Очевидно, что применительно к преступному поведению мы говорим о возникновении деформаций ценностного отношения к праву, о деформации правосознания. Речь идет о девальвации ценности права, но какова суть этих девальвационных процессов. Для того, чтобы их предметно увидеть, следует обратиться к сущности права, к его смысловому содержанию. Последнее можно выразить следующим образом: право – это зафиксированный опыт солидаризации интересов свободных личностей. Зачастую, говоря о праве речь идет об отрицательной свободе волеизъявления личности, то есть о свободе от внешнего её ограничения, ущемления, но для криминологов, особенно в XXI веке стало очевидно, что не менее значимыми, с точки зрения личности, являются и вопросы так называемой положительной свободы, то есть поиск достойных целей приложения волевого начала. Сегодня качественные характеристики преступности красноречиво говорят о том, что стихийные состояния неподконтрольные личности, находя свое конкретное выражение в разного рода аддикциях, способствуют воспроизводству преступности, в частности, в её наиболее организованных формах (например, наркобизнес, торговля людьми).

Проблемы с реализацией собственной положительной свободы, выражаясь языком психоанализа, её сублимацией, во многом способны детерминировать криминогенность личности. Не имея достойных целей свободного приложения волевого начала, личность не воспринимает в качестве ценного обеспечения свободы как таковой, не видит её ценность как ядерного содержания других людей, в силу чего и возможно возникновение деформированного представления о значении их автономного (свободного) поведения и о необходимости существования особого механизма обеспечения этой автономии – правового механизма, законодательного регулирования социального взаимодействия.

Представляется, что описанный здесь схематично механизм реализации положительной свободы личности в случае дисфункции имеет своим следствием девальвацию ценности права и возникновение криминогенных установок.

Дальнейшая разработка методологических начал исследования криминогенности личности позволит более предметно осуществлять научный поиск причин и условий преступного поведения, что будет способствовать выработке эффективных направлений ранней профилактики преступности.

Литература:

1. Закалюк, А. П. Курс сучасної української кримінології: теорія і практика : у 3 кн. / А. П. Закалюк. – К. : Видав. Дім «Ін Юре», 2007 ; Кн. 1: теоретичні засади та історія української кримінологічної науки. – 2007. – 424 с.
2. Гнатенко, Е.А. Проблемы изучения личности преступника в отечественной криминологической науке / Е. А. Гнатенко // Соціологія в ситуації соціальних невизначеностей : тези доп. учасників I Конгресу Соціол. асоціації України. – Х. : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2009. – 476 с.
3. Левицкий, С. А. Трагедия свободы: избранные произведения / С.А. Левицкий ; вступ. ст., сост. и коммент. В. В. Сапова. – М.: Астрель, 2008. – 992 с.
4. Лосский, Н. О. Свобода воли / Н.О. Лосский. – Париж: YMCA PRESS, 1927. – 181 с.

УДК 343.232

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ПОНЯТИЙ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ», «ПРОСТУПОК» И «НАРУШЕНИЕ»

Ю. Л. Шевцов,

*Белорусский государственный университет,
кандидат юридических наук, доцент*

1. Уголовное законодательство ряда стран при классификации преступных деяний устанавливает правовые понятия «уголовное правонарушение», «преступление», «проступок». Такая правовая традиция существует достаточно давно и предусмотрена в уголовных кодексах ряда европейских стран и в США. В уголовных кодексах Испании 1995 г., Италии 1930 г., Польши 1997 г., ФРГ 1871 г., Швейцарии 1937 г. и др. предусмотрена классификация уголовных правонарушений на преступления и проступки. Из постсоветских стран такая классификация предусмотрена лишь в УК Республики Казахстан 2014 г. (ст. 10), УК Латвийской Республики 1998 г. (ст.7) и УК Литовской Республики 2000 г. (ст.7).

2. С точки зрения юридической техники наблюдаются существенные различия в парадигме и принципах классификации преступных деяний в уголовном законодательстве. В одном варианте классификации все преступные деяния в качестве родового понятия охватываются единым понятием «преступление», а затем классифицируются на категории по степени тяжести. При другом подходе базовым является поня-

тие «преступное деяние», которое объединяет категории «преступление», «проступок», «нарушение».

3. Термин «уголовное правонарушение» используется в УК лишь некоторых стран. В значении системообразующего понятия «уголовное правонарушение» определено в УК Республики Казахстан 2014 г. Одной из новелл УК Республики Казахстан 2014 г. является изменение системы классификации преступных деяний путем новых понятий «уголовное правонарушение» и «уголовный проступок» наряду с сохранением традиционного подхода к определению понятия преступления. Согласно ч. 1 ст. 10 УК Республики Казахстан 2014 г. уголовные правонарушения в зависимости от степени общественной опасности и наказуемости подразделяются на преступления и уголовные проступки, и таким образом, термину «уголовное правонарушение» придан смысл обобщающего понятия. Напротив, в УК Франции 1992 г. при классификации преступных деяний на преступления, проступки и нарушения (ст. 111-1), термин «нарушение» используется в ином значении – как один из трех элементов системы классификации. УК Латвии 1998 г., устанавливая, что «преступными деяниями признаются уголовные проступки и преступления» (ст.7), не использует термин «уголовное правонарушение».

4. Термин «уголовный проступок» в УК Республики Казахстан 2014 г. определяется как совершенное виновно деяние (действие либо бездействие), не представляющее большой общественной опасности, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству, за совершение которого предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста.

УК Испании 1995 г. признает проступком правонарушения, за которые предусмотрена мягкая мера наказания (ст. 13), устанавливая в качестве таковых: 1) лишение права на управление транспортными средствами на срок от трех месяцев до года; 2) лишение права на хранение и ношение оружия на на срок от трех месяцев до года; 3) штраф в размере от пятидневного заработка до двухмесячных заработных плат; 4) арест на срок от одного до шести выходных дней (ч. 4 ст. 33).

УК ФРГ 1871 г. определяет проступок как противоправное деяние, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок менее 1 года или денежный штраф (ст. 12)

По УК Латвии 1998 г. уголовным проступком признается деяние, за совершение которого УК предусмотрено лишение свободы на срок не более 2-ух лет либо более мягкое наказание (ст. 7).

По УК Австрии преступлением является умышленные деяния, ко-

торые наказываются лишением свободы на срок более трех лет (§ 17).

УК Швейцарии 1937 г. устанавливает, что проступком является преступное деяние, которое наказывается тюрьмой в качестве наиболее строгого наказания, а преступление наказывается каторжной тюрьмой (ст. 9).

В уголовном законодательстве США предусмотрено деление преступных деяний на фелонии и мисдиминоры, которые в свою очередь подразделяются на различные категории. Например, УК штата Нью-Йорк классифицирует фелонии на классы А, В, С, Д, Е и мисдиминоры – на классы А и В. Наиболее тяжким является фелония класса А, а наименее тяжким – мисдиминор класса В.

5. «Преступление» в УК Республики Казахстан 2014 г. определяется как «совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещенное УК под угрозой наказания в виде штрафа, исправительных работ, ограничения свободы, лишения свободы или смертной казни». Наряду с проступком в ст. 11 УК Республики Казахстан 2014 г. предусматривается четыре категории преступлений: 1) небольшой тяжести - умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает двух лет лишения свободы, а также неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает пяти лет лишения свободы, 2) преступления средней тяжести, за совершение которых максимальное наказание не превышает пяти лет лишения свободы, а также неосторожные деяния, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пяти лет, 3) тяжкие преступления, за совершение которых максимальное наказание не превышает двенадцати лет лишения свободы, 4) особо тяжкие преступления, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двенадцати лет, пожизненного лишения свободы или смертной казни. Следует отметить, что в УК стран СНГ традиционно принято деление преступлений в зависимости от характера и степени их общественной опасности как правило на четыре группы.

6. Таким образом, базовое уголовно-правовое понятие «преступление» в различных правовых системах имеет достаточно разное содержание. В случае введения в уголовный закон категорий «проступок» и (или) «нарушение» потребуются внесение существенных изменений, часто принципиальных, в содержание традиционных для постсоветской школы уголовного права понятий об основных уголовно-правовых институтах, а также согласования их нового содержания в кругу соотношения с других институтами. В случае таких новаций это в полной мере относится к уголовному законодательству Республики Беларусь, и

предлагает существенную реформу всей системы мер уголовно-правового воздействия.

7. Сравнительные исследования показывают, что при наличии общих формальных и материальных признаков понятие преступления в законодательстве разных стран охватывает чрезвычайно неоднородные по характеру и степени общественной опасности деяния. Указанное обстоятельство не позволяет во многих случаях одинаково применять к схожим деяниям те или иные уголовно-правовые институты (покушение, освобождение от ответственности и др.). Предполагается, что в дефиниции понятия преступления признаки виновности, общественной опасности и уголовной противоправности останутся в традиционном понимании. Вместе с тем, признаку наказуемости как свойству преступления, проступка или нарушения характерны различия, которые на настоящем этапе связаны с наказуемостью определенными видами наказания.

8. В аспекте существующих проблемных моментов классификация преступных деяний связана с необходимостью разрешения вопросов, имеющих значение как для определения понятия «преступление», так и для функционировании самого института уголовной ответственности, а также разграничения уголовной и административной ответственности.

В современном законодательстве категории преступных деяний являются основой для дифференциации уголовной ответственности, поскольку с этим связаны такие уголовно-правовые последствия как понятие рецидива и его вид, ответственность за приготовление и покушение, назначение наказания и определение режима отбывания наказания, освобождение от уголовной ответственности и наказания, судимость и др. Самостоятельное значение классификация преступлений имеет для решения процессуальных вопросов (подсудность, процедура следствия, особенности судебного рассмотрения и т.д.).

9. Основным критерием классификации преступных деяний и отграничения их от административных деликтов является относительная степень их тяжести. Вместе с тем формальным основанием классификации по степени тяжести по законодательству значительного числа стран выступает, как показано выше, вид и размер наказания. При этом существует как несколько систем такой классификации, так и значительная вариативность в определении понятий.

10. Проблема пограничной природы преступного деяния и административного деликта в аспекте классификации преступлений приобретает особое значение, в частности при разграничении административной и уголовной ответственности. При этом административные правонарушения и уголовные дела имеют разные этапы процессуального производ-

ства и характеризуются разными возможностями в плане реализации и защиты гражданами их прав. Представляется, что характерной особенностью административного деликта с учетом его властно-правового метода регулирования и морально-этической индифферентности не могут являться посягательства на сферу личных прав человека и таковые должны входить в сферу уголовно-правового регулирования. В тоже время на современном этапе развитие концепции административной ответственности и принцип экономии уголовной репрессии способствовали переводу некоторых деяний в разряд административных правонарушений.

11. Уголовно-правовая политика, отвечая на новые вызовы криминального характера, предполагает как криминализацию, так и декриминализацию деяний. Новые решения в системе классификации преступных деяний, в частности введение концепции уголовного проступка (нарушения), могут повлечь декриминализацию некоторых деяний, и в этом одна из целей такой новации. Криминализация на современном этапе связана с противодействием новым способам организованной преступности и террористической деятельности; коррупционным и экологическим преступлениям; «отмыванию» денежных средств; детской порнографии; преступлениям в сфере компьютерной безопасности; ядерной, радиационной и биологической безопасности и др., – и предполагает определение уровня опасности с отнесением к определенной категории преступных деяний.

УДК 343.241

ХРИСТИАНСКИЕ НАЧАЛА ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ КАК ВИДА НАКАЗАНИЯ

А. В. Шидловский,

кандидат юридических наук, доцент

Белорусский государственный университет

Лишение свободы, будучи мерой государственного принуждения, назначается по приговору суда лицу, признанному виновным в совершении преступления. Данный вид наказания заключается в предусмотренных УК и УИК Республики Беларусь лишении и ограничении целого ряда прав и свобод осуждённого. В соответствии со ст. 25 Конституции Республики Беларусь государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности. Ограничение или лишение личной свободы возможно в случаях и порядке, установленных законом [1]. Личная свобода является одним из основных конституционных атрибутов любого цивилизованного общества и современного правового

государства. Указанная норма Основного Закона допускает возможность заключения по стражу человека, однако с его правом на судебную проверку законности задержания или ареста.

Лишение свободы, как и любое другое наказание, предусмотренное УК Республики Беларусь, применяется в целях исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений. Кроме того, лишение свободы обеспечивает достижение цели общего предупреждения и, как следует из нормы закона, содействует восстановлению социальной справедливости (ст. 44 УК) [2]. Реализуя указанные цели, наказание в виде лишения свободы должно обеспечить, по возможности максимально, соразмерный объём лишений и ограничений прав и свобод осужденного всем тем страданиям потерпевшего, которые он вынужденно понёс вследствие совершенного преступления. При этом нужно помнить, что наказание не ставит перед собой цель причинения страдания осужденным. Исправление осуждённого на определённом этапе синхронизируется с целью специального предупреждения преступлений. Она достигается, когда осужденный не совершает новых преступлений.

Согласно христианскому вероучению наказание, исходящее от Бога или через человека, постигает всех людей, которые совершили преступление против Всевышнего или нарушили Его установления, обременив себя грехом. Таким образом, право Божие обличает зло и восстанавливает установленный Богом порядок, свидетельствуя о Его святости и праведности. Исходя из этого, целью любого наказания является возвращение согрешившего к нравственному образу жизни, поскольку даже самое совершенное наказание не может искупить человека от власти злых сил.

Наказание в виде лишения свободы, причиняя определённые страдания, в значительно большей степени призвано показать удаленность осуждённого от Бога и тем самым вызвать его стремление к получению Божьей помощи.

Наказание одной из главных своих целей имеет морально-нравственное воздействие на виновного. И в этом ключе заложена христианская аксиома всей сущности наказуемости. В Новом, как и в Ветхом Завете, наказание имеет значение порицания или обличения в грехе: «обличи ближнего твоего» (Лев 19:17; ср. Пс 140:5) [3, с. 115; 593]. Так, пророки обличают народ (Иез 29:21; Ам 5:10) [3, с. 823; 876], Иоанн Креститель - Ирода (Лк 3:19) [3, с. 1086], разбойник на кресте – своего товарища (Лк 23:40) [3, с. 1123], также действует Святой Дух в отношении мира (Ин 16:8) [3, с. 1152], то же сказано и о воздействии Священного Писания (2 Тим 3:16) [3, с. 1306].

В Библии наказание имеет как индивидуальный, так и групповой характер, то есть выделяется ответственность за личные проступки и за поступки всего общества. В библейском учении о наказании – в Ветхом и Новом Завете – есть существенные различия относительно его целей и критериев ранжирования.

Ветхий Завет рассматривает наказание как кару за проступок, справедливое воздаяние за содеянное. Тем не менее, основной принцип ветхозаветного возмездия «душа за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, рука за руку, нога за ногу, обожжение за обожжение, рана за рану, ушиб за ушиб» действует с ограничениями; а само наказание может служить прославлению Бога (Иов 2:3; Ин 9:3) [3, с. 512; 1141]. Эта мысль находит свое выражение в наказании, которое Раб Божий (Ис 53:5-7) принял на Себя не за собственные прегрешения, а за грехи других, чтобы привести их к миру с Богом [3, с. 720]. Иисус Христос, сам Судья, принимает смертельную кару за грешников и милостиво дарует им жизнь. Эта беспредельная любовь Христа дает право Его ученикам отпускать грехи и вину провинившимся, освобождая их от наказания (церковного).

Новый Завет пронизан идеями перевоспитания и искупления вины согрешившим, повиновения и покорности всякой души существующей власти, установленной от Бога. Поэтому и наказание, исходящее от светской власти и имеющее по своей природе, равно как и сам институт власти, божественное происхождение, утверждается как необходимый инструмент регулирования и упорядочения отношений в обществе. Это прямо закреплено в следующих постулатах: «противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение», «начальник есть Божий слуга... он не напрасно носит меч: он отмститель в наказание делающему злое», «и потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести» (Рим 13:1-8) [3, с. 1240]. Таким образом, наказывает Сам Бог, даже если Он использует для этого Своих слуг.

Наказание за грехи не всегда правильно оценивается человеком, который руководствуется, чаще всего, исключительно своими личными соображениями и мотивами. Порой длительные, повторяющиеся проявления зла и греха долгое время остаются безнаказанными, а последовавшее наказание лишением свободы воспринимается человеком как тяжкое бремя без сознания собственной вины. Это кажущееся противоречие особенно отражено в поучениях Иова (Иов 21:7-34), Екклесиаста (Еккл 5:1-19, 6:1-12) и автора Псалма 72 [3, с. 523; 620-621; 564-565].

Христианская мораль, допуская лишение свободы как наказание, предполагает отделить грешника от греха, но если наказанный упорствует в своем грехе, то наказанием ему может стать смерть. Только в том

случае, если виновный придет к признанию закона Божьего как нормы поведения и вместе с тем сознает свою вину, наказание может ему помочь. В Новом Завете это означает, что провинившийся подчиняется Закону Божьему, и этот Закон становится для него в конечном итоге «детоводителем ко Христу» (Гал 3:24) [3, с.1276].

Из содержания Священного Писания следует, что лишение свободы применялось в разных вариантах: заключение в темницу (Деян 5:25; 12:3-4), помещение в темницу с забиванием ног в колоду (Деян 16:24), содержание в крепости (Деян 23:10) [3, с. 1167, 1178; 1186; 1196].

В более позднее время чаще стали прибегать к тюремному заключению. Такая мера наказания не предусматривалась ветхозаветным Законом, однако широко применялась в Египте. К этому наказанию добавлялись денежные штрафы, например, серебром (Втор 22:19) [3, с.190], возмещение ущерба (Исх 22:4-15) [3, с.75], продажа в рабство и различные телесные наказания.

За ряд преступлений лишение свободы христианским концептом вообще не предусматривается. Так, возмещение ущерба является наказанием за воровство и за ущерб, причиненный имуществу другого (Исх 22:2-15 и след.) [3, с. 75]. В духе этого предписания Закхей возвращает неправомерно нажитое им богатство, возмещая ущерб в многократном размере (Лк 19:8) [3, с. 1115].

У израильтян наказанием за некоторые виды преступлений могли служить побои (Втор 25:1-3) [3, с. 193]. От предписанных сорока ударов позднее стали применять «сорок без одного», чтобы ни в коем случае не переступить эту границу (ср. 2 Кор 11:24) [3, с. 1270].

Анализируя смысл наказания, его виды и цели применения по библейским канонам, можно прийти к выводу, что телесные, имущественные наказания, лишение свободы, а в ряде случаев – смертная казнь, были действенным методом привлечения отступника от Божьих Законов к ответу за содеянное.

Литература:

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями): принята на республиканском референдуме 24 ноября 1996 года. – Минск : Беларусь, 1997. – 95 с.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : подписан Президентом Республики Беларусь 9 июля 1999 г., № 275-з : в ред. Закона Республики Беларусь от 20.04.2016 г., № 358-З (с изм. и доп., вступившими в силу с 01.07.2016 г.) // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета : в русск. пер. с параллельными местами и приложениями / по благославлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М.: Росс. библ. общ-во, 2005. – 1375 с.

УДК. 343.9

СУЩНОСТНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ

В.П. Шиенок,

*доктор юридических наук, профессор,
Белорусский государственный университет*

Главной задачей криминологии как над отраслевой юридической науки является разработка долговременных комплексных мер по оздоровлению общества посредством профилактики (предупреждения) противоправного, в первую очередь, преступного поведения его членов. Именно ради достижения этой цели криминология изучает преступность в целом, ее различные проявления, а также конкретные противоправные деяния и лиц, их совершивших. Можно по-разному формулировать объект этой науки, ее предмет, систему, применяемые методы и методики, но это существенно не влияет на наличие вышеуказанной главной цели данной отрасли научного знания. С позиций указанной цели, значение криминологии выходит далеко за рамки прикладной юридической науки. Она является одной из фундаментальных юридических научных дисциплин. Разработка путей и средств предупреждения преступности и иных форм отклоняющегося поведения людей направлено на оздоровление всего общества, каждого конкретного человека вне зависимости от его индивидуальных характеристик, а также политического режима, правовой системы, особенностей действующего законодательства и иных особенностей существующего права и государства. Что может быть благороднее этой задачи? Рассматривая криминологию под таким углом зрения, становится очевидно, что ее значение выходит далеко за рамки юриспруденции в целом. Она является важнейшей общегуманитарной дисциплиной, так как именно преступность служит индикатором уровня гармонии любого общества, эффективности его экономики, условий жизни и безопасности людей. Думаю, не вызывает сомнений тот факт, что безопасность от преступных посягательств является жизненно важной потребностью (нуждой) каждого человека, а ее обеспечение, – одной из стратегических задач государства как особой организации политической власти.

Состояние и динамику теории и практики криминологии в нашей стране в последние десятилетия, допуская известную условность, можно отнести к «тактическому» уровню науки. Усилия ученых концентрируются на исследовании в большей или меньшей степени локальных криминологических проблем, как правило, в соответствии с конкретными государственными программами, проводимыми кампаниями, целевыми заданиями. Например, в последние годы наиболее активно разрабатываются, меры по предупреждению торговли людьми, антикоррупционные и некоторые иные направления профилактики преступлений. Указанный вывод сделан по результатам анализа научных публикаций, состояния подготовки научно-педагогических кадров, развития законодательства, экспертных оценок, включенного наблюдения в деятельность заинтересованных субъектов, а также из и иных источников. Не отрицая важности исследования этих и других подобных вопросов, отмечу, что все они носят частный характер по отношению к методологическому уровню криминологии как отрасли научного знания, по отношению к ее вышеуказанной стратегической цели. Поэтому, принципиальным условием повышения качества частных, прикладных криминологических исследований, особенно на долгосрочный период, является разработка методологических основ науки о предупреждении преступности, а также юриспруденции в целом.

Как клетка является базовым структурным элементом человеческого тела, так человек выполняет функцию клетки в масштабах общества. Именно поэтому, позиций гуманистической методологии центральное место в любом виде юридической теории и практики принадлежит человеку как биосоциальной системе, состоящей из материальной и духовной подсистем, души и тела. Думаю, не требует доказательств тот факт, что без глубокого понимания природы человека, его сущности невозможно понять механизм индивидуального преступного поведения, его мотивы и закономерности, невозможно понять преступность как социальное явление, и, соответственно, разработать действенные меры по ее предупреждению.

Первый, и наиболее важный, момент гуманистической методологии заключается в определении (выяснении, осознании) личной позиции конкретного исследователя по вопросу о признании или непризнании факта существования феномена человеческой души. Признание факта ее существования означает мировоззренческую позицию, что любой человек как таковой, как биосоциальная единица (клетка) представляет собой единство духовной и материальной сторон существования. Непризнание факта существования души, означает, что ученый видит перед собой только материальную сторону существования, что автоматически

сужает область (предмет, объект) его исследований до уровня сугубо материальных проявлений. Практическое значение данного факта крайне велико. Очевидно, что при усеченном (только с позиций материальной стороны) понимании природы человека, его сути невозможно гармонизировать как индивида, так и общество, невозможно эффективно осуществлять профилактику преступлений, разрабатывать и реализовывать уголовно-правовую политику, а также осуществлять иную деятельность по управлению обществом.

Признавая наличие души априори, криминолог, во-первых, должен попытаться сформулировать ее определение, во-вторых, выявить существенные взаимосвязи души и тела, ее влияние на поведенческие реакции человека.

Комплексный анализ философской, религиозной, эзотерической и иной литературы, целевое общение с адептами различных духовных организаций, а также персональный опыт автора позволяют предположить, что душа – это нематериальная субстанция (сущность), в обязательной мере присущая каждому человеку и определяющая его существование, возникновение которой связано с первым толчком (большим взрывом), приведшим к образованию вселенной. Этот, а также иные соответствующие тезисы в их совокупности следует рассматривать в качестве научной гипотезы, имеющей право на существование в той мере, в какой мировоззрение конкретного исследователя готово принять их.

Следствием тезиса о существовании души и нематериальной природе последней, является утверждение о ее особом, по сравнению с телом, статусе существования. Как нематериальная субстанция душа, в отличие от физического тела человека, не рождается и не умирает. Она существует по иным – духовным законам, нежели тело. В этом плане человек может быть представлен как результат эволюции души в материальном мире, ее проявления на планете Земля в форме физического тела.

Допуская определенную условность, жизнь души можно представить в качестве очень долгого по земным меркам путешествия, в процессе которого она проходит множество материализаций (жизней, инкарнаций), т.е. периодически существует в физической форме. Информация о каждой из этих жизней детальнейшим образом фиксируется в форме разнообразных впечатлений, которые формируют информационное поле души. Эти впечатления обволакивают, укутывают душу многочисленными слоями, образуя ее индивидуальное информационное поле. Зафиксированные в нем индивидуальные впечатления, в зависимости от степени их энергетического, эмоционального потенциала в

значительной степени обуславливают физический уровень существования каждого живущего человека. Речь идет о врожденных качествах личности, ее жизненном потенциале, приоритетах, наклонностях, психофизических характеристиках, особенностях принятия решений, поступках, жизненных ситуациях и т.д.

Таким образом, каждый человек потенциально располагает колоссальным объемом разнообразной информации, накопленным его душой во время существования в материальной форме. Эта информация лежит в основе разнообразных поведенческих программ, реакций человека на конкретные ситуации текущей жизни. Ее обстоятельства, актуализируют («включают») ту или иную событийную цепочку или ее элементы уже имевшую место в прошлом. Человек получает исходную базовую программу (или программы) действий в текущей ситуации, основанную на всей совокупности предыдущего опыта, хранящегося в информационном поле его души. Данная программа, поведенческий стереотип уточняется и детализируется в сознании субъекта с учетом особенностей существующей личности и конкретных условий текущей жизни, места, времени, обстановки и прочих факторов. Исходная базовая поведенческая программа может в той или иной степени осознаваться, или вообще не осознаваться субъектом принятия решения. Степень осознанности зависит от очень многих внутренних и внешних факторов. Вне зависимости от этого человек, как правило, действует исходя из своего прежнего опыта, зафиксированного в информационном поле души. Именно таким видится принципиальная схема механизма принятия решений каждым человеком с позиций гуманистической методологии юриспруденции. С позиций криминологии (и не только) новым является то, что поведенческая детерминанта прошлого опыта индивида не ограничивается годами его текущей жизни, а рассматривается в качестве строго не определенного по времени и объему потенциала. Подтверждением факта наличия впечатлений из прошлых жизней (информационного поля души) является существование такого психического феномена как дежавю (уже виденное). Это состояние, когда человек явственно ощущает, что он уже был в этой ситуации, но связывает этот опыт не с определенным моментом жизни, а в целом с прошлым. В этом плане дежавю представляется как осознание человеком того или иного фрагмента впечатления, зафиксированного в информационном поле души, вызванное к жизни внешними условиями текущего места, времени и окружающей обстановки.

Жизнь человека, как событийный ряд, можно представить, как результат взаимодействия информационного поля души с существующей личностью, сформированной в конкретных условиях места, времени,

семьи, социума, государства, права и иных, влияющих на ее развитие факторов. Эта цепочка событий подвержена закону причинно-следственных связей. Усеченно, суть этого закона заключается в том, что каждое произошедшее событие в реальной жизни является следствием другого события, имевшего место в прошлом, и причиной для какого-либо события в будущем. Причинно-следственные взаимосвязи, закономерности их проявления широко используются в криминологии, уголовном праве, криминалистике, в других юридических и иных науках. В криминологии, например, причинно-следственные взаимосвязи используются для прогнозирования индивидуального преступного поведения, динамики преступности в целом, ее отдельных видов и т.д. Криминалистика, уголовный процесс, уголовное право и другие науки исходят из наличия таких взаимосвязей, благодаря существованию которых возможно познание события, имевшего место в прошлом. В этом плане любой событийный ряд можно представить в форме бесконечно длинной цепочки причин и следствий, где каждое предшествующее событие является причиной последующего, являющегося его следствием. Таким образом, следуя закону причинно-следственных связей, индивидуальная жизнь, ее событийно-информационное содержание является следствием совокупного прошлого опыта, основную часть которого составляют впечатления предыдущих жизней души, зафиксированных в ее информационном поле. Данный тезис открывает новые возможности для более полного изучения механизма преступного поведения и поведения человека в целом, разработке мер общей и индивидуальной профилактики, а также повышения эффективности всего спектра видов юридической деятельности.

В заключение следует отметить, что в рамках настоящей статьи обозначены лишь некоторые принципиальные идеи гуманистической методологии юриспруденции под углом зрения возможности их реализации в криминологии. Автор не претендует на бесспорность и завершенность этих суждений и рассматривает их в качестве гипотетических знаний.

УДК 343.378

О ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НЕДОСТАТКАХ В ЧАСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОНТРАБАНДУ

И.С. Яцута,

кандидат юридических наук, доцент,

Институт национальной безопасности Республики Беларусь

Законом Республики Беларусь от 5 января 2016 года № 356-з ст. 228 УК Республики Беларусь изложена в новой редакции [1, с. 34].

1. Законодатель отказался от признания контрабандой случаи незаконного перемещения предметов, изъятых из свободного гражданского оборота, сохранив уголовную ответственность за т.н. «товарную» («экономическую») контрабанду. В УК РФ уголовная ответственность за экономическую контрабанду исключена еще в декабре 2011 года, что не способствует унификации законодательства государств – участников Евразийского экономического союза.

2. Полагаем, что при установлении предмета контрабанды первой группы (ч. 1 ст. 228 УК Беларуси) следует учитывать, кто – физическое лицо, индивидуальный предприниматель либо должностное лицо юридического лица занимается контрабандной деятельностью, т.к. перечень товаров для личного пользования, запрещенных или ограниченных к ввозу на таможенную территорию Таможенного союза и (или) вывоза с этой территории [2, Прил. 2], адресован именно физическим лицам. Перечни, закрепленные решениями Коллегии Евразийской экономической комиссии [3, Прил.1], [4, Прил.1., Прил.2] адресованы участникам внешнеэкономической деятельности.

3. Закон не устранил проблему установления крупного размера отдельных предметов контрабанды ввиду отсутствия каких-либо критериев, (например, информации на печатных, аудиовизуальных и иных носителях информации, которая может причинить вред политическим или экономическим интересам государств – членов Евразийского экономического союза, их государственной безопасности, здоровью и нравственности граждан).

4. Применительно к предметам контрабанды второй группы часть 4 примечаний к ст. 228 УК Беларуси дословно воспроизводит только определение «денежных инструментов», закрепленное в соответствующем Договоре [5, ч. 1 ст. 2], игнорируя при этом имеющееся определение и «наличных денежных средств» [5, ч. 1 ст. 2], что видится нелогичным.

5. Вышеуказанный Договор [5] не предусматривает обязанность таможенного декларирования в письменной форме векселей, чеков (банковских чеков), а также ценных бумаг в документарной форме, что исключает возможность установления их крупного размера. Нарушение обязанности их письменного декларирования не может влечь ни уголовную, ни административную ответственность. Часть вторая ст. 14.5 КоАП [7] предусматривает ответственность лишь за недекларирование перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза наличных денежных средств и (или) дорожных чеков.

6. Обманное использование документов или средств идентификации ч. 3 ст. 14.5 КоАП признает недостоверным декларированием, ст. 228 УК признает их самостоятельными способами совершения контра-

банды.

7. Грамматическое толкование такого квалифицирующего признака как совершение контрабанды «лицом, ранее совершившим преступление, предусмотренные статьями 328-1 и 333-1» (ч. 3 ст. 228 УК Беларуси) позволяет сделать вывод о том, что лицо должно ранее совершить два указанных преступления. Видится целесообразным использовать разделительный союз «или».

8. Квалифицирующий признак «применение насилия к лицу, проводящему таможенный или осуществляющему пограничный контроль» закреплён и в ч. 2 ст. 333-1 УК Беларуси. Целесообразно его указать и при совершении преступления, предусмотренного ст. 328-1 УК Беларуси.

9. Освобождение от уголовной ответственности на основании ч. 5 примечаний к ст. 228 УК Беларуси возможно в случае ввоза, когда предметы фактически были перемещены через таможенную границу и имело место оконченное преступление. В противном случае имеет место добровольный отказ от преступления (ст. 15 УК). Указанное примечание необходимо распространить и на предметы контрабанды первой группы.

10. Часть первая примечаний к ст. 327 УК Беларуси не может распространять свое действие на ст. 328-1 УК Беларуси. Министерство здравоохранения Республики Беларусь не обладает полномочиями по определению порядка перемещения указанных предметов через таможенную границу Евразийского экономического союза или Государственную границу Республики Беларусь (речь идет о границе с Российской Федерацией), а ч. 1 примечаний к ст. 228 УК Беларуси раскрывает понятие незаконности перемещения применительно только к таможенной границе Евразийского экономического союза. Данный пробел в законодательстве должен быть соответствующим образом восполнен.

11. Несмотря на то, что в названии ст. 333-1 УК Беларуси упоминаются «иные виды вооружения и военной техники» и отсутствует указание на такой предмет преступления как «материалы или оборудование», которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, полагаем, что в самой диспозиции статьи речь идет не об «иных видах вооружения и военной техники», а именно о «материалах или оборудовании», которые могут быть использованы как при создании оружия массового поражения, так и при создании иных видов вооружения и военной техники. Именно о таких объектах экспортного контроля, которые заведомо могут быть использованы при разработке (создании), производстве, эксплуатации, модернизации, модификации, ремонте, монтаже, техническом обслуживании вооружения и военной

техники упоминается в ч. 1 ст. 229 УК Беларуси. Кроме того, законодатель забыл внести редакционную правку в диспозицию ч. 1 ст. 229 УК Беларуси, которая применяется при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст.ст. 129, 228 и 356 УК Беларуси. С учетом того, что незаконное перемещение вышеуказанных предметов сейчас не признается контрабандой, а влечет самостоятельную ответственность по ст. 333-1 УК Беларуси, необходимо в ч. 1 ст. 229 УК цифру «228» заменить на «333-1».

Литература:

1. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2016 г., № 356-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 26.01.2016. – 2/2354.

2. Соглашение о порядке перемещения физическими лицами товаров для личного пользования через таможенную границу Таможенного союза и совершения таможенных операций, связанных с их выпуском (закл. в г. Санкт-Петербурге, 18 июня 2010 г.) // Нац. реестр правов. актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 61. – 2/1798; Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 04.08.2015. – 3/3142.

3. О нормативных правовых актах в области нетарифного регулирования: Реш. Коллегии Евразийск. экономич. комис., 16 авг. 2012 г., № 134 // Офиц. сайт Евразийск. экономич. союза. – 20.08.2015.

4. О мерах нетарифного регулирования: Реш. Коллегии Евразийск. экономич. комис., 21 апр. 2015 г., № 30 // Офиц. сайт Евразийск. экономич. союза. – 18.11.2015.

5. Договор о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза (подписан в г. Астане, 5 июля 2010 г.) // Нац. реестр правов. актов Респ. Беларусь. – 26.05.2011. – № 59. – 2/1797.

6. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Кодекс Респ. Беларусь, 21 апр. 2003 г., № 194-3 // Нац. реестр правов. актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 63. – 2/946; Нац. правов. Интернет-портал Респ. Беларусь. – 14.01.2016. – 2/2349.

Раздел II
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ
И РЕАЛИЗАЦИИ МЕР ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ
ПРЕСТУПНОСТИ

УДК 343.13

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ОРГАНИЗАЦИИ И ОСУЩЕСТВ-
ЛЕНИЯ ВЕДОМСТВЕННОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОНТРО-
ЛЯ В СЛЕДСТВЕННОМ КОМИТЕТЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

И.Д. Носкевич,

Председатель Следственного комитета Республики Беларусь

Правовой основой начала реформирования следственных аппаратов ряда правоохранительных органов стал Указ Президента Республики Беларусь «Об образовании Следственного комитета Республики Беларусь» от 12 сентября 2011 года № 409.

В результате совершенствования системы органов предварительного расследования подавляющее большинство следователей стало сотрудниками Следственного комитета Республики Беларусь (далее – Следственный комитет) и лишь небольшое их количество сохранилось в системе Комитета государственной безопасности Республики Беларусь (далее – КГБ).

Следственный комитет как орган уголовного преследования обязан в своей деятельности руководствоваться основополагающими требованиями части первой статьи 18 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), обеспечив всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела, сбор доказательств, как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, установление обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, защиту прав и законных интересов участвующих в уголовном деле лиц [1].

Надлежащую реализацию следователями закона в данной части в ходе досудебного производства призваны обеспечивать такие участники уголовного процесса как начальник следственного подразделения и прокурор, которые в рамках предоставленных им уголовно-процессуальным законодательством полномочий осуществляют соответствующие контроль и надзор за процессуальной деятельностью следователя, а также суд – в пределах законодательно установленных компетенций.

Процессуальный контроль начальника следственного подразделения предполагается как самостоятельная форма обеспечения слаженной работы следователей по расследованию уголовных дел (производству по материалам проверок), реализации иных направлений служебной деятельности, в том числе профилактики преступлений. Поскольку такой контроль не является альтернативой прокурорскому надзору, регулируется отдельными положениями УПК (к примеру, ст. 35 УПК) и ведомственными нормативными актами, за ним на практике закрепилось название ведомственного процессуального контроля.

Сочетание различных форм контроля (ведомственного, прокурорского и судебного) гарантирует не только защиту прав участников уголовного процесса, но и успешное расследование преступлений, изобличение всех виновных лиц, возмещение причиненного преступлением вреда и пр.

Среди названных выше форм контроля следует обратить особое внимание на ведомственный процессуальный контроль, реализуемый начальником следственного подразделения. Это объясняется его непосредственной близостью к объекту контроля (действиям и решениям следователей). Содержание данного вида контроля определяется рядом факторов: спецификой следственной работы; значимыми задачами, стоящими перед органами предварительного следствия в целом; конкретными компетенциями подразделений, правами и обязанностями лиц, осуществляющих ведомственный контроль, а также полномочиями, возложенными УПК на действия следователей и их руководителей на стадии досудебного производства.

Принято считать, что руководитель следственного подразделения осуществляет две основные функции: руководство предварительным расследованием и ведомственный процессуальный контроль.

Осуществляя функцию руководства, начальник следственного подразделения направляет деятельность следователей, обеспечивает своевременность их действий по расследованию уголовных дел, принимает меры по реализации задач, стоящих перед следователями при расследовании совершенных преступлений, обеспечивая тем самым динамику расследования находящихся в производстве дел. В рамках функции руководства начальник следственного подразделения избирает тактику проведения следователем конкретного процессуального действия или расследования уголовного дела, организует и корректирует текущую деятельность следователей лично либо через иерархически подчиненные ступени или должностных лиц.

Ведомственный процессуальный контроль за осуществлением предварительного расследования направлен на недопущение, своевре-

менное выявление и устранение нарушений актов законодательства Республики Беларусь при осуществлении предварительного следствия и дознания, а также при необходимости – на оказание следователям и лицам, производящим дознание, методической и практической помощи по расследуемым уголовным делам.

В целях регламентации служебной деятельности начальников следственных подразделений Следственного комитета вопросы ведомственного процессуального контроля урегулированы Инструкцией о порядке осуществления процессуального контроля в Следственном комитете Республики Беларусь (далее – Инструкция), утвержденной приказом Председателя Следственного комитета от 27 июня 2014 года № 153.

В соответствии с Инструкцией содержание процессуального контроля включает в себя совокупность установленных уголовно-процессуальным законом и данной Инструкцией приемов, средств и методов, посредством которых начальник следственного подразделения и действующие по его поручению должностные лица изучают, наблюдают, проверяют, анализируют и оценивают соответствие деятельности следователей следственного подразделения требованиям уголовно-процессуального закона; принятых в соответствии с законом ведомственных нормативных актов и решений, и определение на этой основе оптимального воздействия в целях совершенствования процессуальной деятельности по выполнению задач уголовного процесса.

На основании указанного содержания процессуальный контроль определен как система мер, направленных на эффективное выполнение задач уголовного процесса при досудебном производстве [2].

Задачами процессуального контроля, осуществляемого в Следственном комитете, являются:

- обеспечение соблюдения требований УПК при производстве по материалам проверок по заявлениям или сообщениям о преступлениях и уголовным делам, принятия по ним обоснованных и законных процессуальных решений, соблюдения прав и законных интересов физических и юридических лиц, а также общественных и государственных интересов в ходе досудебного производства;

- повышение качества предварительного следствия, оказание методической и практической помощи в расследовании преступлений;

- выявление негативных тенденций в следственной практике и принятие своевременных мер к их устранению, внедрение в практику положительного опыта, прогрессивных форм и методов организации предварительного следствия;

– организация взаимодействия подразделений предварительного следствия с другими государственными органами и иными организациями при осуществлении досудебного производства [2].

Полагаем, что предусмотренное Инструкцией понятие процессуального контроля (в контексте ведомственного процессуального контроля) носит общий характер и требует конкретизации с учетом специфики деятельности Следственного комитета.

В этой связи заслуживает внимания мнение С.А. Табакова, который определил понятие ведомственного процессуального контроля как регламентированную уголовно-процессуальным законом деятельность руководителя следственного органа (начальника органа дознания, начальника подразделения дознания), в содержание которой могут входить проверка законности и обоснованности процессуальных решений, руководство предварительным расследованием, принятие мер по организации предварительного следствия (дознания), а также применение полномочий, направленных на устранение выявленных нарушений закона [3, с. 14].

Однако, на наш взгляд, и это определение требует конкретизации и уточнения, поскольку ведомственный процессуальный контроль регламентирован не только уголовно-процессуальным законом. Целесообразно включить в содержание понятия ведомственного процессуального контроля в качестве регулятора и ведомственные нормативные акты, поскольку деятельность следователей Следственного комитета и КГБ в большой степени обусловлена ведомственной принадлежностью.

С точки зрения национального законодательства Республики Беларусь, процессуальный контроль как самостоятельный уголовно-процессуальный институт УПК не предусмотрен. В то же время процессуальное руководство начальника следственного подразделения обусловлено как процессуальными компетенциями и полномочиями, так и его статусом должностного лица в системе Следственного комитета. Более того, к таким должностным лицам кроме начальников подразделений относятся и сотрудники, осуществляющие процессуальный контроль в соответствии с Инструкцией.

С учетом организационно-штатных мероприятий и создания управления анализа практики предварительного следствия и методического обеспечения предварительного расследования центрального аппарата Следственного комитета (и соответствующих подразделений областного уровня) назрела необходимость закрепления в Инструкции правового положения сотрудников указанных подразделений, осуществляющих аналитическую и методическую деятельность, и их компетенций. Это послужит нормативной основой для надлежащего осуществления слу-

жебной деятельности сотрудников Следственного комитета указанной категории, которые активно применяют ряд инструментов ведомственного процессуального контроля, предусмотренных пунктом 19 Инструкции.

К примеру, при осуществлении своих должностных полномочий они требуют от соответствующих начальников следственных подразделений представления материалов проверок, уголовных дел, информации о ходе и результатах производства по ним; изучают материалы проверок, уголовные дела; участвуют в проведении проверок соблюдения требований законодательства при рассмотрении заявлений или сообщений о преступлениях, производстве предварительного следствия; участвуют в оперативных совещаниях (совещаниях) при начальниках следственных подразделений; по результатам изучения материалов проверки, уголовных дел подготавливают письменный доклад непосредственному начальнику о полноте и объективности исследования их обстоятельств, обоснованности и законности, принятых по ним решений; при необходимости оказывают организационную, практическую и методическую помощь в проведении проверок по заявлениям или сообщениям о преступлении, расследовании уголовных дел.

Необходимо отметить, что Следственный комитет посредством ведомственного процессуального контроля в соответствии с законодательством реализовывает свои функции и компетенции (в том числе управленческие и процессуальные). В настоящее время Следственным комитетом на плановой основе осуществляется корректировка ведомственных нормативных актов, в том числе Инструкции, что позволит упорядочить организацию и осуществление ведомственного процессуального контроля.

В то же время полагаем перспективным совершенствование уголовно-процессуального законодательства по вопросам процессуального контроля, что позволит более четко регламентировать отношения начальника следственного подразделения и следователя на стадии досудебного производства, а также конкретизировать полномочия руководителя следственного органа.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Кодекс Респ. Беларусь, 16 июля 1999 г. № 295-3: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 05 янв. 2016 г.: с изм. и доп., вступившими в силу с 4 апр. 2016 г. //ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Об утверждении Инструкции о порядке осуществления процессуального контроля в Следственном комитете Республики Беларусь [Электронный ресурс]: приказ След. Комитета Респ. Беларусь, 27 июня 2014 г., № 135 // ЭТАЛОН. Другие банки данных / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Табаков, С.А. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / С. А. Табаков; Министерство внутренних дел Российской Федерации. Омская академия. – Омск, 2009. – 26 с.

УДК 343.98

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ «СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА» И «СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

А.И. Швед,

кандидат юридических наук, доцент,

*Председатель Государственного комитета судебных экспертиз
Республики Беларусь*

Определение судебно-экспертной деятельности и ее задач на современном этапе представляет важную проблему, которая имеет не только теоретическое, но и практическое значение. В теоретическом аспекте судебно-экспертная деятельность рассматривается как объект особой области научных знаний – теории судебной экспертизы. Отсутствие определения объекта существенно сдерживает развитие методологии, в том числе изучение закономерностей, определяющих предмет теории.

В практическом значении судебно-экспертная деятельность рассматривается как объект правового регулирования, который в Республике Беларусь к тому же выделен как самостоятельный объект единой государственной политики. Формирование особой системы государственных органов в лице Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь предполагает и соответствующий объект государственного регулирования, который нуждается в конкретизации. Тенденция широкого применения в нормативных правовых актах терминов «судебная экспертиза» и «судебно-экспертная деятельность» для обозначения особой группы общественных отношений проявляется на всем постсоветском пространстве. В частности в Республике Казахстан, Российской Федерации, Украине приняты соответствующие законы, определяющие унифицированные подходы правового регулирования в данной сфере. В рамках Евразийского экономического сообщества разработан типовой проект Закона «О судебно-экспертной деятельности» [1].

В Республике Беларусь в данном направлении работа еще не завершена. Государственным комитетом судебных экспертиз Республики Беларусь в настоящее время готовится проект концепции Закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности», в которой эти понятия должны найти свое отражение [2].

И в научной литературе и в обыденном представлении многих практикующих юристов судебно-экспертная деятельность отождествляется с проведением экспертиз в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным, гражданско-процессуальным, хозяйственно-процессуальным и административно-процессуальным законодательством. Следует при этом отметить, что процессуальное законодательство не использует термин «судебная экспертиза». Законодатель предусмотрел экспертизу как одно из средств доказывания (источника доказательств). Помимо процессуального законодательства ряд иных нормативных правовых актов использует такой же термин, который имеет иное значение.

Помимо исторически сложившейся традиции именования экспертизы судебной имеется теоретическое обоснование, которое возникло в процессе формирования теории судебной экспертизы. Важным этапом развития данной теории стала концепция судебной экспертологии, предложенная А.И. Винбергом и Н.Т. Малаховской [3, 4, 5]. В обоснование идеи судебной экспертологии приводились в том числе доводы о необходимости формирования отдельных областей научных знаний, аналогичных судебной медицине – судебная химия, судебная биология и т.д. Данная идея так и не реализована. Вместе с тем это закрепило традицию на уровне терминологии современной теории судебной экспертизы.

В настоящее время термин «судебная экспертиза» является базовым в теории и собирательным в отношении экспертиз, проводимых в рамках всех существующих видов судопроизводства. В различных справочных, научных и учебных изданиях по тематике судебной экспертизы еще можно встретить названия видов экспертиз без указания «судебная», вместе с тем это является, скорее, исключением, для которого в справочной и учебной литературе остается все меньше места. Данный термин унифицируется в законодательстве Республики Беларусь. Унификация реализована в нормативных правовых актах Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь в части перечней видов экспертиз, а также в нормативных актах Министерства образования Республики Беларусь в части перечней специальностей и квалификаций высшего образования и переподготовки. Вместе с тем, определения термина «судебная экспертиза» законодательство Респуб-

лики Беларусь не содержит. В то же время для экспертиз процессуальное законодательство (все действующие процессуальные кодексы) предусматривает общие цели и задачи [6]. Е.Р. Россинская правильно отмечает, что «основания и порядок назначения судебной экспертизы, права и ответственность эксперта, условия назначения повторных и дополнительных экспертиз во всех кодексах достаточно близки» [7, с.6]. Некоторые особенности процессуального регулирования в различных видах судопроизводства обнаруживаются в порядке назначения экспертиз, проверки, оценки и использования результатов судебной экспертизы. Причем для ряда особенностей, предусмотренных различными процессуальными кодексами, нет объективных оснований. Например, так называемая экспертная инициатива – исследование по вопросам, которые перед экспертом не ставились – в соответствии со ст. 236 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь является правом эксперта, а согласно ст. 226 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь – его обязанностью [8, 9]. Таким образом, отдельные особенности процессуальной регламентации порядка проведения экспертиз обусловлены скорее несовершенством процессуального регулирования и отсутствием единых взвешенных подходов, чем видовыми особенностями судопроизводства. Следует также отметить, что к порядку проведения экспертиз, применению методик экспертного исследования, оформлению его результатов правовыми актами Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь предъявляются единые требования. Это указывает на актуальность законодательного закрепления понятия «судебная экспертиза» и дальнейшей унификации подходов к процессуальному регулированию данного правового института.

Производным от собирательного термина «судебная экспертиза» является термин «судебно-экспертная деятельность», который также активно применяется в нормативных правовых актах. Данный термин является наиболее проблемным в плане определения, так как в теории судебной экспертизы он не раскрыт. Очевидно, что его содержание шире содержания термина «судебная экспертиза». Определение судебно-экспертной деятельности нормативно закреплено абзацем четвертым пункта 422-4 Положения о лицензировании отдельных видов деятельности, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г. № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности». К такой деятельности относится «возмездное оказание услуг судам (судьям), органам дознания, следователям, прокурорам, иным участникам уголовного, гражданского, хозяйственного, административного процесса в установлении фактических обстоятельств дела, подлежащих

доказыванию по делам, рассматриваемым в суде, делам об административных правонарушениях, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и иных сферах деятельности» [10]. Необходимо отметить, что это определение дано исключительно в пределах регулирования отдельных видов предпринимательской деятельности, поэтому и судебно-экспертная деятельность рассматривается только как специфическая деятельность субъектов хозяйствования. При этом в сферу правового регулирования, а значит и определяемого термина, исходя из предмета правового регулирования Указа, не входит: деятельность государственных судебно-экспертных учреждений, системы государственных органов, реализующих единую государственную политику в данной сфере (Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь), деятельность научно-исследовательских и образовательных учреждений, экспертов, вовлекаемых в сферу судопроизводства на основе разовых поручений (постановлений, определений о назначении экспертизы, вынесенных в порядке проведения экспертиз вне экспертного учреждения). Безусловно, такие недостатки в правовом регулировании существенно снижают определенность в выборе средств и методов реализации государственной политики в рассматриваемой сфере.

Представляется целесообразным при разработке концепции Закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» уточнить данное понятие, раскрыв различные уровни судебно-экспертной деятельности. В частности, судебно-экспертная деятельность должна включать деятельность судебных экспертов, судебно-экспертных учреждений, государственных органов. Кроме того современные тенденции правового регулирования деятельности государственных судебно-экспертных учреждений указывают на необходимость учета, помимо проведения судебных экспертиз, таких форм деятельности, как производство экспертиз и исследований вне процессуального порядка, ведение экспертно-криминалистических учетов и коллекций. Указанные обстоятельства требуют дополнительного анализа в ходе разработки проекта Закона.

Литература:

1. О типовом проекте законодательного акта «О судебно-экспертной деятельности» [Электронный ресурс]: Постановление Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества, 11 апреля 2013 г. № 15-6 // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр» – Минск, 2016.
2. Клиничук, А.В. Концептуальные основы регулирования судебно-экспертной деятельности / А.В. Клиничук, Л.О. Занимон // Судебная экс-

пертиза Беларуси. – 2016. - № 1 (2). – с. 12-14.

3. Винберг, А.И. Судебная экспертология – новая отрасль науки /А. И. Винберг, Н.Т. Малаховская // Социалистическая законность. – 1973. – №11. – с. 49-51.

4. Винберг, А.И. О закономерности научных основ судебных экспертиз /А. И. Винберг, Н.Т. Малаховская // Социалистическая законность. – 1976. – № 1. – с. 62-64.

5. Винберг, А. И. Судебная экспертология (общетеоретические и методические проблемы судебных экспертиз)/ А. И. Винберг, Н.Т. Малаховская. – Волгоград, 1979. – 183 с.

6. Рубис, А.С. Стратегические цели и направления формирования системы судебно-экспертной деятельности в Республике Беларусь / А.С. Рубис // Законность и правопорядок. – 2009. – № 2. – С. 63-67.

7. Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е.Р. Россинская [и др.]. – М.: Проспект, 2016 – 464 с.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 16 июля 1999 г., № 295-З, принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.; одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр» – Минск, 2016.

9. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 11 января 1999 г., № 238-З, принят Палатой представителей 10 декабря 1999 г.; одобрен Советом Респ. 18 декабря 1999 г. // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр» – Минск, 2016.

10. Положение о лицензировании отдельных видов деятельности [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 1 сентября 2010 г., № 450 // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр» – Минск, 2016.

УДК 343.988

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПРИЧИНЕННОГО ПОТЕРПЕВШЕМУ ВРЕДА ЗА СЧЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА

О.В. Витрук,

*Львовский национальный университет имени И.Франка
(Украина)*

Одним из способов устранения негативных имущественных последствий уголовного преступления является возмещение причиненного потерпевшему вреда за счет государственного бюджета Украины. Этот способ предусмотрен ч. 3 ст. 127 Уголовного процессуального кодекса

Украины (далее – УПК Украины). Его применение предусмотрено только в отношении потерпевших физических лиц, в отношении возмещения только имущественного вреда, причиненного их имуществу вследствие уголовного преступления, если не установлено лицо, совершившее уголовное преступление, или если оно является неплатежеспособным (ст. 1177 Гражданского кодекса Украины). Другие условия, а также порядок компенсации пострадавшему таким образом вреда, чего требует предписание ч. 2 ст. 1177 Гражданского кодекса Украины, пока законом не урегулирован, поэтому он не применяется [1, с. 321].

Во многих развитых странах мира существуют государственные фонды компенсации вреда жертвам преступлений. Так, в Германии на компенсацию имеют право потерпевшие от насильственных преступлений; лица, которые находятся в имущественной зависимости от жертв убийств; иностранцы в случае, если преступление, было совершено после 30 июня 1990 года, и пострадавший находился в Германии еще в течение не менее трех лет. Компенсация включает расходы на медицинские услуги и пенсионное обеспечение в случае потери жертвой трудоспособности не менее чем на 25 процентов на срок свыше шести месяцев, а также компенсацию лицам, находившимся в имущественной зависимости от жертв убийств [2].

Фонд помощи жертвам преступлений существует также в Польше. Но это общественная организация, которая оказывает помощь социально незащищенным лицам, пострадавшим от преступления. Рассматриваются заявления как физических, так и юридических лиц, что позволяет сотрудникам Фонда учесть все пожелания и реальные потребности пострадавших. Фонд создан в 1985 году. Его основателем выступило издательство юридической литературы. Он начал свою деятельность в 1986 году в сотрудничестве с Государственным управлением страхования, заинтересованным в проведении профилактической работы. В то время фонд располагал суммой всего в 500 тыс. злотых и постепенно пополнялся средствами, которые поступали по решению судов в качестве возмещения вреда и благотворительных взносов. Сейчас фонд оказывает помощь не только полякам, но и иностранцам, которые пострадали на территории Польши от имущественных преступлений и преступлений против личности. В этом случае обязательно должно быть установлено тяжелое финансовое положение потерпевшего.

К формам оказания помощи относятся – возмещение финансовых убытков путем их компенсации; выделение средств на приобретение необходимой одежды; оформление сберегательной книжки детям-сиротам, на которую переводятся специальные вклады, которые будут им выданы в будущем для приобретения жилья; возмещение расходов

на лечение за рубежом. Для получения помощи пострадавший должен представить в фонд документ о факте совершения преступления в виде постановления прокурора или выписки из решения суда; справку о финансовом состоянии пострадавшего от преступления, например, о размере заработной платы или пенсии, которую он получает. Заявление составляется на специальном бланке, который потерпевший может получить в суде, прокуратуре или в фонде. Документы не обязательно приносить лично, их также разрешается направлять по почте. Рассматриваются заявления, как физических, так и юридических лиц, что позволяет сотрудникам фонда учесть все пожелания пострадавших. Узнав о резонансном преступлении, фонд самостоятельно начинает заниматься вопросами, связанными с возмещением вреда пострадавшему в результате этого преступления.

Следует обратить внимание и на опыт США, где создана надлежащая система помощи потерпевшим от преступлений. Конгрессом США были приняты федеральные законы «О защите потерпевших и свидетелей» (1982), «О потерпевших от преступлений» (1984), в которых регламентируются основы деятельности Фонда помощи пострадавшим от преступлений и взаимоотношения данного фонда с другими субъектами процесса возмещения вреда. Целью создания Федерального Фонда Штатов является не только выдача пострадавшим компенсационных сумм, а также предоставление им помощи на основании эффективного их обслуживания. Эта задача возложена на специальные службы помощи. Закон «О потерпевших от преступлений» 1984 года предписывает, чтобы каждый Штат отдавал приоритет по оказанию помощи определенным группам пострадавших. Первая группа – это пострадавшие от изнасилований и других преступлений в этой сфере; вторая – пострадавшие от бытовых преступлений; третья – пострадавшие – дети, в отношении которых совершены насильственные преступления. Данный закон предоставляет каждому Штату право выбора одного из трех направлений в осуществлении распределения денежных средств на компенсационные выплаты потерпевшим, поступающих в установленном порядке с общегосударственного фонда.

Интересным при изучении этой проблемы является опыт Франции. В соответствии с Законом, который был принят во Франции 8 июля 1983, была усилена защита прав потерпевших от преступлений лиц. Виктимологи поставили много актуальных вопросов, которые касались более быстрого и полного возмещения потерпевшим причиненного материального и морального вреда. Созданная в феврале 1982 Специальная комиссия под руководством профессора Мальеза выработала соответствующие предложения, на основании которых был принят этот за-

кон, значительно улучшивший статус пострадавших. В результате упрощалась процедура обращения в суд с соответствующими исками; возмещение убытков на сумму до 20 000 франков оформлялось простым письменным заявлением адвоката и подлежало возмещению в стадии досудебного расследования; предусматривались меры по сохранению имущества потерпевшего; вопрос о возмещении вреда потерпевшему с тех пор начал решаться судом в ускоренном порядке и постановление о немедленной компенсации принималось независимо от того, в какой степени преступник будет виноватым. Даже если его вину сразу не будет доказана судом или если по делу не будут обнаружены истинные виновники, потерпевший имеет право на возмещение из специального государственного фонда [3, с. 185].

Наработанный зарубежный опыт необходимо использовать и в Украине, но с учетом специфики украинского законодательства. Многие юристы справедливо считают, что в уголовном законе должна быть предусмотрена обязанность государства срочно возмещать как имущественный, так и моральный ущерб пострадавшим от уголовного преступления после вступления в законную силу приговора суда. Главной проблемой государственной компенсации вреда является финансирование таких выплат. Для решения этой проблемы, во-первых, необходимо на первом этапе ограничить круг лиц, которые будут иметь право на компенсацию вреда. Во-вторых, речь должна идти только о частичной, а не полной компенсации государством вреда, так как полное возмещение пока невозможно в силу экономических процессов и военного противостояния, происходящих в Украине.

Литература:

1. Уголовный процессуальный кодекс Украины. Научно-практический комментарий / В.Г. Гончаренко [и др.]; под общей ред. В.Г. Гончаренко, [и др.]. – К.: Юстиниан, 2012. – 1224 с.
2. Абрамович, Р. Відшкодування шкоди потерпілим: теоретичні та практичні проблеми [Электронный ресурс] / Р. Абрамович // Абрамович Руслана. – Режим доступа: <http://vu.ua/ru/article/materials/Analytic/285.html> – Дата доступа: 02.07.2015
3. Боботов, С.В. Правосудие во Франции / С. В. Боботов. – М.: ЕАВ. – 1994. – 194 с.

**КОНКУРЕНЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ В
ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА**

*О.В. Гладышева,
доктор юридических наук, профессор
Кубанский государственный университет
(Российская Федерация)*

Процессуальные решения занимают важное место в уголовно-процессуальной деятельности должностных лиц и государственных органов. Законодатель весьма подробно определяет правила процессуального поведения должностных лиц и государственных органов при принятии ими того или иного решения. Так, имеется законодательное определение процессуального решения – решение, принимаемое судом, прокурором, следователем, дознавателем в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее – УПК РФ) (п. 33 ст. 5). В этой же статье содержатся определения промежуточных и итоговых судебных решений. Итоговые судебные решения – это приговор, иное решение суда, вынесенное в ходе судебного разбирательства, которым уголовное дело разрешается по существу (п. 53.2 ст. 5 УПК РФ), а промежуточные процессуальные решения – все определения и постановления суда, за исключением итогового судебного решения (п. 53.3 ст. 5 УПК РФ).

Принцип законности (ст. 7 УПК РФ) определяет основные требования к процессуальным решениям – законность, обоснованность и мотивированность. Устанавливается перечень процессуальных решений, принятие которых возможно в определенной стадии уголовного судопроизводства (например, ст. 145 УПК РФ). Законодательно определяются сроки принятия некоторых решений, например, ч. 1 ст. 42 УПК РФ – признание потерпевшим по уголовному делу. Регламентируется содержание отдельных процессуальных решений (приговор – ст. 297 УПК РФ) и многое другое.

Большое внимание законодатель уделяет определению круга субъектов, уполномоченных принимать те или иные процессуальные решения. В частности, руководитель следственного органа уполномочен отменять незаконные и необоснованные процессуальные решения следователя, принимать самостоятельные решения в случаях, когда проводит предварительное расследование по уголовному делу. Прокурор вправе отменять незаконные и необоснованные процессуальные решения дознавателя, руководителя органа дознания, начальника подразделения

дознания, самостоятельно принимать отдельные процессуальные решения. Судья в соответствии с его компетенцией (ч. 2 ст. 29 УПК РФ) уполномочен принимать в досудебном производстве решения, ограничивающие конституционные права и свободы граждан.

Внимание законодателя к вопросам принятия процессуальных решений вполне понятно и объективно обусловлено тем значением, которое они имеют для достижения уголовным судопроизводством своего назначения, декларируемого в ст. 6 УПК РФ. Именно процессуальные решения определяют итог всего производства по уголовному делу либо отдельного его этапа, удовлетворенность или неудовлетворенность общества в целом и отдельных его граждан результатами работы уголовной юстиции

Несмотря на существующую солидную нормативно-правовую базу процессуальные решения в уголовном судопроизводстве сопровождаются множеством проблем. Приведем следующую ситуацию. Следователь прекратил производство по уголовному делу по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием состава преступления. Заинтересованное лицо обратилось в суд с жалобой на постановление следователя, настаивая на прекращении уголовного дела в связи с отсутствием события преступления. Суд признал постановление следователя законным и отказал в удовлетворении жалобы.

В данном случае судебное решение следует рассматривать как юридический факт, свидетельствующий о:

- а) законности процессуального решения следователя;
- б) правомерности прекращения производства по уголовному делу.

Однако через некоторое время *руководитель следственного органа отменяет постановление следователя, признав его незаконным.*

Соответственно руководитель следственного органа своим решением:

- а) признал незаконным решение следователя, а решение судьи поставлено под сомнение;
- б) вопреки мнению судьи производство по уголовному делу должно;
- в) исполнимость судебного решения находится под вопросом.

При этом каждый из субъектов уголовно-процессуальных правоотношений действует строго в рамках установленной законом процессуальной компетенции.

Полагаем, что здесь имеет место *процессуальная конкуренция между решениями уполномоченных субъектов.* Причина, на наш взгляд, заключается в недостаточно четком нормативном определении объема процессуальной компетенции должностных лиц в досудебном произ-

водстве по уголовному делу. Кроме того, необходимо, чтобы процессуальные решения воспринимались не как некая свободная совокупность, а как *система, со своей структурой и иерархической зависимостью* элементов (процессуальных решений).

Негативное значение играет отсутствие нормативно установленного правила о вступлении в законную силу процессуального решения, принятого в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, за исключением решений, принятых судом в порядке ст. 29 УПК РФ (ст. 127 УПК РФ). Законная сила процессуального решения следователя, дознавателя, руководителя следственного органа, и других должностных лиц органов предварительного расследования, прокурора в досудебном производстве, как представляется, могла бы решить многие процессуальные проблемы, в том числе и оптимизировать процесс их обжалования, исключая дублирование при подаче жалоб, их неоднократность (когда обжалование осуществляется по одним и тем же основаниям) и др.

Определенным позитивным фактором в разрешении возникающих конкурентных проблем между отдельными процессуальными решениями может выступить нормативное определение механизма взаимодействия судьи и органов предварительного расследования по вопросам принятия процессуальных решений. Этот механизм в общих чертах может выглядеть следующим образом.

Копия процессуального решения судьи по разрешению жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ подлежит направлению следователю либо дознавателю, а также иному должностному лицу, чье процессуальное решение обжаловалось в суд. Предлагаем дополнить ст. 125 УПК РФ новой частью 6 следующего содержания: «6. Копия решения судьи об удовлетворении либо об отказе в удовлетворении жалобы направляется соответствующим следователю, дознавателю, руководителю следственного органа, прокурору.». Последующие части 6 и 7 считать соответственно 7 и 8.

Не вполне используется и потенциал преюдиции при разрешении конкуренции между процессуальными решениями. Преюдиция – установление факта, отсутствие потребности в его повторном доказывании. Полагаем, что признание преюдициальными фактов, установленных судом в порядке ст. 125 УПК РФ также поможет снять остроту конфликта между процессуальными решениями суда и органов предварительного расследования в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Для этой цели необходимо корректировка ст. 90 УПК РФ.

Отметим, что высказанные предложения – лишь обозначение возможных путей решения выявленной проблемы, которая прослеживается и в иных процессуальных ситуациях, когда руководитель следственного

органа вправе отменять любые незаконные и (или) необоснованные постановления следователя. Прокурор вправе отменять постановления следователя о возбуждении уголовного дела. Вполне возможна ситуация, при которой прокурор оставил постановление следователя без изменений, а руководитель следственного органа посчитал его незаконным и (или) необоснованным и отменил.

Получается, что два должностных лица действуя строго в пределах процессуальной компетенции имеют два противоположных мнения относительно законности и (или) обоснованности одного процессуального решения. В такой ситуации закономерным является вопрос: кто из них прав?

Выяснение ответа на этот вопрос процессуальными средствами способно сильно затянуть производство по уголовному делу. При этом речь идет об установлении приоритетности процессуальных решений отдельных должностных лиц.

Подводя итог, отметим главное.

Наличие в уголовном судопроизводстве конкуренции между процессуальными решениями уполномоченных субъектов способно причинить существенный вред охраняемым публичным и частным интересам, снизить эффективность уголовного судопроизводства, создать непреодолимые трудности в достижении назначения уголовного судопроизводства.

Для устранения выявленной проблемы возможны различные пути:

1) корректировка процессуальной компетенции должностных лиц и государственных органов в досудебных стадиях уголовного судопроизводства;

2) разработка и внедрение процессуального механизма вступления в законную силу процессуальных решений органов предварительного расследования;

3) признание преюдициальными фактов, установленных судом в решениях, постановленных в порядке ст. 125 УПК РФ;

4) установление механизма взаимодействия между органами предварительного расследования и суда в досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ФАКТУ БЕЗВЕСТНОГО ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ЛИЦА

*П.В. Грідюшко,
кандидат юридических наук, доцент
Академия МВД Республики Беларусь*

Безвестное исчезновение лица, как основание для возбуждения уголовного дела, в результате расследования которого исследуются факты, повлекшие это исчезновение, является еще одним наглядным примером того, что в Республике Беларусь уделяется самое пристальное внимание обеспечению реальной защиты прав и свобод граждан, гарантированных Конституцией.

Необходимость возбуждения уголовных дел по таким фактам была закреплена в законодательстве в 1999 году и это значительно расширило арсенал средств правоохранительных органов, задействованных для установления судьбы без вести пропавших лиц. Закрепление рассматриваемого положения в законе было вызвано тем, что многие из пропавших без вести граждан нередко оказывались жертвами преступлений. А уголовные дела в таких случаях возбуждались, как правило, лишь в связи с обнаружением их трупов или останков спустя значительное время после их исчезновения, что отрицательно сказывалось на раскрытии преступлений.

Рассматривая новейшую историю затронутой проблемы, отметим, что с 1 января 2001 года – даты введения в действие Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) – среди множества новшеств появилось еще одно: ч.2 ст.167 УПК («Основания к возбуждению уголовного дела») предусмотрела в качестве второго основания «исчезновение лица». Указанная формулировка сама по себе ставила значительное количество вопросов относительно возбуждения уголовных дел по данному основанию. На помощь в толковании этой нормы приходила ч.3 ст. 174, в которой имелись определенные пояснения: «По заявлению об исчезновении лица возбуждение уголовного дела обязательно, если в течение десяти суток с момента подачи заявления проведенными в этот срок оперативно-розыскными мероприятиями установить местонахождение лица не представилось возможным и если имеются данные о том, что это лицо могло стать жертвой преступления» (подчеркнуто нами).

Такая формулировка, как верно указывалось и в отдельных литературных источниках того времени, приводила к тому, что далеко не каждое исчезновение лица влекло немедленное возбуждение уголовного

дела. Для этого следовало установить такие фактические данные, которые указывали бы на признаки, дающие основание сделать вывод о том, что без вести пропавшее лицо стало жертвой преступления. К таким признакам можно было отнести: малолетний или престарелый возраст пропавшего без вести; наличие у пропавшего денежных средств или других ценностей, которые могли привлечь внимание преступников; отсутствие данных о намерении уехать или скрыться от своих близких; поспешное решение членами семьи пропавшего и (или) другими лицами различных вопросов, которые можно решать только при уверенности, что пропавший не возвратится (обращение в свою пользу сбережений, переоформление собственности, имущества пропавшего, вступление в сожителство с другим лицом); отсутствие заболевания, которое может вызвать скоростипичную смерть и т.д.

Как можно догадаться, данное положение препятствовало широкому применению данного института на практике. Сотрудники правоохранительных органов не утруждали себя заботой возбуждать уголовные дела и, как правило, отказывали в возбуждении уголовного дела в связи с «неустановлением данных, указывающих на то, что лицо могло стать жертвой преступления». При этом практические работники, проводя проверки по таким заявлениям, выходили на такие категории, как «утеря связи с родственниками», либо на основании непроверенной информации предполагали, что лицо могло выехать на заработки в страны зарубежья и т.д. Как видно, отказ в возбуждении уголовного дела был в таких случаях абсолютно правомерен.

Поэтому за два первых года после введения рассматриваемой нормы, в Республике Беларусь было возбуждено лишь 136 (2001 – 74, 2002 – 62) таких уголовных дел. Резкий скачок вверх (886 возбужденных уголовных дел) произошел в 2003 году, когда имеющееся несовершенство в УПК было законодателем исправлено. Так, Законом Республики Беларусь от 04.01.2003 г. № 173-З, ч. 3 ст. 174 УПК была исключена, а пункт 2 ст. 167 УПК изложен в новой редакции. В результате в настоящее время основанием к возбуждению уголовного дела является исчезновение лица, если в течение десяти суток с момента подачи заявления оперативно-розыскными мероприятиями, проведенными в этот срок, установить местонахождение лица не представляется возможным.

Однако, как показала практика, проблемы с законным возбуждением уголовных дел по таким фактам все еще оставались. По-прежнему существовала проблема того, что определенная часть фактов исчезновения людей оставалась вне поля зрения органов внутренних дел (далее – ОВД). Ее суть заключалась в том, что граждане, преследуя, как правило, имущественные цели, обращаясь в суды с заявлениями о признании

своих родственников безвестно отсутствующими либо объявлении умершими, а органы внутренних дел зачастую об этом не информировали. Суды, в свою очередь, не всегда запрашивали соответствующую информацию об этих лицах в ОВД. Также, определенная часть исчезнувших лиц просто не отождествлялись с без вести пропавшими, а по результатам проверок причислялась к так называемой категории «утративших (потерявших) связь с родственниками».

Однако, принимая во внимание, что и законодатель, и правоприменитель к категории без вести пропавших относит всех лиц, в отношении которых поступила информация об их исчезновении, независимо от обстоятельств и причин, повлекших их исчезновение, на рубеже 2006/2007 годов была проведена значительная работа по проведению сверок о вынесении судами решений о признании лиц безвестно отсутствующими или умершими, изучению материалов об отказе в возбуждении уголовных дел по таким основаниям, как утрата связи с родственниками.

В результате, в 2007 году более чем в два раза по сравнению с 2006 годом увеличилось количество уголовных дел, возбужденных по фактам безвестного исчезновения граждан (соответственно 2 348 против 1 155).

В последние годы ситуация с возбуждением уголовных дел по фактам безвестного исчезновения лица в Республике Беларусь стабилизировалась. Но даже увеличение числа обращений граждан с заявлениями об исчезновении следует рассматривать как объективное явление, указывающее в определенной степени на увеличение рейтинга социального доверия населения правоохранительным органам Республики Беларусь. Граждане, понимая, что правоохранительные органы, безусловно, не оставят без внимания их обращение, стали чаще прибегать к их помощи в поисках близких и родных в случаях, связанных с оставлением последними постоянного места жительства. И в ходе проведения проверок, по подавляющему большинству заявлений выносится решение об отказе в возбуждении уголовного дела, но не по надуманным основаниям, а как правило, – в связи с установлением местонахождения безвестно отсутствующего лица.

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ СУДЕБНОЙ РЕЧИ

*А.А. Данилевич,
кандидат юридических наук, профессор,
Белорусский государственный университет*

Судебная речь прокурора или защитника, представляя собой самостоятельный творческий акт, подчиняется, тем не менее, определенным общим закономерностям. Эти закономерности не являются результатом искусственных надуманных теоретических конструкций. Они являются неперенными условиями реализации прокурором или защитником своих функций в судебном выступлении, условием повышения социально-правовой функциональности судебной речи. Определенная часть таких закономерностей (общих требований) имеет под собой нормативную основу, вытекающую из ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК). Другая их часть – это результат юридической практики.

Можно назвать большое количество требований, предъявляемых к судебной речи прокурора или защитника, к ее содержанию, форме, технике и т.п. Однако особую роль играют основные закономерности (общие требования), без которых судебный оратор не может достигнуть поставленных перед ним целей. Эти закономерности имеют принципиальное значение, они как бы пронизывают все судебное выступление, являются для него отправным, исходным началом. Именно поэтому, такие общие требования целесообразно именовать принципами судебной речи.

Принципы судебной речи – это основополагающие требования, предъявляемые к ее содержанию и форме. Эти принципы характеризуют содержание судебной речи, в значительной степени определяя ее информативность. Они в некоторой степени характеризуют также форму судебного выступления, определяя такие ее атрибуты, как язык, стиль, ясность, точность.

В качестве общих признаков судебной речи можно выделить – объективность, состязательность, конкретность, непримиримость к преступному деянию.

Принцип объективности судебной речи выражает, прежде всего, требование строго соответствия объективной действительности всех фактов, суждений и выводов, приводимых в речи судебного оратора, а также в законности и справедливости всех его утверждений. Распространяясь в полной мере, как на речь прокурора, так и на защитительную речь, принцип объективности имеет большое нравственное содер-

жание. Судебный оратор строит свою речь с тем или иным уклоном, в зависимости от процессуальной функции. Вместе с тем, выполняя функцию обвинения или защиты, прокурор и адвокат обязаны основывать выводы, соответствующие определенной функции, только на фактах объективной действительности.

Принцип состязательности, будучи общим принципом уголовного процесса, находит свое отражение и в судебной речи. Основой состязательности в судебных прениях является разделение между прокурором и адвокатом функций обвинения и защиты, согласно которой прокурор, если данные судебного следствия приводят его к выводу о виновности обвиняемого, обязан обвинять, а защитник – защищать. Судебные прения предполагают полемичность и борьбу мнений обвинителя и защитника. Вместе с тем, принцип состязательности судебной речи не только не исключает, но и предполагает уважение к «процессуальному противнику», к его позиции.

Принцип конкретности судебной речи вытекает из следующих положений:

- одним из важнейших гносеологических положений теории доказывания в уголовном судопроизводстве является положение о конкретности каждой истины. Судебное доказывание в силу этого положения, представляет собой процесс познания, конкретного общественно-опасного деяния, совершенного конкретным лицом в конкретном месте, признаваемого конкретной уголовно-правовой нормой преступным. Следовательно, любые суждения, понятия, если они берутся абстрактно, вне учета конкретных обстоятельств, исторических связей и отношений, без учета условий, места и времени, становятся бессодержательными. Каждое общее положение должно выводиться судебным оратором из анализа конкретных (частных) доказательств. В свою очередь, это выводимое общее положение должно быть конкретным и т.д.;

- в законе (ст. 345 УПК Республики Беларусь) установлен конкретный предмет судебной речи: доказательства, бывшие предметом рассмотрения на судебном следствии, и обстоятельства, имеющие отношение к рассматриваемому делу. Это также делает судебную речь конкретной: судебный оратор не может выходить за рамки предмета речи, установленного законом;

- анализируя форму и содержание судебной речи, можно выделить целый ряд требований, которые хотя и не являются принципами судебной речи, но относятся к важнейшим ее характеристикам: честность, точность, полнота, аргументированность, логичность, убедительность, доказательность, выразительность и др. Нельзя не увидеть, что каждое

из перечисленных требований делает судебную речь конкретной, исключает голые, неаргументированные абстракции.

УДК 343.114

К ВОПРОСУ ОБ АПЕЛЛЯЦИОННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

И.В. Данько,

*кандидат юридических наук, доцент,
Академия МВД Республики Беларусь*

Законом Республики Беларусь от 5 января 2016 года в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) внесены изменения, в силу которых кассационное производство по уголовным делам заменено апелляционным. Необходимость подобного преобразования назрела уже достаточно давно и была официально закреплена еще в Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, одобренной Указом Президента Республики Беларусь № 205 от 10.04.2002 года. Однако работа над соответствующим законопроектом потребовала серьезной подготовки и экономических расчетов. При этом понимание целесообразности пересмотра существующей формы исправления судебных ошибок со временем только укреплялось. Так, в феврале 2015 года в интервью газете «Советская Белоруссия» Председатель Верховного Суда Республики Беларусь В.Сукало отметил: «Мы остались единственной страной на постсоветском пространстве, где действует архаичная и неэффективная форма работы судов второй инстанции. Дальнейшее проведение судебно-правовой реформы невозможно без перехода на апелляцию»[1].

Принятие упомянутого выше Закона от 5 января 2016 года по мысли его авторов должно перевернуть важную страницу на пути сближения отечественного уголовного судопроизводства с европейскими стандартами. По словам Л.Михальковой, «введение апелляции в уголовный процесс – это совершенно новое явление для белорусского законодательства. Это полномасштабная апелляция...»[2].

Не сомневаясь в значимости произошедшего события особенно в плане насыщения раздела X УПК нормами, более подробно и скрупулезно регулирующими деятельность суда апелляционной инстанции, все же возникает вопрос, стала ли белорусская модель пересмотра не вступивших в законную силу судебных решений более европейской, и такая ли уж «полномасштабная» у нас апелляция.

Глубокий анализ рассматриваемых изменений, безусловно, еще впереди, поэтому, не вдаваясь в детали, хотелось бы остановиться на

двух концептуальных аспектах, которые лежат в основе выделения апелляционного производства.

«Апелляция» происходит от латинского слова *apellare*—«вызывать в суд», т.е. обращаться за защитой своих прав к вышестоящему суду [3, с. 450], который разрешает уголовное дело по существу. Апелляционный суд при этом руководствуется правилами, установленными для производства в суде первой инстанции, в рамках которых допускается как непосредственное исследование имеющихся в деле, так и собирание новых доказательств путем проведения судебных следственных действий [4, с. 4]. Важнейшим свойством апелляции является судебное следствие, в ходе которого возможно осуществление осмотра, допроса, следственного эксперимента и т.д. «Задача апелляции – новым полноценным разбирательством дать добавочную гарантию справедливости приговора», – утверждал И.Я. Фойницкий [5, с. 533].

Таким образом, «классическая континентальная апелляция строится на том, что порядок судебного следствия второй инстанции полностью повторяет порядок судебного следствия первой инстанции» [6, с. 55]. Это принципиальное положение с определенными ограничениями нашло отражение, например, в УПК Российской Федерации, в соответствии с ч. 1 ст. 389.13 которого рассмотрение уголовного дела в суде апелляционной инстанции происходит по общим правилам судебного разбирательства, с изъятиями, предусмотренными главой, регламентирующей апелляционное производство. При этом в рамках слушания дела проводятся судебное следствие, прения сторон, а также предоставляется последнее слово лицу, в отношении которого проверяется судебное решение.

В Казахстане апелляционная инстанция – это суд, рассматривающий дело по существу (п. 4 ст. 7 УПК Казахстана). Как и в Российской Федерации, в апелляционном суде Казахстана допускаются судебное следствие и прения сторон, а прокурор «в необходимых случаях поддерживает государственное обвинение» (ч. 7 ст. 429 УПК Казахстана). Кроме того, предусматривается ведение протокола судебного заседания.

В Беларуси применительно к апелляционному производству о нормах, хотя бы отдаленно напоминающих разбирательство уголовного дела в суде первой инстанции, речь вообще не идет. Суд, как и ранее в кассационном производстве, принимает решение, в основном, по материалам уголовного дела, по сути, отказываясь от главного преимущества апелляционного пересмотра: непосредственного и устного исследования доказательств по правилам судебного следствия. Причем суд вправе по ходатайству сторон или собственной инициативе вызвать для дачи разъяснений отдельных участников процесса, только если призна-

ет это необходимым. Таким образом, даже заявленное ходатайство стороны о вызове в судебное заседание свидетелей, по идее, не является обязательным для суда, а субъективно оценивается последним на предмет своей обоснованности.

Как видно, белорусский законодатель вовсе не настаивает на устности и непосредственности исследования всех или некоторых доказательств в данном суде, изначально отказываясь от надежной процессуальной гарантии эффективности отмеченного производства и постановления правосудного приговора.

В качестве еще одного принципиального и несомненного достоинства апелляции, в сравнении с порядком кассационным, традиционно приводится то обстоятельство, что указанный суд самостоятельно исправляет все ошибки обжалованного приговора, принимая в итоге новое судебное решение, заменяющее собой предыдущее. Это правомочие апелляционного суда практически значимо, поскольку позволяет обеспечить устранение нарушений закона и прав заинтересованных лиц непосредственно в суде вышестоящей инстанции без возвращения дела на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции [7, с. 184]. Иными словами, «классическая европейская теория апелляции возможность возвращения дела в суд первой инстанции полностью исключает» [6, с. 56].

В Беларуси статья УПК, регулирующая виды решений суда апелляционной инстанции, осталась фактически неизменной и, как и ранее, допускает отмену приговора с направлением дела на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции. Значит, суд апелляционной инстанции избавлен от необходимости во всех случаях самостоятельно исправлять выявленные ошибки, перелагая эту работу, как и в кассационном производстве, на суд первой инстанции. Таким образом, законодатель считает приемлемым поступиться еще одной важнейшей составляющей апелляционного производства.

В целом, следует признать, что новые нормы УПК, регулирующие пересмотр не вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам, не в полной мере отвечают существующим теоретическим представлениям о настоящей апелляции и уж совсем далеки от ее «полномасштабных» проявлений. Скорее они напоминают попытку придать знакомым советским конструкциям иное терминологическое звучание, продемонстрировав прогрессивный вектор развития белорусского уголовно-процессуального законодательства.

Литература:

1. Сукало, В. Справедливость для всех / В.Сукало // Советская Белоруссия, № 25 (24655). –2015. –10 февраля.

2. Депутаты приняли в первом чтении поправки об апелляции в уголовном процессе [Электронный ресурс]. – Новости TUT.BY. – Минск, 2015. – Режим доступа: <http://news.tut.by/society/451604.html>. – Дата доступа: 28.07.2016

3. Строгович, М.С. Уголовный процесс/ М. С. Строгович. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. – 511 с.

4. Червоткин, А.С. Апелляция и кассация. Пособие для судей/ А. С. Червоткин. – М.: Проспект, 2010. – 197 с.

5. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. / И.Я. Фойницкий; под ред. А.В. Смирнова. – Т. 2. – СПб.: Альфа, 1996. – 607 с.

6. Головкин, Л.В. Новеллы УПК РФ: прогресс или институциональный хаос?/ Л. В. Головкин // Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ и УПК РФ. Первый опыт критического осмысления/ Под общ. ред. Н.А. Колоколова. – М.: Юрист, 2011. – 188 с.

7. Ковтун, Н.Н. Апелляция, кассация и надзорное производство в уголовном процессе: общие контексты законодательных новелл от 29 декабря 2010 года / Н.Н. Ковтун // Вестник Нижегородской Академии МВД России. – 2011. – №1(14). – С. 179–184.

УДК 343.17

ОТСТАВКА СУДЬИ

Е.В. Дубровин,

кандидат юридических наук, доцент

Белорусский государственный университет

Согласно ст. 124 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей (далее – Кодекс) отставка судьи является одним из оснований для прекращения его полномочий. Однако анализ иных норм Кодекса позволяет сделать вывод о том, что данное основание существенно отличается от остальных с точки зрения правовых последствий.

В этой связи можно привести, в частности, следующие примеры:

1) на время нахождения судьи суда общей юрисдикции в социальном отпуске на его должность может назначаться судья, находящийся в отставке (ч. 1 ст. 100 Кодекса);

2) за судьей, пребывающим в отставке, присвоенный ему квалификационный класс сохраняется пожизненно (ч. 2 ст. 110 Кодекса);

3) за судьей, вышедшим в отставку, сохраняются право участия в деятельности органов судейского сообщества и иные гарантии, предусмотренные Кодексом и иными законодательными актами Республики Беларусь.

При выходе судьи в отставку в его служебном удостоверении проставляется штамп «В отставке» и указывается дата начала отставки (ст. 126 Кодекса);

4) квалификационная коллегия судей по месту прежней работы пребывающего в отставке судьи при наличии оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 127 Кодекса, направляет соответствующее заключение лицам, уполномоченным вносить представление Президенту Республики Беларусь, для прекращения отставки судьи.

Судья, отставка которого прекращена, вправе обжаловать это заключение в порядке, предусмотренном Кодексом для обжалования заключений квалификационных коллегий судей (ч. 3, 4 ст. 127 Кодекса);

5) судейское сообщество Республики Беларусь составляют судьи Конституционного Суда Республики Беларусь, судов общей юрисдикции, а также судьи, находящиеся в отставке (ст. 141 Кодекса).

Содержание приведенных выше норм дает возможность утверждать, что судья в отставке остается судьей. Нельзя говорить о том, что отставка прекращает его полномочия в полном объеме. Правовые статусы судей и судей в отставке, безусловно, отличаются. Вместе с тем, правовые статусы судей в отставке и иных бывших судей также имеют заметные различия.

В литературе высказано мнение, что уход судьи в отставку не влечет разрыва служебных отношений, а только лишь изменяет их характер. Судья в отставке сохраняет статус судьи, служебные отношения с ним не прекращаются, так как отставка влечет только изменения в сфере трудовых отношений. Отставка, таким образом, является одной из гарантий судейской независимости [1, с. 67-68].

Исходя из вышеизложенного, можно рассмотреть вопрос об исключении отставки из числа оснований для прекращения полномочий судьи. Отставка будет рассматриваться как институт, не лишаящий лицо статуса судьи, а определенным образом изменяющий его.

Это исключение окажет влияние, в том числе, и на уголовное судопроизводство. В соответствии с ч. 1 ст. 32 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь уголовные дела в суде первой инстанции рассматриваются единолично или коллегиально. Коллегиальное рассмотрение уголовных дел осуществляется судом в составе судьи и двух народных заседателей.

Перечень лиц, которые не могут быть народными заседателями, содержится в ч. 3 ст. 133 Кодекса и в нем присутствуют судьи, но не судьи в отставке. Внесенное предложение исключит участие последних в рассмотрении уголовных дел. Представляется, что такая ситуация по сравнению с тем, что имеет место в настоящее время, будет в большей сте-

пени соответствовать сути принципа участия граждан в осуществлении правосудия (ст. 9 Кодекса). Цель данного принципа – привлечь к постановлению приговоров рядовых, не заинтересованных в сокрытии недостатков судебной системы представителей общественности и тем самым повысить уровень доверия к ней.

Литература:

1. Bodio, J. Ustrój organów ochrony prawnej. Część szczegółowa / J.Bodio, G.Borkowski, T.Demendecki. – 4 wydanie. – Warszawa: Wolters Kluwer Polska SA, 2013. – 480 s.

УДК 343.137

УПРОЩЕННЫЕ ФОРМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Л.Л. Зайцева,

кандидат юридических наук, доцент,

*Институт переподготовки и повышения квалификации судей,
работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ*

Одним из направлений совершенствования уголовного судопроизводства является дифференциация процессуальной формы, согласно которой выделяют обычные, усложненные и упрощенные процедуры.

В настоящее время развитие последних выступает в качестве общепризнанной мировой тенденции. В ряде рекомендаций, касающихся отправления правосудия в государствах – членах Совета Европы, предлагается, исходя из национальных традиций, предусмотреть упрощенные процедуры разбирательства дел, затрагивающие как досудебные, так и судебные стадии уголовного процесса. При этом каждая страна именует эту процедуру по-разному: ускоренное, упрощенное или суммарное производство, особый порядок и т.д.

В процессуальной науке называют различные основания выделения упрощенных форм судопроизводства, среди них – степень общественной опасности преступления, степень сложности установления обстоятельств дела и др. Наиболее дискуссионным основанием процессуальной дифференциации выступает отсутствие материально-правового спора между сторонами, т.е. отсутствие у представителей обвинения и защиты различных точек зрения по поводу любых обстоятельств совершенного преступления (виновности обвиняемого, квалификации и объема обвинения, отягчающих и смягчающих ответственность обстоятельств и т.п.).

Изложенная ситуация может иметь место лишь тогда, когда обвиняемый полностью согласен как с описанием имевших место фактов,

так и с юридической оценкой совершенного им преступления; признание им своей вины не оспаривается другими участниками процесса; у органа дознания, следователя, прокурора и суда отсутствуют причины не доверять этому признанию. Таким образом, данное основание дифференциации предоставляет обвиняемому возможность влиять на ход процесса, самому выбирать процедуру разбирательства его уголовного дела. Обвиняемый становится полноценным субъектом правоотношений как равноправная сторона в уголовном процессе, что является еще одним позитивным результатом применения упрощенного судопроизводства наряду с сокращением времени и затрат на его осуществление.

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК) существует несколько упрощенных судебных процедур, основанных на отсутствии материально-правового спора между сторонами. Это сокращенный порядок судебного следствия (далее – СПСС) и ускоренное производство.

СПСС применяется тогда, когда допрошенный в судебном заседании обвиняемый признает свою вину и это признание не является вынужденным, не оспаривается какой-либо из сторон и не вызывает сомнений у суда. При наличии указанных условий суд с согласия сторон вправе ограничиться исследованием лишь тех доказательств, на которые укажут стороны, либо объявить судебное следствие законченным и перейти к судебным прениям (ст.326 УПК).

Ускоренное производство – это особая форма расследования уголовных дел о менее тяжких и не представляющих большой общественной опасности преступлениях, которая проводится в упрощенном порядке в течение 10 суток. Этот срок может быть продлен до 15 суток прокурором или его заместителем. Ускоренное производство осуществляется в случаях, когда факт преступления очевиден, известно подозреваемое лицо, которое не отрицает совершение им этого преступления (глава 47 УПК).

Почти десять лет ускоренное производство и СПСС существовали параллельно как два самостоятельных процессуальных института. Они пересекались только тогда, когда дела, расследованные в ускоренном производстве, рассматривались в судебном разбирательстве с применением СПСС. При этом решение о проведении последнего принималось непосредственно в судебном заседании, если устанавливались основания и условия, предусмотренные ст. 326 УПК.

В 2009 г. в главу 47 УПК были внесены изменения, которые соединили эти институты в одном производстве. Согласно произведенным изменениям судебное следствие по делам, расследованным в ускоренном производстве, стало осуществляться в сокращенном порядке. Тем

самым в законе заранее определялась категория уголовных дел, рассмотрение которой в судебном разбирательстве должно происходить с применением СПСС.

Это фактически привело к формированию двух видов СПСС: одного, регулируемого ст. 326 УПК, другого - по делам ускоренного производства, регламентированного главой 47 УПК. Несмотря на одинаковую правовую природу, эти два варианта сокращенного порядка имеют существенные процедурные различия, проявляющиеся в том, что по делам ускоренного производства не требуется: а) вызова свидетелей; б) обязательного участия государственного обвинителя и других представителей сторон в судебном разбирательстве; в) их согласия на сокращение судебной процедуры; г) предварительного решения суда по денному вопросу.

Существование двух видов СПСС породило различное толкование правил его проведения, ошибки в правоприменении, нарушение прав сторон на выбор судебной процедуры. Полагаем, что совершенствование СПСС должно идти по пути унификации правил его производства с сохранением общих оснований и условий, предусмотренных ст. 326 УПК, и использованием тех новых положений, которые были введены в главу 47 УПК и оправдали себя на практике.

В связи с этим предлагается выяснять мнение сторон о возможности применения СПСС при окончании предварительного расследования и ознакомлении их с материалами уголовного дела. Это позволит суду заранее при назначении судебного разбирательства решить вопрос о проведении СПСС, а значит, не потребует вызова в судебное заседание свидетелей и обязательного участия в нем всех представителей сторон. Если же в дальнейшем при рассмотрении дела обнаружится отсутствие какого-либо основания или условия, необходимых для данной процедуры, либо произойдет изменение позиций сторон, то судебное разбирательство будет отложено и назначено в общем порядке. Это будет способствовать единообразному применению норм УПК о проведении СПСС при рассмотрении любых категорий дел и оптимизации процессуальных процедур.

Следующий шаг по пути упрощения уголовно-процессуальной формы сделан в 2015 г., когда была принята новая редакция главы 47 УПК. В результате по делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, которые расследованы в ускоренном производстве, у судьи появилась возможность постановления обвинительного приговора без проведения судебного разбирательства и вызова сторон. Основанием для применения такого заочного производства яв-

ляется полное признание обвиняемым своей вины и заявленного гражданского иска (ч. 1 ст. 459 УПК).

Для реализации данной процедуры необходимы следующие условия: а) согласие обвиняемого и потерпевшего на заочное производство в суде, которое выясняется следователем по окончании ознакомления участников процесса с уголовным делом; б) признание обвиняемым своей вины не оспаривается какой-либо из сторон; в) виновность обвиняемого и юридическая квалификация его деяния не вызывает сомнений у судьи; г) отсутствие иных препятствий постановления приговора без судебного разбирательства.

Таким образом, появление заочного производства подтверждает вывод о том, что основным критерием дифференциации уголовно-процессуальной формы является отсутствие материально-правового спора между сторонами.

УДК 343.98.068

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПЛАНИРОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ ПУТЕМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ НА ОСНОВАНИИ ТИПОВЫХ СХЕМ

Ю.Ф. Каменецкий,

Следственный комитет Республики Беларусь

Анализ научной литературы и личный опыт автора в расследовании преступлений показывают, что одним из эффективных способов совершенствования планирования может стать расширение практики применения схематизации при построении ретроспективной модели преступления и его отдельных элементов. Ряд предложений по моделированию преступлений при помощи схем озвучен белорусскими учеными А.В. Дуловым, А.Е. Гучком, В.Ф. Ермоловичем, Г.А. Шумаком [1, 2, 3, 7] и др.

Моделирование преступления начинается с анализа первичной информации, которой располагает следствие. Это могут быть идеальные или материальные следы преступления. Так, показания потерпевших, свидетелей, подозреваемых, по своей сути представляют идеальные модели. В основе материальных моделей могут быть положены результаты проведения осмотра места происшествия, оперативно-розыскных мероприятий, заключения экспертов, вещественные доказательства и пр.

Однако для каждого уголовно наказуемого правонарушения существуют свои особенности криминалистической характеристики преступления и деятельности по его расследованию. Такие особенности опре-

деляют выбор основания для построения модели относительно конкретного вида преступления.

На наш взгляд, для планирования хищений путем злоупотребления служебными полномочиями в бюджетной сфере наибольший интерес представляют модели, построенные на основании средств совершения преступлений. В частности, такими средствами могут быть документы предприятия, поскольку совершение рассматриваемых хищений связано с хозяйственными отношениями, в ходе которых каждая операция находит свое отражение в первичных и сводных учетных документах. Кроме того, документы составляются и для сокрытия следов преступления.

Программа поиска криминалистически значимых сведений в документе может быть представлена схемой, отражающей связь оставленных расхитителем следов (различных реквизитов и элементов документа) со способом совершения преступления и причастными к нему должностными лицами. Эта закономерность лежит в основе версионной работы, где версия обеспечивает переход от неопределенности к доказательству. Как отмечает В.Я. Колдин, в этом случае версии и информация разрешают «диалектическое противоречие вероятностного и достоверного знания при принятии криминалистических и процессуальных решений» [5, с. 51].

В связи с этим в основе построения такой программы поиска криминалистически значимых сведений в документе лежат связи: «след хищения – версии о способе совершения преступления и личности расхитителя» и «версия – способ ее проверки и получения нового доказательства». Она может быть построена по правилам семантической сети [6, с. 252]. В результате в ориентированном графике (схеме) вершины по вертикали будут соответствовать понятиям «документ», «след», «версия», а дуги и пояснения по горизонтали – отношениям между ними, раскрывающимся путем конкретизации следственных и процессуальных действий (рис. 1).

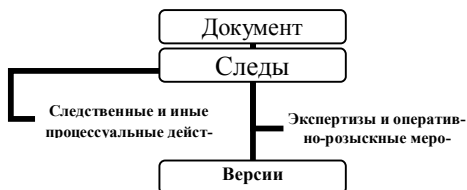

Рисунок 1. Схема криминалистического анализа документа

Предложенная схема описывает следы хищения, отраженные в документах бюджетной организации, показывает причинно-следственные связи между этими следами и выдвинутыми версиями о фактах, имею-

щих значение для разрешения уголовного дела. Таким образом, схема криминалистического анализа документа четко определяет цель, конкретизирует задачи, средства и методы ее достижения.

Рассмотрим пример программы поиска значимых сведений с использованием схемы криминалистического анализа табеля учета рабочего времени при расследовании уголовных дел о хищениях должностными лицами по заведомо фиктивным трудовым соглашениям денежных средств под видом выплаты незаконной заработной платы за работу, которая фактически не выполнялась (рис. 2).

Рисунок 2. Схема криминалистического анализа табеля учета рабочего времени

Представленная схема криминалистического анализа документа по учету труда помогает следователю удостовериться в фактах приписок лжеработникам выполненной работы, раскрыть круг лиц, причастных к преступлению, а также осведомленность табельщиков и других лиц, заполнявших фиктивные документы о несуществующих фактах, выявить признаки подделки и пр. Другими словами, посредством схематизации конкретизируются носители и источники криминалистически значимой информации. Для установления названных фактов планируется проведение финансово-экономической и почерковедческой экспертиз, (в том числе получение образцов почерка и подписи), осмотра документа, допросов лжеработника, табельщика, руководителя.

На основании подобной схемы анализа следовой картины хищения следователь выдвигает версии о работниках бюджетной организации, вовлеченных в совершение преступления и степени их осведомленности, устанавливает факты фальсификации и нарушения порядка выпла-

ты денежных средств. Для установления данных фактов планируется проведение ряда следственных и процессуальных действий (финансово-экономическая экспертиза, осмотр документа, допросы бухгалтера, кассира, руководителя и пр.).

Подводя итог, следует отметить, что применение в планировании расследования предложений по криминалистическому анализу документов с использованием типовых схем способствует: 1) четкому определению цели – получение криминалистически важных сведений; 2) конкретизации задач, средств и методов ее достижения путем детализации следственной ситуации с выходом на расхитителя; 3) установлению связи оставленных расхитителем следов и задач расследования; 4) систематизации криминалистически значимой информации для ее оперативного поиска в ходе осмотра, детализации вопросов подозреваемому лицу в ходе допроса, подготовки материалов и определения экспертных задач в ходе назначения экономической экспертизы и пр.; 5) повысить эффективность восприятия криминалистически значимой информации и использование ее в ходе расследования.

Литература:

1. Дулов, А.В. Тактика следственных действий / А.В. Дулов, П.Д. Нестеренко. – Минск: Вышэйшая школа. 1971. – 272 с.
2. Гучок, А. Е. Криминалистическое учение о материальной структуре преступления: дис. ... д-ра. юрид. наук : 12.00.12 / А.Е. Гучок. – Минск, 2014. – 254 с.
3. Ермолович, В.Ф. Построение и проверка версий / В.Ф. Ермолович, М.В. Ермолович; под ред. И.И. Басецкого. – Минск: Амалфея, 2000. – 176 с.
4. Шумак, Г.А. Модели расследования должностных хищений / Г.А. Шумак // Право и демократия: межвуз. сб. науч. тр.; редкол.: В.Г. Тихиня (гл. ред.) [и др.]. – Выпуск 3. – Минск: БГУ, 1990. – С. 137 – 143.
5. Колдин, В.Я. Версионный анализ: монография / В.Я. Колдин. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 152 с.
6. Шаталов, А.С. Криминалистические алгоритмы и программы. Теория. Проблемы. Прикладные аспекты. / А.С. Шаталов. – М.: Лига Разум, 2000. – 252 с.

**ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ:
РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

*Качалова О. В.,
кандидат юридических наук, доцент
Российский государственный университет правосудия
(Российская Федерация)*

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве появился в российском уголовном процессе в 2010 г. как средство противодействия организованной преступности, а также иным тяжким и особо тяжким преступлениям.

Вместе с тем в главе 40.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) не был установлен конкретный перечень составов преступлений, по которым возможно заключение соглашения (глава 49.1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь его также не предусматривает) [1, с. 147], и соглашения стали заключаться по делам о любых преступлениях, в том числе небольшой и средней тяжести (злостном уклонении от уплаты алиментов, побоях, нарушении правил дорожного движения и т.д.) [2]. Сложно признать это обоснованным, очевидно, что их расследование не представляет особой сложности и необходимости активного содействия следствию именно в рамках соглашения о сотрудничестве.

В российской практике применения досудебного соглашения о сотрудничестве нередкими стали ситуации, при которых главари организованных преступных сообществ заключают соглашения с целью избежать назначения пожизненного лишения свободы либо уйти от иных строгих видов наказания, и дают показания против рядовых членов преступных группировок, которых зачастую сами вовлекли в преступную деятельность.

Досудебное соглашение о сотрудничестве было заключено с лидером челябинского преступного сообщества «Турбазовские» С. Чашиным (он был признан виновным в совершении целого ряда убийств при отягчающих обстоятельствах, организации преступного сообщества и т.д.); с главарем преступного сообщества «Севастопольские» Р. Саймаковым и др. [3].

Представляется, что заключение досудебных соглашений о сотрудничестве с руководителями организованных сообществ возможно лишь в исключительных случаях. Это могут дела о преступлениях коррупционной направленности, экономических преступлениях – в случаях, когда лицо полностью возместило причиненный ущерб, с его помощью

установлено имущество, добытое в результате преступления, случаи, когда сотрудничество со следствием выявляет преступную организацию, обладающую большей степенью общественной опасностью по сравнению с той, с руководителем которой заключается досудебное соглашение о сотрудничестве и т.п.

Не всегда можно признать обоснованным и заключение досудебных соглашений о сотрудничестве в отношении большинства членов организованной преступной группы или сообщества (Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь также не ограничивает число лиц, с которыми возможно заключение соглашений). Так, например, по делу о взрыве на Центральном рынке Владикавказа в 2010 г. из двенадцати обвиняемых соглашения были заключены с восьмью. Это означает, что большинство членов преступной группы обеспечило себе гарантированное снижение наказания, избавляя друг друга в совершении одного и того же деяния. Смысл досудебного соглашения о сотрудничестве не искажается только в том случае, если у следователя есть основания полагать, что информация, предоставленная каждым из заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве будет различной.

Первое место по количеству заключенных досудебных соглашений о сотрудничестве в России занимают преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств. Обещая предоставить информацию о другом лице, занимающимся распространением наркотических средств, обвиняемый зачастую прекрасно осведомленный не об одном лице, занимающемся распространением наркотических средств, предоставляет следствию ограниченную информацию, которая может и не иметь практической значимости для следствия. Это же касается и ряда других уголовных дел. Так, например, по уголовному делу с обвиняемым в массовых беспорядках в колонии О. было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. В массовых беспорядках участвовало около 120 заключенных. При этом О., являясь организатором массовых беспорядков и призывая других заключенных к участию в них, в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве избавил лишь осужденного П., участвовавшего в массовых беспорядках [4]. Полагаем, что при данных обстоятельствах досудебное соглашение не могло быть заключено, поскольку О. являлся организатором беспорядков и вовлек в участие в них большое количество осужденных и в рамках сотрудничества со следствием предоставил весьма ограниченную информацию.

Еще одной проблемой является рассмотрение выделенного уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве в ускоренном порядке до рассмотрения в общем порядке уголовного дела в отношении лиц, в избавлении которых он при-

нимает участие. Зачастую сотрудничество со следствием не заканчивается при вынесении приговора в отношении данного обвиняемого: он продолжает давать показания, изобличающие соучастников, участвует в иных следственных действиях и т.д. Не всегда по этой причине прокурор может подтвердить выполнение обвиняемым выполнения всех условий соглашения, а лишь констатирует тот факт, что обвиняемый активно сотрудничает со следствием. Представляется нелогичным выносить судебное решение до тех пор, пока лицом не будут окончательно выполнены все условия досудебного соглашения о сотрудничестве [5, с. 68–73].

Анализ приговоров, вынесенных в сокращенном порядке в отношении лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве, до рассмотрения основного уголовного дела приводит нас к выводу о нелогичности большинства из них. Так, например, приговор Брянского областного суда, вынесенный в отношении Н., заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве и обвиняемого в совершении двадцати девяти преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210 УК РФ, ч. 3 ст. 30 и пп. «а», «г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ и ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, в описательно-мотивировочной части, изложенной на 37 страницах, содержит описание преступной деятельности Н. совместно еще с 19 лицами, уголовные дела в отношении которых еще не рассматривались судом (в приговоре они именуются «лицо №1», «лицо № 2» и т.д.) [6].

Основу описательно-мотивировочной части приговора составляют факты, не исследованные и не установленные судом. При этом, вынося решение в сокращенном порядке, суд в полной мере не может убедиться в обоснованности и доказанности обвинения, поскольку не может определить ни роль, ни степень участия этих 19 лиц, а соответственно, не может точно определить и роль подсудимого в совершении групповых преступлений. Если лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, в последующем в суде отказывается от ранее данных показаний, а других доказательств не имеется, то остальные обвиняемые получают возможность избежать уголовной ответственности.

Все вышеуказанные обстоятельства убеждают в необходимости рассмотрения уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, после рассмотрения основного уголовного дела либо совместно с ним.

Литература:

1. Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе: учебно-метод. пособие / Л.Л. Зайцева [и др.]; под ред. У. Хелльманна, С. А. Балащенко, Л. Л. Зайцевой. – Минск: Изд. центр БГУ, 2015. – 223 с.

2. Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883>. – Дата доступа: 18.05.2015.

3. ВС в четвертый раз отложил рассмотрение кассаций по делу ОПГ «Севастопольские» [Электронный ресурс] // Информационный юридический портал. – Режим доступа: <http://pravo.ru/news/view/77440/> – Дата доступа: 03.08.2015.

4. Архив Брянской областной прокуратуры за 2015 г.

5. Качалова, О. В. Виды ускоренного производства в российском уголовном процессе / О.В. Качалова. – М.: Юрлитинформ. – 241 с.

6. Уголовное дело № 2-43/2012 // Архив Брянского областного суда за 2012 г.

УДК 343.13

ТРЕБОВАНИЯ К МЕРАМ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ДРУГИХ ЛИЦ

И.М. Князев,

кандидат юридических наук, доцент

Институт национальной безопасности Республики Беларусь

Меры по обеспечению безопасности – это меры процессуального и непроцессуального характера, применяемые органом, ведущим уголовный процесс, по защите участников уголовного процесса, членов их семей и близких при наличии реальной угрозы осуществления противоправных действий в отношении их в связи с участием в уголовном процессе [1, с. 27].

Сущность, процессуальный порядок применения и отмены, иные вопросы, касающиеся указанных мер, регламентированы Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь [2] (далее – УПК), а также Положением о порядке применения мер безопасности в отношении защищаемых лиц, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 января 2016 г. № 44 [3], являются объектом пристального внимания ученых-процессуалистов [см. например: 4; 5; 6].

Исходя из смысла норм УПК (ст.ст. 65–75) и других нормативных правовых актов, а также положений теории уголовного процесса в качестве требований к мерам по обеспечению безопасности участников уголовного процесса и других лиц можно определить следующие:

1. *Законность мер безопасности.* Это требование означает, что указанные меры должны соответствовать тем законодательным актам, которые регламентируют, с одной стороны, правовое положение личности в государстве (Конституция Республики Беларусь), а с другой – устанавливают специальный порядок применения (отмены) мер безопасности в отношении участников уголовного процесса и других лиц (УПК).

2. *Обоснованность мер безопасности.* Реализация мер безопасности требует не только многих усилий должностных лиц различных органов, но и расходования значительных материальных ресурсов и денежных средств. Поэтому требование обоснованности мер безопасности ориентирует правоприменительные органы на рационализацию своих решений и тех действий, которые направлены на их исполнение. Обоснованность выполняемых для обеспечения безопасности лица действий находится в прямой зависимости от обоснованности принятого ранее об этом решения. Принятие необоснованных решений об обеспечении безопасности тех или иных лиц влечет за собой необоснованное выполнение соответствующих действий по реализации названных решений и, как следствие, наступление от этого различных видов негативных последствий. К числу наиболее существенных среди них следует отнести неустраненную опасность для жизни, здоровья, имущества или жилища лица, взятого под защиту. В таких ситуациях все возвращается на круги своя, т.е. с чего начиналось (в ситуации реальной опасности), то и осталось – наличие той же реальной опасности, которая для конкретного лица ранее существовала. Ликвидация последней предполагает принятие и реализацию новых, но уже законных и обоснованных решений об обеспечении реальной безопасности в отношении тех лиц, кому существующая опасность угрожает.

3. *Конкретность мер безопасности* – предполагает, что решение о применении мер безопасности должно содержать указание: во-первых, в отношении кого принимается мера безопасности; во-вторых, применение какой именно меры безопасности целесообразно; в-третьих, когда, в каких пространственно-временных пределах данная мера будет реализована; и в-четвертых – на кого конкретно возлагается обязанность реализовать принятое решение обеспечить фактическую безопасность того или иного участника уголовного процесса. В контексте рассматриваемого требования необходимо отметить, что в соответствии с ч. 2 ст. 73 УПК перечень необходимых для защиты лица или его имущества мер устанавливает и реализует государственный орган, которому поручено осуществление мер безопасности. Вместе с тем, согласно п. 105 Положения о порядке применения мер безопасности в отношении защищае-

мых лиц при необходимости в постановлении о применении мер безопасности либо прилагаемой к нему справке могут быть изложены предложения по применению конкретных мер безопасности, а также иные сведения, которыми располагает орган, ведущий уголовный процесс, и которые могут иметь значение для выбора и осуществления мер безопасности.

4. *Реальность мер безопасности.* Это требование ориентирует органы, ведущие уголовный процесс, на применение таких мер безопасности, которые действительно существуют, имеются в распоряжении тех, на кого решение задачи обеспечения безопасности возлагается. Если, например, речь идет о применении в отношении свидетеля такой меры безопасности, как его личная охрана, то реальность данной меры безопасности зависит от многих обстоятельств и, в частности, от наличия у государственного органа, осуществляющего меру безопасности, соответствующих охранных средств, достаточного количества сотрудников, призванных обеспечить охрану свидетеля, и т.п. Если всего того, что необходимо для решения данной задачи, нет, то и реальное обеспечение безопасности свидетеля невозможно. Таким образом, определение реальности обеспечения безопасности конкретного участника процесса связано с возможностью (или невозможностью) выполнить те действия, которые образуют содержание процесса реализации данной меры безопасности. Если то, что необходимо сделать для обеспечения безопасности участника процесса невозможно, то и осуществление запланированных мер безопасности нереально, а значит, и обеспечение безопасности лица невозможно.

5. *Радикальность мер безопасности.* Данное требование тесно связано с требованием реальности и предполагает решительное и кардинальное устранение тех факторов (или обстоятельств), которые создают опасность для участника уголовного процесса или другого лица. Требование радикальности ориентирует на принятие исчерпывающих мер для преобразования неблагоприятных условий существования (пребывания, нахождения) того или иного лица в благоприятные условия его жизнедеятельности. Соответствие мер безопасности требованию радикальности обеспечивает будущее стабильное состояние, с одной стороны, благоприятных условий для жизнедеятельности защищаемого лица, а с другой стороны, возможность нормального осуществления им своих прав и обязанностей в соответствии с его функциональным назначением.

Рассмотренные требования предъявляются в своей совокупности к каждой из мер безопасности. Они не могут существовать изолированно, вне взаимной связи и взаимозависимости.

Литература:

1. Шостак, М.А. Уголовный процесс: учеб. пособие / М.А. Шостак. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2004. – 284 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
3. Положение о порядке применения мер безопасности в отношении защищаемых лиц [Электронный ресурс]: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 21 января 2016 г., № 44 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2016.
4. Белокопытов, В.В. Меры по обеспечению безопасности участников уголовного процесса и других лиц (в 2 частях) [Электронный ресурс] / В.В. Белокопытов // ИБ «КонсультантПлюс: Комментарии Законодательства. Белорусский Выпуск» / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
5. Брусицын, Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: мировой опыт и развитие российского законодательства (процессуальное исследование): монография / Л.В. Брусицын. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 464 с.
6. Щерба, С.П. Охрана прав потерпевших и свидетелей по уголовным делам / С.П. Щерба, О.А. Зайцев. – М., 1996. – 345 с.

УДК 343.163

АНГЛИЙСКАЯ МОДЕЛЬ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНОМ РАССЛЕДОВАНИИ

В.В. Луцик,

кандидат юридических наук, доцент,

*Львовский национальный университет имени И.Франка
(Украина)*

В Англии и Уэльсе не существует обязанности расследовать преступление по обращению лица. Законодательный акт, который закрепляет и регулирует уголовные правонарушения, может установить основания для расследования правонарушения, так Закон об уголовном процессе и расследования 1996 и Закон о Полиции и доказательства по уголовным делам 1984 подлежат применению к расследованиям всех уголовных преступлений. Оба устанавливают правила поведения и деятельности по расследованию уголовных преступлений, которые определены и подлежат применению ко всем видам расследований, полицейских и гражданских лиц. Там закреплены законодательные основания

для наложения ареста, задержания, мер принудительного характера, но не для расследования как такового.

Кодекс, который регулирует деятельность высших государственных прокуроров предусматривает критерии для всех прокуроров в решении того нужно обвинять лицо в совершении уголовного преступления. Прецедентное право устанавливает, что доказательство должно быть таким, чтобы разумно мыслящий, должным образом настроенный суд присяжных будет в состоянии осудить человека. Обвинение лица, имеющего отношение к уголовным преступлениям также должно быть в государственных интересах.

В английском праве обвинения всегда носит дискреционный характер. Кодекс высших государственных прокуроров предусматривает две предпосылки: достаточность доказательной базы и государственный интерес. Даже если есть достаточность доказательств, государственный интерес может не нуждаться в обвинении, особенно когда можно применить другие санкции к обвиняемому, не направляя дело в суд [1, с. 137].

Королевская Прокуратура выполняет весьма ограниченную функцию надзора на стадии досудебного расследования, в частности, в соответствии с Кодексом королевских прокуроров: королевские прокуроры выдают указания и рекомендации для следователей во время стадии досудебного расследования. Указания могут включать в себя определение основных направлений расследования, установления доказательных требований и содействие в проведении любых процессуальных действий до предъявления обвинения. Королевские прокуроры играют активную роль в выявлении и, где это возможно, устранении доказательных недостатков и доведении до скорейшего окончания тех дел, которые не имеют перспектив в проведении дальнейших следственных действий.

В начале функционирования прокуратуры это осуществлялось более формальным путем, с помощью письменных указаний на материалах уголовных дела, которые передавались в полицию. Первоначальная идея заключалась в том, чтобы отделить прокуратуру и полицию насколько это возможно. Последующий опыт, в том числе экспериментальные исследования, привели к росту тенденций, согласно которым прокуратура и полиция совместно размещаются в одном офисе, а следственные версии обсуждаются в неформальном порядке [2, с. 182].

Королевская Прокуратура не имеет достаточных ресурсов для проведения расследования самостоятельно и вынуждена работать бок-о-бок с полицией. Потребность в новых доказательствах определяется с учетом того, будет ли дело успешным в суде, а, не основываясь на широком

общественном интересе, таком как необходимость установления истины по каждому конкретному делу.

В обычных делах полиция действует в соответствии с рекомендациями прокуратуры о необходимости поиска большего количества доказательств, путем проведения допросов, изъятия вещественных доказательств, проведения ДНК-тестов или любых других процессуальных действий в соответствии с указаниями, принимая во внимание затраты на такое расследование.

Королевская Прокуратура не «следит» за осуществлением расследования полицией, но будет оценивать доказательства, и когда материалы дела в конце полицейского расследования направляются к ней, прокуратура может вернуть их полиции. Прокуратура должна предусмотреть, примет ли суд все собранные доказательства, и признают ли присяжные обвиняемого виновным, заслушав представленные доказательства. Когда доказательства представляются в суд прокуратурой, этот процесс подчиняется общим правилам доказывания в суде. Например, судья может отказать в принятии показаний с чужих слов, доказательств, полученных путем обмана или провокации или доказательств о прошлом обвиняемого или поведение свидетеля, если суд считает, что они ненадлежащие [3, с. 213].

Отрицательная черта английской прокуратуры заключается в том, что ее полномочия все еще относительно ограничены. Несмотря на то, что функция уголовного преследования передана прокуратуре, и есть больше возможностей для внесения прокурорами предложений о ходе расследования, не существует реальных рычагов влияния на полицию в ходе досудебного расследования и органы и учреждения исполнения наказаний по поводу порядка исполнения судебных решений. Отношения с судами усложняются тем фактом, что большинство должностных лиц, назначающих наказание, остаются «любителями» в контексте европейских юрисдикционных понятий, чем профессиональными судьями: в низшей инстанции, магистраты (мировые судьи) - в основном непрофессиональные представители общественности; в коронном суде, судьи в основном - пожилые мужчины и женщины, которые провели значительную часть своей жизни как успешные юристы, зачастую не в сфере уголовного права [4, с. 173].

Кроме того, неопределенной остается система и структура прокуратуры в системе органов государственной власти: из-за отсутствия у Министерства юстиции разного рода неформальных и неуставных механизмов, которые должны быть устремлены на разработку политики прокуратуры в соответствии с развитием политики в сфере уголовной юстиции в целом. Таким образом, на национальном уровне, в настоящее

время существует Управление по реформе уголовного правосудия, подотчетное трем министрам. На местном уровне существует 42 совета в области уголовного правосудия, которые играют определенную роль в управлении политикой в сфере уголовной юстиции региона.

Кроме того, прокурорские работники не рассматриваются как находящиеся на высоких ступенях юридической карьерной лестницы, благодаря тому, что они являются государственными служащими и, следовательно, их труд не так хорошо оплачивается, как у частных адвокатов.

Английская система государственного обвинения является уникальной в европейских условиях и до сих пор развивается. Ее прочность заключается в том, что гибкость английской системы, основанной на руководящих принципах и общем праве, позволяет системе правосудия развиваться более гибко и, вероятно, быстрее, чем в более формальных правовых системах, где для наработки изменений в уголовный закон нужно много лет.

Литература:

1. Ligeti, K. Toward a Prosecutor for the European Union. – Vol. 1: A Comparative Analysis. – Oxford and Portland, Oregon: Beck/Hart, 2013. – 1096 p.
2. Jehle, J.-M. Coping with Overloaded Criminal Justice Systems: The Rise of Prosecutorial Power Across Europe / J.-M. Jehle, M. Wade. – Berlin, Heidelberg: Springer, 2006. – 333 p.
3. Gilliéron, G. Public Prosecutors in the United States and Europe / G. Gilliéron. – Zurich, Springer International Publishing, 2014. – 362 p.
4. Tasks and Powers of the Prosecution Services in the EU Member States, ed. Peter J.P. – Vol. 2. – Nijmegen, Netherlands: Wolf Legal Publishers, 2005 – 500 p.

УДК 343.163

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

*В.Н. Мелешко,
Белорусский государственный университет*

Содержание и объём полномочий прокурора, как и других должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, самым непосредственным образом связаны с теми функциями, которые определяются его процессуальным статусом и спецификой выполняемых задач. При этом на разных стадиях уголовного процесса характер полномочий прокурора имеет различия.

В досудебном производстве прокурор является «хозяином процесса». На него возлагается функция надзора, государственно-правовая по своему происхождению. Надзор прокурора распространяется исключительно на деятельность органов дознания и органов предварительного следствия и не затрагивает суд, а равно деятельность защитника. Предварительное следствие по уголовным делам осуществляется следователями Следственного комитета и Комитета государственной безопасности.

Процессуальное же положение прокурора в ходе судебного разбирательства определено ст. 34 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) лишь в общей форме, так как его правовой статус на этом этапе определяет положение стороны в состязательном судопроизводстве. На него, как представителя власти, возложено осуществление уголовного преследования в форме поддержания государственного обвинения (ч.1 ст. 34 УПК).

Согласно п. 48 ч.1 ст. 6 УПК уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, прокурором, частным обвинителем в целях установления факта и обстоятельств совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и совершившего его лица, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания либо иных мер уголовной ответственности или принудительных мер безопасности и лечения.

В отличие от иных органов уголовного преследования, прокуратура является гарантом законности расследования, соблюдение прав и законных интересов, участвующих в нем лиц. Именно через призму обеспечения законности и должна оцениваться роль прокурора в осуществлении уголовного преследования лиц, совершивших преступление.

Уголовное преследование связано с ограничением конституционных прав и свобод, с применением мер уголовно-процессуального принуждения, что обуславливает важность прокурорского надзора и судебного контроля за законностью этих мер.

Определяя в качестве основного направления деятельности прокурора уголовное преследование, законодатель сохраняет его обязанность защищать права и законные интересы лиц, участвующих в деле. Эта сторона деятельности прокурора выходит за рамки уголовного преследования. В этом достаточно четко прослеживается связь этой деятельности с осуществлением прокурором надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия.

В настоящее время нельзя встретить вполне четкой законодательной регламентации вопроса о соотношении судебного контроля и прокурорского надзора.

Сложность ответа на данный вопрос обусловлена тем, что этимологически термины «надзор» и «контроль» близки по своему значению. Вместе с тем, необходимо, прежде всего, исходить не из этимологии рассматриваемых терминов, а из того значения, которое в них вкладывается законодателем.

Судебный контроль в ходе досудебного производства включает в себя рассмотрение жалоб на действия и решения органа уголовного преследования (п.1 ч.2 ст.33 УПК), жалобы на решения органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении предварительного расследования уголовного дела либо уголовного преследования (ч. 2 ст.139 УПК).

Исчерпывающий перечень действий (бездействий) и решений лица, производящего дознание, следователя и прокурора, которые могут быть обжалованы заинтересованными лицами в суд исключает возможность для искусственного увеличения срока расследования путем подачи необоснованных жалоб в суд на любое действие (бездействие) и решение вышеуказанных должностных лиц, которые обязаны обеспечить не только полное и всестороннее, но и на быстрое расследование.

Прокурор осуществляет надзор за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие в целях:

1. обеспечения верховенства права;
2. единства и укрепления законности;
3. защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц, а также общественных и государственных интересов.

Прокурор осуществляет надзор за всей процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. Это право прокурора не ограничивается какими-либо жалобами либо ходатайствами, а может осуществляться им по собственной инициативе. Суд же ограничен подачей ему официальной жалобы, а значит, может проверять только те действия органов дознания и предварительного следствия, которые указаны в жалобе. Расширить проверку суд не в праве.

В отличие от прокурорского надзора, выполняя контрольные функции, суд не дает конкретных указаний, направленных на обеспечение установления истины по уголовному делу, а ограничивается общей оценкой законности или обоснованности принятого решения. Целью становится не поиск истины, а соблюдение установленной законом процедуры. Прокурорский же надзор должен носить постоянный характер, а в ряде ситуаций требуется, чтобы эта деятельность была и оператив-

ной. В этом качестве прокурорский надзор незаменим. Необходимо обеспечить независимость прокуратуры и суда. Даже учитывая, что суд может отменять решения прокурора, прокурорский надзор независим, поскольку прокурор может обжаловать решения суда в кассационном и надзорном порядке.

Трудно представить, что судебный контроль мог бы в полной мере заменить прокурорский надзор в ходе расследования. В отличие от прокурора суд не может предупреждать и выявлять нарушения закона в ходе расследования преступлений.

В настоящее время и в ближайшем будущем обеспечению законности предварительного расследования преступлений в наибольшей степени будут способствовать сочетание прокурорского надзора и судебного контроля. Судебный контроль и прокурорский надзор должны действовать согласованно, взаимно дополняя друг друга.

Литература:

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т./ В. И. Даль. – Т. 2. – М.: Русский язык, 1981. – 779 с.
2. Кеник, А.А. Прокурорский надзор: учеб. пособие / А.А. Кеник. – Минск: Амалфея, 2008. – 576 с.

УДК 343.985.7

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СЕКСУАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ

О.В. Петрова,

кандидат юридических наук, доцент

Белорусский государственный университет

В Республике Беларусь сотрудники органов внутренних дел и следователи при расследовании преступлений сексуальной направленности в отношении несовершеннолетних отмечают проблему доказывания ввиду специфики преступлений и необходимости выбора такой методики расследования, которая бы обеспечивала соблюдение принципа уважения чести и достоинства, недопустимости причинения вреда жизни и здоровья участникам процесса, учитывала бы уязвимость несовершеннолетних. В частности, в правоприменительной деятельности представляется крайне затруднительным доказывание преступлений сексуальной направленности в отношении детей в случаях т. нз. «группинга» детей в сети Интернет.

Решением данной проблемы многие видят в имплементации в национальное законодательство положений Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия

(Лансаротской конвенции) (далее – Конвенция) [1], заявку на присоединение к которой подала Республика Беларусь.

Указанная Конвенция закрепляет необходимость криминализации на национальном уровне всех форм сексуального насилия в отношении детей. В том числе одним из нововведений является требование, предусмотренное ст. 23 Конвенции, установления уголовной ответственности за любое умышленное предложение о встрече, с которым взрослый при помощи информационно-коммуникационных технологий обращается к ребенку, не достигшему предусмотренного законом возраста для вступления в сексуальные отношения, с целью совершения против него насилия или изготовления порнографии, если за таким предложением последовали практические действия, направленные на проведение такой встречи.

Указанная норма была имплементирована в национальное законодательство ряда стран постсоветского пространства, в том числе включена в УК Грузии (ст.255²), УК Молдовы (ст.175¹).

Не оспаривая необходимость ужесточения закона в сфере борьбы со всеми формами насилия в отношении детей, вместе с тем представляется, что криминализация подобного рода деяний не повлечет за собой упрощения доказывания по уголовным делам сексуальной направленности.

В соответствии с требованиями указанной нормы доказыванию подлежит не только факт обмена с ребенком фразами сексуального содержания, но в обязательном порядке и факт и предложения о встрече с ребенком для удовлетворения сексуальных желаний. Более того, привлечение к ответственности предполагает установления факта выполнения материальных действий ведущих к этой встрече, даже в том случае, когда если физическое насилие не имело места, например факта прибытия к месту свидания.

Указанное свидетельствует, что доказывание подобного рода преступлений будет подчиняться принципам доказывания приготовления к преступлению (ст.13 УК) и покушения на преступление (ст. 14 УК) в рамках существующих уже норм уголовного закона.

Таким образом, только совершенствование процесса доказывания, средств и способов получения и закрепления доказательств, а также их проверки позволит оптимизировать расследование преступлений сексуальной направленности в отношении несовершеннолетних.

Международные договора помимо требований к совершенствованию материального права, закрепляют и требования к процедуре. Так, Лансаротская конвенция закрепляет основные принципы расследования преступлений (ст.30-31), предусматривая процедуры адаптированные к

пострадавшим детям, учитывающим наилучшим образом их интересы, права несовершеннолетних, их уязвимость.

Основа доказательственной базы таких уголовных дел – это, в первую очередь, показания несовершеннолетних. Представляется, что залог эффективного расследования состоит именно в обеспечении прав несовершеннолетних в ходе расследования и судебном разбирательстве, с тем, чтобы несовершеннолетний не боялся заявить о случае насилия и не боялся давать показания.

Так, расследование, как и процесс доказывания по делам о преступлениях сексуальной направленности в отношении несовершеннолетних в целом, невозможны без эффективных средств обеспечения безопасности для детей в течение всего процесса и после него, эффективного междисциплинарного подхода в обращении с детьми-жертвами сексуального насилия, обеспечения им психологического, социального и медицинской помощи.

Вместе с тем совершенствование расследования не исчерпывается указанными выше мероприятиями. Норма ст.30 Конвенции рекомендует и использование скрытых оперативно-следственных методов. Это еще раз поднимает вопрос легализации данных, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам, как и совершенствование навыков следователей и государственных обвинителей в оперировании такими доказательствами в ходе производства расследования и поддержания государственного обвинения в суде. Более того, указанное приводит и к необходимости специализации должностных лиц органов, ведущих уголовный процесс. Не решенным остается вопрос сохранения врачебной тайны, конфиденциальности обращения к психологу.

Важной составляющей расследования является недопустимость прямого контакта обвиняемого с несовершеннолетним. Реализации данного требования безусловно будет способствовать внедрение на предварительном следствии и в судебном разбирательстве видеоконференц-связи (ст. 224¹ и 343¹ УПК). Для распознавания лжи в показаниях обвиняемого в настоящее время успешно применяется судебно-психофизиологическая экспертиза.

Указанные выше меры позволяют оптимизировать процесс расследования преступлений сексуальной направленности в отношении детей независимо от совершенствования уголовного законодательства.

Литература:

1. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия (Лансаротская конвенция): Пособие для парламентариев. – Страсбург: Совет Европы. – 136 с.

**ТАКТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ
«ПРОВЕРКА ПОКАЗАНИЙ ЛИЦА, СОГЛАСИВШЕГОСЯ
С ПРЕДЪЯВЛЕННЫМ ЕМУ ОБВИНЕНИЕМ»**

Е.И. Попова

*кандидат юридических наук,
Восточно-Сибирский государственный университет
технологий и управления
(Российская Федерация)*

Уголовное судопроизводство Российской Федерации, равно как и уголовный процесс Республики Беларусь, предусматривают возможность сокращения, ускорения судебного разбирательства.

Так, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) включает в себя главу 47 «Ускоренное производство», а также ст. 326 «Сокращенный порядок судебного следствия».

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) предусматривает сокращенную форму дознания (глава 32.1), особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК РФ), особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ).

Для обозначенных уголовно-процессуальных институтов характерно, что суд не исследует в общем порядке доказательства по уголовному делу (ч.1 ст. 326, ч.5 ст. 459 УПК Республики Беларусь, ч. 5 ст. 316 УПК РФ). Данные нормы закона обуславливают, так называемые негативные факторы заинтересованности следователя (дознателя) в рассмотрении уголовного дела судом в сокращенном, ускоренном порядке [1, с.12–15]. К таким факторам может относиться заинтересованность в укрытии: нарушений закона, неполноты, необъективности расследования, недоказанности обвинения при согласии обвиняемого с ним (если такое допущено) и пр. Подобного рода факторы, как это ни странно, обусловлены нормами закона, в соответствии с которыми судебное следствие значительно сокращается, доказательства в общем порядке не исследуются, в результате различного рода нарушения, если они допущены должностными лицами правоохранительных органов на досудебных стадиях производства по уголовному делу, выявлены не будут. Эти негативные факторы не только аморальны, но в определенных случаях указывают на признаки служебного преступления (ст. 424–427, 430, 431, 433 УК Республики Беларусь, ст. 286, 327, 290, 291 УК РФ и т.д.).

В связи с этим считаем разумным предложить следующие рекомендации. Вне зависимости от того, застигнуто ли лицо, подозреваемое, а затем и обвиняемое на месте преступления или нет, категорически недопустим пресловутый обвинительный уклон со стороны представителей стороны обвинения. Поэтому вне зависимости от типа следственной ситуации в обязательном порядке проверяются версии о самооговоре и непричастности лица к совершению преступления.

Самооговор, как известно, может быть вызван различного рода обстоятельствами: от желания «оградить» от привлечения к уголовной ответственности близких и родственников до стремления путем признания в совершении менее тяжкого преступления уклониться от ответственности за более тяжкое. Следствием самооговора и привлечением к уголовной ответственности лица, не причастного к совершению преступления, являются следственные и судебные ошибки.

С целью исключения самооговора, по нашему мнению, следует осуществлять тактическую операцию «Проверка показаний лица, согласившегося с предъявленным ему обвинением». Данная тактическая операция по своему содержанию будет являться частным случаем тактической операции «Проверка показаний лица, признавшего себя виновным в совершении преступления», предложенной О.Я. Баевым [2, с. 188–195]. В связи с этим в основе тактической операции «Проверка показаний лица, согласившегося с предъявленным ему обвинением» должны лежать следующие посылы, которые включает в себя тактическая операция «Проверка показаний лица, признавшего себя виновным в совершении преступления»: отсутствие противоречия между «признавательными» показаниями и объективно установленными фактами расследуемого преступления; соответствие даваемых показаний объективным фактам, установленным до дачи таких показаний; наличие в «признавательных» показаниях деталей, которые «нельзя выдумать», свидетельствующих о достоверности признавательных показаний; использование при допросе технических средств фиксации показаний; проведение проверки показаний на месте и следственного эксперимента; предъявление для опознания обвиняемому потерпевшего, орудия преступления и другие предметы, проведение очных ставок [2, С. 188–195].

Кроме того, тактическая операция «Проверка показаний лица, согласившегося с предъявленным ему обвинением» будет включать и некоторые дополнительные элементы. Дело в том, что могут возникнуть ситуации, когда подозреваемый, обвиняемый в совершении преступления в течение определенного периода времени в рамках расследования отказывался признать свою вину, а после разъяснения ему норм, регламентирующих сокращенное, ускоренное судебное разбирательство из-

менил свою позицию. В таком случае следователю в ходе допроса, помимо прочих, следует сформулировать и получить ответы на следующие вопросы (с обязательным их внесением в протокол):

– В чем причина того, что ранее вы давали показания, отрицающие вину полностью (частично), а сейчас соглашаетесь с обвинением? С чем вы согласны и, быть может, не согласны? В чем причина изменения показаний?

– Не подвергались ли вы физическому/психическому насилию со стороны сотрудников правоохранительных органов? Не принуждали ли они вас признать вину?

– Каковы личные мотивы, по которым вы хотели бы дать согласие на рассмотрение уголовного дела судом в сокращенном, ускоренном порядке (быть может, имеет место самооговор либо мотивы типа: «все равно, лишь бы процесс поскорее закончился», «меньше затрат на защиту», «меньше огласки» и т.п., несмотря на то что лицо считает себя невиновным, частично виновным, не согласно с обвинением и т.п.)?

– Понимаете ли вы сущность норм главы 47 УПК Республики Беларусь (ст. 327 УПК Республики Беларусь, гл.40 УПК РФ и т.д.)?

– Доходчиво ли вам разъяснены последствия признания вами вины, сокращенного, ускоренного судебного разбирательства?

Типовые версии о самооговоре, непричастности лица, меньшей степени его виновности в совершенном преступлении должны обязательно и тщательно проверяться в ходе всего расследования хищения.

Имеют место ситуации, когда лицо, подвергающееся уголовному преследованию, утверждает, что именно оно совершило преступление, но отказывается от дачи показаний. При таких обстоятельствах нужно собрать такую совокупность доказательств, подтверждающих указанное заявление, которая бы отвечала требованиям относимости, допустимости, достоверности и достаточности для однозначного вывода о виновности данного лица. В противном случае следователь не имеет права окончить расследование по уголовному делу.

Считаем, что изложенные рекомендации следует учитывать профессиональным участникам уголовного судопроизводства как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации. Реализация предложенной тактической операции позволит эффективно решать задачи, которые ставит перед участниками уголовного судопроизводства закон в обеих странах (ст. 2 УПК Республики Беларусь, ст. 6 УПК РФ).

Литература:

1. Попова, Е.И. Негативные факторы заинтересованности следователя в рассмотрении уголовного дела судом в порядке главы 40 УПК РФ / Е. И. Попова // Российский следователь. – 2011. – №4. – С.12–15.

2. Баев, О.Я. Основы криминалистики: курс лекций / О.Я. Баев. – М.: Экзамен, 2009. – 320 с.

3. Бурданова, В.С. Поиски истины в уголовном процессе / В.С. Бурданова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 41 с.

4. Владимиров, Л.Е. Учение об уголовных доказательствах / Л.Е. Владимиров. – Тула: Автограф, 2000. – 464 с.

5. Гармаев, Ю.П. Памятка подозреваемому, обвиняемому об особенностях рассмотрения уголовного дела судом в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ и советы по ее практическому применению / Ю.П. Гармаев, Е.И. Попова // Российский следователь. – 2013. – № 24. – С.10–13.

УДК 343.296

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Т.А. Савчук,

кандидат юридических наук,

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Возмещение вреда, причиненного преступлением, и поиск способов его обеспечения является одним из актуальных направлений уголовной и уголовно-процессуальной политики Республики Беларусь, и справедливо оценивается исследователями данного вопроса как «крупнейшая социальная проблема современности» [1, с. 297]. Закрепленное в ст. 60 Конституции Республики Беларусь право граждан на взыскание в судебном порядке имущественного вреда и материального возмещения морального вреда трансформировано в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК), одной из задач которого является обеспечение законных прав и интересов физических и юридических лиц, которым преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред. Реализация этой задачи возможна лишь при создании надлежащего правового механизма возмещения потерпевшему вреда от преступления. Однако, как показывает практика, преступлениями причиняется многомиллионный вред, а существующий порядок возмещения вреда работает неэффективно. При этом большая часть потерпевших от преступлений лишена возможности получения возмещения вреда, поскольку лица, обязанные возмещать этот вред, неплатежеспособны, а процедура компенсации вреда за счет государственных средств не действует. Такая ситуация обуславливает поиск путей оптимизации национального механизма возмещения вреда от пре-

ступления и необходимость изучения мирового опыта решения вопросов, связанных с выплатой компенсаций потерпевшим от преступления.

Первые случаи возмещения потерпевшим вреда от преступлений были произведены в Новой Зеландии (1963 г.) и Великобритании (1964 г.), что послужило примером для других государств. Возмещение вреда от преступления в мировой практике имеет судебную и внесудебную формы. В Республике Беларусь также законодательно закреплено два вида возмещения вреда потерпевшему: добровольно виновным лицом либо в результате исполнения судебного постановления по гражданскому иску. Добровольное возмещение вреда от преступления на практике встречается нечасто, поэтому гражданский иск является основным средством восстановления нарушенных прав потерпевшего в судебном порядке. Однако некоторые вопросы о возмещении вреда от преступления не решены на законодательном уровне, что позволяет выделить перспективные направления совершенствования правовых норм о данном институте.

По нашему мнению, требует законодательного решения вопрос об установлении критериев определения сумм, выплачиваемых в качестве компенсаций потерпевшим от преступления. Такие критерии, по нашему мнению, должны учитывать категорию совершенного преступления, тяжесть причиненного физического и имущественного вреда, степень расстройства психического здоровья, времени и средств, затраченных на лечение, степень утраты трудоспособности, инвалидности, смерти потерпевшего и других подобных обстоятельств. В этой связи можно опереться на положительный зарубежный опыт в определении размера выплат. Например, в Латвии сумма выплат ранжирруется в зависимости от категории преступления: за уголовный проступок виновное лицо уплачивает 10 латов, за менее тяжкое преступление – 15 латов, за тяжкое преступление – 20 латов, за особо тяжкое преступление – 25 латов [2, с. 192–193]. В Великобритании размеры компенсаций зависят от тяжести причиненного физического вреда: за царапину в зависимости от ее размера полагается выплата до 50 фунтов стерлингов, за потерю переднего зуба – 1 000 фунтов стерлингов, за простой перелом носа – 550 фунтов стерлингов, за потерю зрения одним глазом – 13 000 фунтов стерлингов [3, с. 214]; компенсация психического вреда оценивается достаточно высоко: например, в случае депрессии и других подобных заболеваний продолжительностью от 6 до 16 недель потерпевшему полагается выплата в размере от 1 тыс. фунтов стерлингов, а при наступлении тяжелых последствий в виде постоянной утраты жизненной активности – до 20 тыс. фунтов стерлингов [4, с. 85].

В качестве перспективы в нормативной регламентации возмещения вреда от преступления нам видится введение в уголовно-процессуальное законодательство правила о дифференциации лиц, имеющих право претендовать на возмещение такого вреда. В юридической литературе справедливо указывается на важность установления правильного соотношения понятий «жертва» и «потерпевший» и необходимость их законодательного разграничения [2, с. 190, 194]. С учетом этого предлагаем классифицировать лиц, имеющих право на возмещение вреда от преступления, на жертв преступления (лица, признанные потерпевшими в порядке ч. 1 ст. 49 УПК) и жертв-потерпевших (лица, наделенные таким статусом в порядке ч. 4 ст. 49 УПК). Такой подход позволит устанавливать справедливые компенсационные суммы, ведь очевидно, что жертва преступления имеет право на более значительное возмещение вреда, чем правопреемники потерпевшего, т.е. его близкие родственники, члены семьи, приобретающие статус потерпевшего по делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть потерпевшего.

Большинство государств рассматривают компенсационные выплаты жертвам преступлений как акт социальной солидарности, поэтому в определенных законом случаях эти выплаты могут вообще не производиться. Например, в США к таким случаям относится нарушение потерпевшим без уважительных причин срока подачи заявления о преступлении в полицию (этот срок варьируется в разных штатах от 48 часов до 7 суток), в Японии – провокация потерпевшим преступления. Думается, что отечественное законодательство также может предусматривать обстоятельства, влияющие на уменьшение размера выплат в счет возмещения вреда от преступления. Такими обстоятельствами могут выступать: провокационное поведение жертвы до, во время и после совершения преступления; данные, указывающие на то, что лицо, запрашивающее возмещение вреда, замешано в преступлении, совершенном организованной преступной группой, или состоит в организации, занимающейся преступной деятельностью; случаи, когда полное или частичное возмещение вреда противоречит смыслу социальной справедливости или общественного порядка.

Подытоживая, отметим, что высказанные предложения направлены на устранение законодательных пробелов в регламентации возмещения вреда от преступления, позволят индивидуализировать основания и порядок выплат в счет возмещения вреда, ранжировать выплачиваемые компенсационные суммы, устранить субъективное усмотрение при принятии процессуальных решений о возмещении вреда от преступления.

Литература:

1. Смирнова, Е.В. Проблемы возмещения вреда, причиненного преступлением, при отправлении уголовного правосудия и способ их решения / Е.В. Смирнова // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. – Вып. 4. – 2015. – С. 297–302.
2. Хасаншина, Р.Г. Проблемы совершенствования компенсационных механизмов защиты прав потерпевших от преступлений в свете общепризнанных норм и принципов международного права / Р.Г. Хасаншина, Н.Г. Муратова // Вестн. Удмур. ун-та. – Вып. 2-4. – 2014. – С. 190–196.
3. Юношев, С.В. Государственные компенсации жертвам преступлений: зарубежный опыт и российские перспективы / С.В. Юношев // Вестн. Самар. гос. ун-та. – Вып. 11-2. – 2014. – С. 212–219.
4. Шигуров, А.В. Возмещение государством потерпевшему ущерба от преступления: международные стандарты и российское законодательство / А.В. Шигуров, А.Ю. Калигина // Новый университет : Сер. «Экономика и право». – Вып. 5. – 2015. – С. 84–86.

УДК 343.13

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ СФЕРЫ СБЛИЖЕНИЯ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В РАМКАХ ЕАЭС

*В. И. Самарин,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет*

Сближение государств в экономической сфере, ликвидация таможенных барьеров, пограничного контроля, а также вызванная ими интернационализация преступности закономерно повлекут необходимость сближения уголовно-процессуальных норм. Соответствующие явления возможны и в рамках интеграционных образований, например, в Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС).

Одной из форм сближения законодательства государств является его гармонизация, под которой понимают сближение законодательства государств, направленное на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах (ст. 2 Договора о ЕАЭС) либо замену многочисленных и разнообразных национальных правил по определенному вопросу единым правилом [1, р. 589]. Хотя в литературе отмечается, что единого определения гармонизации в правовой сфере не существует и не всегда данный термин отделяют от «сближения», «унификации» и иных схожих [2, S. 626].

Гармонизация уголовно-процессуальных норм может быть прямой (на основе международно-правовых обязательств Республики Беларусь) и косвенной (сближение законодательства с нормами иностранных государств в том числе в рамках интеграционных образований либо с нормами международных договоров, где Беларусь не является участницей, либо судебной практикой судебных органов в организациях, в которых Беларусь не участвует). Конституционный Суд Республики Беларусь отметил, что для добросовестного исполнения обязательств, принятых Республикой Беларусь в рамках ЕАЭС, предполагается гармонизация законодательного регулирования общественных отношений в отдельных сферах, в том числе уголовно-правовой [3]. При этом можно отметить, что на наднациональном уровне в ходе гармонизации создаются общие подходы, концепции законодательного регулирования, которые реализуются в нормах национального законодательства. К настоящему моменту в ЕАЭС можно заметить гармонизацию лишь материальных уголовных норм и то, она носит спорадический характер.

Цель гармонизации в сфере уголовного процесса: рост взаимного доверия к уголовной юстиции других государств-участников интеграционного образования. Задачами гармонизации уголовно-процессуального законодательства в рамках ЕАЭС должны стать: 1) защита прав и законных интересов участников уголовного процесса на равных условиях во всех государствах-участниках; 2) ускорение процесса оказания международной правовой помощи по уголовным делам. Указанной цели можно добиться выработкой и принятием на наднациональном уровне стандартов в сфере уголовного процесса, которые должны быть обеспечены в национальном праве с учетом особенностей соответствующей правовой системы.

Прежде всего, должны быть выработаны общие стандарты собирания доказательств и *“fair trial”* («справедливое судопроизводство»). Разница в развитии национального уголовного правопорядка в рамках все более глубоких интеграционных процессов в сфере экономики, культуры и политики таит в себе угрозу региональных отклонений. А такие отклонения не будут способствовать равному отношению ко всем гражданам государств-членов ЕАЭС. Особенно четко можно заметить такое различие в сфере доказательственного права. Как оценить доказательство собранное вне территории Беларуси? Следует ли руководствоваться нормами законодательства государства, где были собраны такие доказательства? Что делать, если нормы такого государства о допустимости доказательств в уголовном процессе не в полной мере соответствуют принципам уголовного процесса Беларуси? Для того, чтобы обеспечить допустимость доказательств собранных при проведении следственных

действий в иностранном государстве, возможно, в будущем придется идти по пути гармонизации законодательных предписаний как о порядке проведения отдельных следственных действий, так и самих правил оценки доказательств. Например, список лиц, которые в целом или по отдельным вопросам не могут быть допрошены в качестве свидетеля в Республике Беларусь (ч. 2 ст. 60 УПК) шире, чем в Армении (ч. 2 ст. 86 УПК) и РФ (ч. 3 ст. 56 УПК), значительно отличается от списка в УПК Казахстана (ч. 2 ст. 78) и Кыргызстана (ч. 4 ст. 60). Так, УПК Беларуси не допускает допрос врача без согласия лица, обратившегося за оказанием медицинской помощи, по обстоятельствам, которые составляют предмет врачебной тайны. Соответственно показания врача по указанным обстоятельствам, полученные на территории Армении, Казахстана, Кыргызстана или РФ не смогут быть приняты в уголовном процессе Беларуси. В то же время, в отличие от УПК РФ белорусский и казахстанский законодатели не охраняют данные, получаемые членами парламентов в связи с их деятельностью (п. 5 ч. 3 ст. 56 УПК РФ). На наш взгляд, более правильной видится гармонизация именно правил оценки доказательств, а не способов их собирания.

Сближение законодательства в уголовно-процессуальной сфере должно вести не только к созданию благоприятных условий для ведения совместной борьбы с преступностью, но и должно содействовать всемерной защите прав граждан государств-членов, которые оказались причастными к уголовному процессу на территории другого государства-участника. При этом речь следует вести прежде всего о правах обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) и потерпевшего.

С этой целью необходимо принять рекомендации о минимальных гарантиях в уголовном процессе. На наш взгляд, в равной степени на территории всех государств-участников ЕАЭС должны быть обеспечены право на защиту, в том числе посредством оказания квалифицированной юридической помощи, а также производное от него право на информирование (на доступном потерпевшему и обвиняемому языках) о своих процессуальных правах, а также о подозрении или предъявляемом обвинении.

Потерпевшему (как и свидетелю) должно быть всецело гарантировано право не свидетельствовать против себя и членов своей семьи и близких родственников, дабы не принуждать человека к моральным страданиям. Белорусский законодатель справедливо позволяет человеку воспользоваться таким правом на любом этапе уголовного процесса, так как не допускает оглашение показаний, данных при досудебном производстве, если потерпевший или свидетель, воспользовавшись правом, предоставленным им законом, не дали согласия на дачу показаний в

судебном разбирательстве (ср.: ч. 2 ст. 303 УПК Беларуси и п. 1 ч. 4 ст. 56 и ч. 4 ст. 281 УПК РФ).

Дальнейшее сближение уголовно-процессуальных предписаний возможно через формулирование единых правил презумпции невиновности и стандартов применения меры пресечения в виде заключения под стражу.

Доверие, указанное выше, должно вести к применению принципа *ne bis in idem* и вне оказания международной правовой помощи по уголовным делам. Лицо не должно подлежать уголовной ответственности, если в ином государстве в отношении совершенного им деяния уже вынесено окончательное (как правило, судебное) решение.

Таким образом, с свете складывающихся новых интеграционных образований, в которых принимает участие Республика Беларусь, проявления глобализации и расширения преступной деятельности в международном аспекте можно говорить о необходимости углубления интернационализации уголовно-процессуального права Беларуси. Данное явление может проявляться, прежде всего, посредством гармонизации и сближения уголовно-процессуальных норм в регионе. При этом понятно, что уровень сближения государств ЕАЭС еще далек от Европейского Союза; однако со временем при углублении интеграции все больше придется говорить о гармонизации норм и такой чувствительной отрасли законодательства, как уголовно-процессуальная.

Литература:

1. Barnard, C. The Substantive Law of the EU. The Four Freedoms / C. Barnard. – New York: Oxford University Press, 2007. – 800 p.
2. Klip, A. Harmonisierung des Strafrechts – eine fixe Idee? / A. Klip // Neue Zeitschrift für Strafrecht. – 2000. – Heft 12. – S. 626-630.
3. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» [Электронный ресурс] : Решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 29 дек. 2015 г., № Р-1024/2015 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 12.01.2016. – 6/1527.

**О ПОНЯТИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
ПО УПК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И УПК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

*В.А. Семенцов,
доктор юридических наук, профессор,
Кубанский государственный университет
(Российская Федерация)*

Совершенствование уголовно-процессуального регулирования достигается за счет повышения эффективности применения отдельных норм и институтов, в том числе связанных с производством следственных действий, основное предназначение которых – формирование доказательственной базы по уголовному делу. Термин «следственные действия» достаточно часто встречается в тексте уголовно-процессуального закона, что свидетельствует о его значимости. Однако понятие следственных действий законодателем не сформулировано.

В связи с этим обратимся к анализу Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь), во многом схожим с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК Российской Федерации) (с учетом исторических традиций и преемственности по отношению к ранее действовавшему законодательству), для ответа на вопрос о понятии следственных действий.

Как и в УПК Российской Федерации, в гл. 1 УПК Республики Беларусь имеется общая норма (ст. 6), предназначенная для разъяснения некоторых понятий и наименований, содержащихся в кодексе, где термин «следственные действия» вообще не упоминается. И только в ст. 103, посвященной собиранию доказательств, закреплено, что «орган уголовного преследования, а также суд по ходатайству сторон или по собственной инициативе в пределах своей компетенции вправе по находящимся в их производстве материалам и уголовному делу в порядке, установленном настоящим Кодексом, вызывать любое лицо для проведения следственных и других процессуальных действий или дачи заключения в качестве эксперта; производить осмотры, обыски и другие предусмотренные настоящим Кодексом следственные действия».

Наряду со ст. 103 УПК Республики Беларусь, термин «следственные действия» используется в диспозициях еще целого ряда норм: в ст. 179, посвященной надзору прокурора за законностью возбуждения уголовного дела; ст. 185 о производстве предварительного следствия следственной группой; ст. 202, предусматривающей участие понятых; ст.

246, определяющей основания, порядок и сроки приостановления предварительного следствия; ст. 255, регулирующей порядок уведомления об окончании предварительного расследования; ст. 259, где раскрываются правила заявления и разрешения ходатайств.

В то же время, несмотря на отсутствие в ст. 5 УПК Российской Федерации формулировки следственных действий, там дается, в отличие от ст. 6 УПК Республики Беларусь, понятие процессуального действия, охватывающего в своей совокупности следственное, судебное или иное действие, предусмотренное уголовно-процессуальным законом. Тем самым подчеркивается, что понятие «процессуальное действие» является общим по отношению к термину «следственное действие». Вместе с тем в законе не указаны отличительные признаки, присущие следственному, судебному или иному действию, позволяющие отграничить друг от друга эти правовые категории.

Кроме того, в п. 19 ст. 5 УПК Российской Федерации раскрывается понятие неотложных следственных действий, в котором отражены цель и формальные требования к производству тех следственных действий, которые с учетом определенных обстоятельств должны осуществляться безотлагательно и не самим следователем, а органом дознания.

А вот в УПК Республики Беларусь не определено, что есть неотложные следственные действия, хотя сам термин применяется, когда начальник органа дознания обеспечивает полное и качественное производство неотложных следственных и других процессуальных действий (ч. 2 ст. 38), при возложении на следователя обязанности произвести неотложные следственные и другие процессуальные действия и направить уголовное дело по подследственности (ч. 3 ст. 184).

Более того, в ч. 1 ст. 186 УПК Республики Беларусь даже дан перечень неотложных следственных и других процессуальных действий для установления и закрепления следов преступления: осмотр, обыск, выемка, наложение ареста на имущество, почтово-телеграфные и иные отправления, прослушивание и запись переговоров, предъявление для опознания, освидетельствование, задержание, применение меры пресечения и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей, получение образцов для сравнительного исследования, назначение экспертиз.

Учитывая, что в разделе IV УПК Республики Беларусь в числе мер процессуального принуждения названы задержание (гл. 12), применение меры пресечения (гл. 13), наложение ареста на имущество (гл. 14 ст. 132), то все остальные действия, перечисленные в ч. 1 ст. 186 УПК Республики Беларусь рассматриваются как неотложные.

Напомним, что строгий перечень неотложных следственных действий был закреплен еще в ст. 119 УПК РСФСР 1960 г., но в ст. 157 УПК РФ 2001 г. законодатель справедливо отказался от исчерпывающего перечня неотложных следственных действий, поскольку неотложность – характеристика следственного действия, формируемая конкретными обстоятельствами уголовного дела, когда промедление с его производством может повлечь исчезновение, утрату, фальсификацию доказательств в результате воздействия на них окружающей среды, злонамеренных или неосторожных действий людей.

Думается, что не всякий осмотр, обыск, выемка, наложение ареста на почтово-телеграфные и иные отправления, прослушивание и запись переговоров, предъявление для опознания, освидетельствование, допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей, получение образцов для сравнительного исследования, назначение экспертиз, указанные в ч. 1 ст. 186 УПК Республики Беларусь, следует считать неотложным и производить по возбужденному делу, тем более, что часть этих следственных действий может производиться еще до принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Отсутствие в законе понятия следственных действий вызвало в науке активную дискуссию. По мнению С.А. Шейфера, термин «следственные действия» традиционно трактуется либо в широком смысле, когда им охватываются все те действия, которые следователь осуществляет на основе уголовно-процессуального закона, либо в узком смысле, когда под ними понимаются лишь действия познавательного характера, т. е. осмотры, освидетельствования, допросы и т. д. [1, с. 5–6]

Широкая трактовка термина «следственные действия» обусловлена не только отсутствием в уголовно-процессуальном законе рассматриваемого понятия (как в прошлом, так и сегодня), но и тем, что ему придается различный смысл. Обобщенно сущность широкой трактовки термина «следственные действия» состоит в том, что все процессуальные действия, выполняемые следователем в ходе досудебного производства, являются следственными. При этом не учитывается, что следственные действия – важная, но все-таки только часть такого понятия, как «процессуальные действия», призванных регулировать не только собирание и проверку доказательств, но и ход расследования и его окончание, обеспечивать соблюдение и реализацию прав и законных интересов его участников и др.

Немаловажно и то обстоятельство, что субъектами производства следственных действий выступают наряду со следователем и другие властные участники уголовного судопроизводства, уполномоченные законом на их производство. В частности, по УПК Республики Беларусь

правом производства следственных действий в досудебном производстве обладают, в пределах своей компетенции, прокурор (ч. 4 ст. 34), начальник следственного подразделения (п. 8 ч. 2 ст. 35), следователь (ст. 36), должностные лица органов дознания (п. 3 ч. 2 ст. 37), начальник органа дознания (ч. 4 ст. 38), лицо, производящее дознание (ст. 39).

В узком смысле слова следственные действия – процессуальные действия, в которых акцент делался на познавательном аспекте исследования обстоятельств уголовного дела. Данная позиция разделяется большинством ученых-процессуалистов, однако исследователи, исходя из общей посылки о познавательном характере следственных действий, предлагают различные их определения, отличающиеся как содержанием, так и составляющими его элементами. И это закономерно, поскольку каждый автор стремится привнести в определение следственных действий что-то свое, оригинальное, проявить творческий подход к решению данного вопроса.

По нашему мнению, следственные действия, с учетом присущих им признаков, есть предусмотренные уголовно-процессуальным законом действия дознавателя, следователя и суда по собиранию и проверке доказательств, непосредственно направленные на установление и доказывание имеющих значение фактических обстоятельств, характеризующиеся детальной процедурой производства и оформления, обеспеченные уголовно-процессуальным принуждением.

Основываясь на приведенных соображениях предлагаем дополнить ст. 5 УПК Российской Федерации новым пунктом, с формулированием в нем понятия следственных действий. Наряду с этим считаем возможным (с учетом близости уголовно-процессуального регулирования) аналогичное дополнение ст. 6 и изменение редакции ч. 1 ст. 186 УПК Республики Беларусь в части отказа от строгого перечня неотложных следственных действий.

Литература:

1. Шейфер, С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма / С.А. Шейфер. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 208 с.

УДК 343.114

К ВОПРОСУ О СТАДИИ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА

В.А. Синицкая,

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Существенной гарантией прав заинтересованных участников уголовного судопроизводства (потерпевшего, обвиняемого, гражданского истца и гражданского ответчика) является их право на пересмотр в

апелляционной инстанции не вступившего в законную силу приговора суда. В соответствии с законом поданная апелляционная жалоба или апелляционный протест обязательно влекут пересмотр уголовного дела в суде второй инстанции вне зависимости от усмотрения каких-либо должностных лиц.

Стадия апелляционного производства введена в уголовный процесс Республики Беларусь Законом от 05 января 2016 года № 356-з вместо существовавшей ранее стадии кассационного производства.

Сравнивая прежнюю и действующую редакции Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК Республики Беларусь), следует отметить, что правовая регламентация институтов кассационного и апелляционного производства имеет много общих черт.

Сохранились также многие нормы, имеющие отношение к процессу доказывания в суде второй инстанции. В частности, это относится к правилам предоставления в суд дополнительных материалов. Согласно ст. 384 УПК Республики Беларусь лица, имеющие право апелляционного обжалования или опротестования, могут, как и прежде, в подтверждение или опровержение доводов, приведенных в жалобе или протесте, представить в апелляционную инстанцию дополнительные материалы как до рассмотрения уголовного дела, так и после его рассмотрения. Как и ранее, закон не дает перечня таких материалов, но указывает на запрет получения их путем производства следственных действий; лицо, представляющее суду дополнительные материалы, обязано указать, каким путем они получены, в связи с чем возникла необходимость их представления. В то же время данная норма была несколько дополнена: теперь лицо обязано также указать, по каким причинам эти материалы не были представлены ранее в суд первой инстанции.

В соответствии с ч. 2 ст. 384 УПК Республики Беларусь принятые судом дополнительные материалы, если они имеют значение для разрешения уголовного дела, могут послужить основанием для изменения приговора или его отмены с прекращением производства по уголовному делу. В случаях, когда дополнительные материалы требуют проверки и оценки судом первой инстанции, приговор отменяется, а уголовное дело направляется на новое судебное разбирательство. Последняя норма, на наш взгляд, также нуждается в совершенствовании. В частности, из ее содержания, а также из анализа всей главы 40 УПК Республики Беларусь невозможно установить, в каких именно случаях дополнительные материалы должны быть исследованы судом первой инстанции в новом судебном разбирательстве. Необходимо предусмотреть в УПК Республики Беларусь исчерпывающий перечень таких случаев, сформулировав

его таким образом, чтобы дела направлялись на новое судебное разбирательство лишь в порядке исключения.

Согласно действующей редакции УПК Республики Беларусь суд апелляционной инстанции обладает достаточно широкими полномочиями по исследованию и оценке доказательства. Так, обвиняемый, его защитник и законный представитель, потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, если они участвуют в судебном заседании, дают объяснения (ч. 5 ст. 385 УПК Республики Беларусь). Потерпевшие, свидетели, допрошенные в суде первой инстанции, эксперты, специалисты могут быть вызваны в суд апелляционной инстанции для дачи разъяснений по существу данных ими показаний или заключений, если их вызов по ходатайству сторон или по своей инициативе признал необходимым судья в ходе подготовки судебного заседания или суд апелляционной инстанции при рассмотрении дела (ч.6 ст.385 УПК Республики Беларусь) [1].

Таким образом, суд апелляционной инстанции вправе не только исследовать имеющиеся материалы уголовного дела, но и получить новые доказательства их иных источников. В то же время позиция законодателя в части определения полномочий суда по исследованию и оценке доказательств представляется недостаточно последовательной.

В частности, из п.2 ч.7 ст.385 УПК Республики Беларусь неясно, какие именно обстоятельства могут воспрепятствовать суду апелляционной инстанции исследовать доказательства, имеющиеся в уголовном деле, которые не были исследованы судом первой инстанции, и дать им оценку. Аналогичный недостаток имеется в п.3 ч.7 ст.385 УПК Республики Беларусь: неясно, в каких случаях требуется проведение судебного разбирательства по первой инстанции для оценки обстоятельств, исследованных судом первой инстанции, но не получивших оценку в приговоре. Такие случаи, по нашему мнению, следовало бы определить непосредственно в УПК Республики Беларусь.

В целом же подход законодателя к регламентации оснований возвращения дела на новое судебное разбирательство находится в некотором противоречии со смыслом апелляционного производства, которое предполагает, в классическом понимании, полный пересмотр уголовного дела судом апелляционной инстанции. Таким образом, можно констатировать, что стадия апелляционного производства до настоящего времени сохраняет характерные черты кассации, а полномочия суда апелляционной инстанции недостаточно урегулированы. Это налагает отпечаток на весь процесс пересмотра дел в порядке апелляционного производства, в том числе и на доказательственную деятельность в данной стадии.

К ВОПРОСУ О ЛИЧНОСТИ МЕДИАТОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*Г.М. Третьяков,
кандидат юридических наук, доцент,
А.С. Атапович,*

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

С 2013 года в Республике Беларусь применяется и развивается институт медиации как альтернативный способ разрешения правовых конфликтов. С помощью медиации можно без обращения в суд быстро и конфиденциально найти взаимовыгодное решение в большинстве споров. В частности, медиация успешно применяется для разрешения хозяйственных, семейных, трудовых, корпоративных и иных гражданско-правовых конфликтов.

Создание института медиации в сфере уголовного процесса в Республике Беларусь может стать закономерным этапом развития государства, при этом следует учитывать зарубежный опыт и рекомендации международных организаций, основываясь на национальных условиях и традициях нашей страны [1, с. 33]. Важное значение имеет вопрос о личности посредника, который будет помогать конфликтующим сторонам договариваться при разрешении уголовно-правовых споров.

Согласно ст. 1 Закона о медиации медиатор – это физическое лицо, отвечающее требованиям Закона, участвующее в переговорах сторон в качестве незаинтересованного лица в целях содействия им в урегулировании спора (споров). В данном случае можно говорить об употреблении понятия «медиатор» в двух смыслах: как физического лица, которое должно удовлетворять требованиям Закона о медиации, и как участника процедуры медиации.

Примирительная деятельность – это особый вид деятельности, требующий наличия специальных навыков и который должен выполняться, в первую очередь, на профессиональной основе [2, с. 72]. Медиатор управляет переговорным процессом, поддерживает его конструктивный характер, предоставляет каждой стороне возможность высказать свое мнение относительно причин возникновения спора и целей, которые стороны намерены достичь посредством проведения медиации, контролирует культуру ведения переговорного процесса, не допускает некорректности в высказываниях сторон, создает благоприятную обстановку для переговоров.

Посредник должен обеспечить сторонам равное право на участие в переговорах и принятии решения. Для успеха дела очень важна способ-

ность посредника сохранять объективность и не поддаваться эмоциям, не встать на сторону того или иного участника конфликта. Опытный посредник может быстро урегулировать конфликт там, где без его усилий согласие между сторонами было бы невозможно [3, с. 44].

Факторы, которые влияют на эффективность деятельности посредника:

- наличие знаний и профессиональных качеств по проведению регулирующего процесса, способность убеждать;
- наличие опыта успешного регулирования конфликтов в прошлом;
- знание ситуации, обстановки, особенностей конфликта;
- избрание посредником тактики урегулирования конфликтов в зависимости от ситуации;
- готовность обеих сторон к совместной работе, готовность учитывать мнение посредника, принять предлагаемое им решение.

В силу специфики деятельности медиатора, Законом «О медиации» предъявляются особые требования к лицам, желающим осуществлять деятельность медиатора. Одним из основных требований является прохождение обучения по программам курсов в сфере медиации.

В качестве профессиональных требований, предъявляемых к медиатору, Закон о медиации называет следующие:

- наличие высшего юридического или иного высшего образования;
- прохождение подготовки в сфере медиации в порядке, устанавливаемом Министерством юстиции Республики Беларусь, либо имеющее опыт работы в качестве примирителя в соответствии с процессуальным законодательством
- получение свидетельства медиатора, выдаваемое Министерством юстиции Республики Беларусь на основании решения Квалификационной комиссии по вопросам медиации (ст. 4 Закона о медиации).

Для эффективного осуществления деятельности медиатора необходимы знания и навыки из таких областей как конфликтология, юриспруденция, психология. Умение вести переговоры и использовать нужные коммуникативные техники, наличие знаний и способностей применять эти знания – навыки, без которых медиатор не может быть успешным профессионалом [4, с. 64].

При разрешении гражданских, семейных, трудовых споров закон допускает осуществление медиативной деятельности лицами, не имеющими юридического образования, допускается и регулируется не только профессиональная правовая медиация, но и её иные формы: психологическая, медицинская, педагогическая и т.д. Однако такое положение представляется недопустимым при осуществлении медиации в уголовном процессе. Законодателю следовало бы указать в качестве обяза-

тельного требования к медиатору по уголовным делам наличие высшего юридического образования, так как для разрешения уголовного конфликта с помощью медиации требуются специалисты с достаточными знаниями и практическим опытом в области юриспруденции. Также, на наш взгляд, ведение примирительных процедур в уголовном процессе требует наличия определенного жизненного опыта, поэтому необходимо установить минимально допустимый возраст для медиаторов, предположительно 25 лет.

В настоящее время мировые тенденции внедрения в правовую систему альтернативных видов разрешения конфликтов нашли своё отражение в белорусском законодательстве лишь к спорам, возникающим из гражданских, трудовых, семейных правоотношений. Медиация могла бы успешно применяться и в уголовном процессе. При этом необходимо подготовить специалистов-посредников, обладающих всеми необходимыми качествами и навыками для проведения процедур медиации.

Литература:

1. Петрова, О. В. Службы посредничества по уголовным делам: модели организации и практика зарубежных стран / О.В. Петрова // Юстыцыя Беларусі. – 2009. – №8. – С. 32–33.
2. Трафимчик, И. В. Международные стандарты в сфере восстановительного правосудия по уголовным делам / И. В. Трафимчик // Юстыцыя Беларусі. – 2015. – №8. – С. 72–75.
3. Совершенствование института медиации как внесудебного способа разрешения споров: (итоги работы Первого Республиканского форума медиации) / Материал подготовлен УПУ «Центр медиации и переговоров» // Юрист. – 2015. – №5. – С. 43–46.
4. Власова, Л. В. Профессиональный юрист / Л. В. Власова // Юрист. – 2013. – №2. – С. 64.

УДК 343.140.01

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

М.Л. Хиревич,

Белорусский государственный университет

Дискуссии о необходимости, роли и целях стадии возбуждения уголовного дела продолжаются десятилетиями. В настоящее время все чаще данная стадия рассматривается в качестве рудимента советского уголовного процесса. Некоторые государства бывшего СССР по пути пошли отказа от стадии возбуждения уголовного дела. Так, данный институт был исключен из уголовного процесса Украины с принятием

нового УПК в 2012 году, реформирование уголовного процесса Казахстана также основывается на отказе от указанной стадии. Представляется, что косвенно подобные процессы происходят и в Республике Беларусь.

Так, предложения о расширении перечня неотложных процессуальных действий, проведение которых допускается на стадии возбуждения уголовного дела в Республике Беларусь, выдвигаемые органами уголовного преследования, позволяют говорить о стирании грани между проверкой по заявлению или сообщению о преступлении и предварительным следствием, и, как результат, вызывают тенденции к исключению данной стадии и из уголовного процесса Республики Беларусь.

Безусловно, существующая законодательная регламентация стадии возбуждения уголовного дела вызывает массу вопросов. В качестве возможных вариантов их решения предлагаются два: ликвидация указанной стадии и реформирование существующего варианта законодательной регламентации [1, с. 22]. Вместе с тем, к любому из приведенных вариантов следует подходить взвешенно и оценивать не только опыт зарубежных стран, исторический, но и сложившуюся за многие годы систему белорусского уголовного процесса с его особенностями, а также структурой правоохранительных органов и правосознанием граждан.

Ликвидация стадии уголовного процесса, представляется, невозможна без существенной реформы всего уголовного процесса Республики Беларусь, а также системы органов, ведущих уголовный процесс, поскольку потребует увеличения аппарата органов предварительного следствия, а также расширение сферы судебного контроля и усиления прокурорского надзора в сфере уголовного преследования.

Как видится, существующие на стадии возбуждения уголовного дела в условиях действующей правовой регламентации проблемы в большей степени связаны с неправильным пониманием сущности стадии возбуждения уголовного дела и ее целей, а также устоявшимся подходом к отказу в возбуждении и прекращению уголовных дел, когда последнее рассматривается как следствие их неосновательного возбуждения.

Так, положение ч. 1 ст. 167 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) о возбуждении уголовного дела только в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления, означает, что, во-первых, для возбуждения уголовного дела достаточно сведений об отдельных чертах события, которые характерны для преступления. Во-вторых, основания для возбуждения уголовного дела вовсе не должны раскрывать преступную

сущность содеянного. На момент возбуждения дела не требуется наличия всех элементов состава преступления. Доказать их можно только на последующей стадии в ходе предварительного расследования. В-третьих, в каждом конкретном случае решение о достаточности данных для возбуждения уголовного дела, имеющее оценочный характер, принимается лицом, правомочным его возбуждать. При возбуждении уголовного дела, как правило, бывают неизвестны многие детали предполагаемого преступного факта. Поэтому устанавливать все обстоятельства совершенного преступления для законного возбуждения уголовного дела нет необходимости [2, с. 200 – 201].

Кроме того, на стадии возбуждения уголовного дела принимается одно из двух взаимно противоположных и исключających друг друга решений: о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела. Наличие одних оснований (например, для отказа в возбуждении уголовного дела) исключает возможность других (оснований для возбуждения) и наоборот. В каждом случае, когда все допустимые для первой стадии процесса 1) проверочные действия будут выполнены, 2) предусмотренные законом сроки исчерпаны, но 3) ни одно из указанных в ст. 29 УПК обстоятельств не будет установлено как истинное, должно возбуждаться уголовное дело. В связи с этим вполне может иметь место законное прекращение законно возбужденного уголовного дела, и прекращение уголовных дел не должны оцениваться как брак в работе должностных лиц органа уголовного преследования.

Следует также обратить внимание на двойственность полномочий органов дознания, предусмотренных в ч. 1 ст. 186 УПК, что также выступает одним из аргументов сторонников ликвидации стадии возбуждения уголовного дела. Согласно указанной статье орган дознания при наличии признаков преступления вправе передать заявление или сообщение с собранными материалами проверки по подследственности либо возбудить уголовное дело. В то же время, как свидетельствует практика, достаточно большое количество материалов проверки возвращаются для проведения дополнительной проверки в органы дознания на основании п. 6 ч. 2 ст. 35 УПК. Так, только за 2015 год в органы внутренних дел возвращен было 7 331 материал проверки, что составляет 7,8 % от находившихся на рассмотрении материалов в Следственном комитете Республики Беларусь.

Такая вариативность действий органов дознания и возможность перенаправлять дела из одного органа уголовного преследования в другой при наличии уже установленных признаков преступления противоречит принципу публичности уголовного процесса.

В каждом конкретном случае решение о достаточности данных для

возбуждения уголовного дела, имеющее оценочный характер, принимается лицом, правомочным его возбуждать. Если один орган уголовного преследования (орган дознания в данном случае) пришел к выводу о наличии в деянии признаков преступления, то нет оснований для того, чтобы другой орган уголовного преследования (подразделения Следственного комитета Республики Беларусь) данный вывод подвергал сомнению. Безусловно, правовая оценка того или иного события может быть различной, а доследственная проверка может быть осуществлена не на должном профессиональном уровне. В то же время, в случае признания следователем недостаточности данных для возбуждения уголовного дела он на основании ч. 7 ст. 36 УПК вправе самостоятельно проводить необходимые проверочные действия, а также давать поручения органам дознания о производстве необходимых следственных и иных процессуальных действий.

На данный момент наиболее актуальной с прикладной точки зрения остается проблема защищенности граждан на стадии возбуждения уголовного дела. Законодателем не регламентированы права граждан и гарантии их реализации, в связи с чем лица, вовлекаемые в сферу уголовно-процессуальной деятельности, нередко претерпевают существенные ограничения. Данные ограничения касаются не только тех из них, в отношении которых проводится проверка их причастности к совершению преступления либо которым преступным деянием причинен какой-либо вред, но и всех лиц, которые обращаются с заявлением о совершенном преступлении либо с участием которых проводятся неотложные следственные и иные процессуальные действия. В настоящее время на рассмотрении в Палате представителей Национального Собрания Республики Беларусь находится проект Закона Республики Беларусь, предусматривающий внесение изменений, в том числе касающихся регламентации некоторых аспектов процессуального статуса заявителя, лица, в отношении которого принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела либо о прекращении проверки. В частности, предусматриваются права указанных лиц на получение копий постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела либо прекращении проверки, обжалование итоговых решений, принятых на данной стадии, а также на ознакомление с материалами проверки по заявлению или сообщению о преступлении. Вместе с тем, представляется, что это лишь небольшая часть тех прав, которыми должны быть наделены лица, вовлекаемые в уголовный процесс на данной стадии. Полагаем, что в отношении указанных лиц в УПК должны быть регламентированы их права и обязанности по аналогии с иными участниками уголовного процесса.

Таким образом, представляется, что имеющиеся применительно к

стадии возбуждения уголовного дела проблемы в большинстве своем находятся в организационной плоскости и могут быть решены путем совершенствования подходов к отказу в возбуждении и прекращению уголовных дел, а также непосредственно процессуальной деятельности, реализуемой на данной стадии, и не требуют ее ликвидации.

Литература:

1. Данилевич, А. А. Место стадии возбуждения уголовного дела в системе уголовного процесса Республики Беларусь / А.А. Данилевич, В.И. Самарин. – Законность и правопорядок. – 2013. – № 3. – С. 24–29.

2. Солтанович, А.В. О некоторых вопросах применения статей 173 и 174 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь / А.В. Солтанович // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / редкол. : В.М. Хомич [и др.] ; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Ген. прокуратуры Респ. Беларусь.– Минск: БГУФК, 2011. – Вып. 4. – С. 197–202.

УДК 343.14

ИСТРЕБОВАНИЕ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В.В. Шпак,

*кандидат юридических наук, доцент
Белорусский государственный университет*

1. Собираение доказательств в уголовном процессе возможно посредством как производства следственных действий, так и иными процессуальными способами. Говоря о следственных действиях, мы видим, что законодатель в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК) определил требования к процессу получения и порядку вовлечения в уголовный процесс фактических данных. По-другому обстоит дело со всеми иными способами собирания доказательств. Это вызвано существованием определенных пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве, недостаточной теоретической разработкой этих вопросов, а также их различной практикой применения правоохранительными органами.

Истребование и представление доказательств, как процессуальные действия, в своей конструкции более просты по сравнению со следственными действиями, что нашло отражение в их менее детальной правовой регламентации. Однако относительная простота этих способов доказывания не означает, что доказательства, полученные в результате их применения, имеют меньшую ценность, чем те, которые были полу-

чены при производстве следственных действий.

2. Истребование является самостоятельным процессуальным способом получения доказательств, не сопровождаемым мерами принуждения, отличающийся соответственно простотой правовой регламентации, который может быть применен в любой стадии уголовного процесса. Под истребованием понимается властное полномочие должностного лица органа уголовного преследования о предоставлении ему необходимых объектов. Однако при истребовании велик риск утраты и фальсификации, материалов заинтересованными лицами, повреждения или уничтожения истребуемых предметов и документов по неосторожности.

Истребование доказательств – это процессуальные действия, состоящие в предъявлении лицом, производящим расследование, по находящимся в его производстве материалам или уголовному делу требования, обращенного к участникам процесса, должностным лицами и гражданам, о представлении объектов, которые могут установить по делу необходимые фактические данные, а также исполнение требования последними и фиксация этого действия в материалах дела.

3. Из ч. 2 ст. 173 УПК следует, что до возбуждения уголовного дела, помимо прочего, могут быть истребованы дополнительные документы. В соответствии с ч. 3 ст. 452 УПК при ускоренном производстве истребуются также и другие материалы, имеющие значение для рассмотрения дела в судебном заседании. Что такое «дополнительные документы» и «другие материалы», которые могут получать органы уголовного преследования до возбуждения уголовного дела, в УПК не расшифровывается. По нашему мнению, под термином материалы понимаются не только письменные документы, но и предметы [1, с. 65]. Данный вывод вытекает из анализа закона – в соответствии с ч. 2 ст. 103 УПК органам уголовного преследования при собирании доказательств (доказывании) разрешено требовать представления необходимых предметов и документов.

4. Истребование необходимых материалов в порядке ч. 2 ст. 173 и ч. 3 ст. 452 УПК – самостоятельное уголовно-процессуальное действие. В связи с этим такое действие должно и оформляться соответствующим образом, в форме процессуального документа. Однако закон не устанавливает формы и порядка предъявления требования о представлении предметов и документов, поэтому оно может быть письменными, устными, переданными по телефону, с возложением на обладателя данного объекта обязанности доставить его лично, с нарочным либо по почте. Считаем, что требование о представлении предметов и документов должно быть облечено в письменную форму. Это позволяет уточнить, какой именно предмет или документ истребуется, какие данные и за

какой период необходимо представить и т.п., что предотвращает получение ненадлежащего объекта. Кроме того, наличие в деле письменного запроса объясняет пути появления доказательства, без чего невозможно судить о его допустимости.

5. Содержание представления доказательств как познавательного приема исчерпывается доставлением объекта (предмета или документа) без предварительного требования об этом. Представление доказательств включает в себя кроме непосредственного представления объекта и ходатайство о приобщении его к делу в качестве такового. Без рассмотрения заявленного лицом, доставившим данный объект, ходатайства или заявления и принятия по нему решения уполномоченным лицом, данный прием теряет свою доказательственную значимость. Представление доказательств является одним из способов собирания доказательств, заключающийся в добровольных действиях субъектов, указанных в ч. 4 ст. 103 УПК, по передаче органам уголовного преследования предметов и документов, могущих установить факты, имеющие значение для дела, и включает в себя рассмотрение заявленного ходатайства (заявления), с последующим его удовлетворением или отказом в этом.

6. Представление доказательств обычно понимается как непосредственное представление предметов и документов. Высказывались различные мнения о представлении не только предметов и документов, но и сведений об их местонахождении, с соответствующими пояснениями об обстоятельствах и источниках их получения. Однако сообщение о месте нахождения объекта – это показание, но не представление в натуре предмета или документа, который после может быть признан доказательством.

7. Фиксация доказательств рассматривается в качестве самостоятельного процессуального института и может быть определена как регламентированная законом деятельность уполномоченных лиц по процессуальному закреплению фактических данных посредством предусмотренных уголовно-процессуальным законом процедур [2, с. 8]. УПК предусматривает возможность представления доказательств лицами, указанными в ч. 4 ст. 103 УПК, не определяя процедуру фиксации этого действия, что следует признать пробелом. Именно в данный момент объект вводится в уголовный процесс, и от того, на сколько точно и полно он зафиксирован в своих свойствах, зависит признание за ним значения доказательства. Здесь обязательно должны присутствовать процессуальные гарантии, обеспечивающие полноту и точность фиксации свойств объекта.

В процессуальном плане фиксация доказательственной информации есть выражение удостоверительной деятельности субъекта доказы-

вания. При истребовании предметов и документов функция удостоверения относительно проста и сводится к приобщению к делу запроса и полученных результатов. В противном случае необходимо письменно оформить факт представления предмета или документа. Для документов типа выписок, справок, копий, характеристик, которые могут быть при необходимости без труда возобновлены, приемлема упрощенная процедура: достаточно зафиксировать заявленное ходатайство, сделать пометку о дате поступления документа и приложить его к делу. Относительно иных материалов возникает вопрос о необходимости составления специального процессуального документа, в котором должен быть отражен факт передачи предметов и документов, сообщены сведения, которые необходимы для оценки их как доказательств.

Литература:

1. Шпак, В.В. Предмет ускоренной подготовки материалов, средства и способы его установления / В.В Шпак // Вестник молодежного научного общества. – 2003. – №1. – С. 64–66.
2. Белоусов, А.В. Проблемы фиксации доказательств в досудебных стадиях уголовного процесса России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А. В. Белоусов. – М., 2000. – 27 с.

УДК 343.126.1

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЩЕНИИ ЗАЛОГА В ДОХОД ГОСУДАРСТВА

*Т.Л. Щерба,
кандидат юридических наук
Академия МВД Республики Беларусь*

В законе с большой долей упрощения регламентируется порядок обращения залога в доход государства, предусмотренный ст. 134 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), что ущемляет права залогодателя и подозреваемого, обвиняемого. Указанное обстоятельство обуславливает необходимость исследования этой процедуры с точки зрения теоретических основ и сложившейся правоприменительной практики органов, ведущих уголовный процесс, в целях усиления гарантий прав граждан.

Закон определяет судебный порядок обращения залога в доход государства. Данное судопроизводство не относится к основному типу, характеризующемуся рассмотрением уголовного дела по существу и вынесением итогового решения. Обращение залога в доход государства можно причислить к промежуточному виду производства, предметом регулирования которого, как отмечает А.С. Червоткин, «являются воз-

никающие в ходе основного производства частные вопросы, рассмотрение которых завершается принятием промежуточных судебных решений» [1, с. 6].

Основанием для судебного рассмотрения вопроса об обращении залога в доход государства является протокол о нарушении подозреваемым, обвиняемым обязательств, связанных с внесенным залогом. В протоколе согласно ч. 3 ст. 134 УПК указываются время и место его составления, кем он составлен, сведения о личности нарушителя, обстоятельства нарушения, излагается объяснение нарушителя (ч. 3 ст. 134 УПК). Протокол в данном случае выступает документом, в котором фиксируется факт правонарушения, который должен быть основан на доказательствах. Справедливо мнение Н.В. Профатиловой, что допустить возможность «обходиться без доказательственной информации в процессе принятия процессуальных решений – значит заведомо допустить и возможность проявления произвола в отношении личности» [2, с. 21]. В связи с этим П.А. Лупинская подчеркивает, что каждое решение, принимаемое в уголовном процессе, должно соответствовать требованию законности, обоснованности, мотивированности, справедливости [3, с. 18-19]. В продолжение В.С. Соркин справедливо указывает, что правонарушение участника процесса, влекущее применение штрафной санкции, должно быть доказано [4, с. 70]. Исходя из вышеизложенного, учитывая слабость нормативной конструкции и серьезность правовых последствий решения об обращении залога в доход государства для подозреваемого, обвиняемого, залогодателя, считаем целесообразным обязать орган уголовного преследования ссылаться в протоколе на доказательства, подтверждающие факт правонарушения. Например, формулировка, удостоверяющая правонарушение, «угрожал свидетелю В.», дополняется следующим: «что подтверждается протоколом допроса свидетеля В. от такого-то числа». В свою очередь, суд в ходе судебного разбирательства или его подготовки может истребовать материалы уголовного дела в целях непосредственного изучения указанных доказательств. Для обеспечения полноты и объективности судебного разбирательства считаем необходимым наделить подозреваемого, обвиняемого, залогодателя правом представлять в судебное заседание материалы, свидетельствующие об отсутствии нарушения, влекущего обращение залога в доход государства. Представляется возможным применить по уголовным делам и, рассматривая в судебном заседании вопрос об обращении залога в доход государства, установить следующие обстоятельства: имело ли место уголовно-процессуальное правонарушение; виновен ли нарушитель в его совершении; подлежит ли он уголовно-

процессуальной ответственности. Такой подход будет соответствовать принципу состязательности, законности и обоснованности принятого решения. Сказанное в равной степени можно отнести и к личному поручительству.

Согласно ч. 3 ст. 134 УПК протокол о правонарушении подписывается лицом, его составившим, и нарушителем. В случае отказа нарушителя от подписания протокола в нем делается запись об этом. Закон не определяет понятия «нарушитель». Семантическое толкование этого термина – «тот, кто нарушил какие-нибудь правила, закон, обычай» [5, с. 333]. Закономерно, что протокол составляется на лицо, нарушившее норму права, поэтому исходя смысла ч. 2 ст. 134 УПК нарушителем обязательств из залога является подозреваемый, обвиняемый. Вместе с тем закон не определяет, как получить подпись или отказ нарушителя, если он скрылся или местонахождение его неизвестно. С одной стороны, не доказано, что подозреваемый, обвиняемый умышленно скрылся. Причинами неявки могут быть объективные обстоятельства (например, лицо было похищено). Очевидно только одно – местонахождение его неизвестно. Однако, с другой стороны, объявляя розыск такого лица, следователь избирает и меру пресечения в виде заключения под стражу, которая обусловлена высокой вероятностью того, что подозреваемый, обвиняемый может противодействовать расследованию и его исчезновение, скорее всего, связано с попыткой избежать уголовной ответственности. Санкция за нарушение залога состоит из двух составляющих – применение более строгой меры пресечения и обращение залога в доход государства. В связи с тем, что закон допускает применение заключения под стражу на основании вероятностного вывода о том, что подозреваемый, обвиняемый умышленно скрылся, логичным в указанной ситуации является и обращение залога в доход государства. В случае же, если при нахождении лица будет установлено, что его исчезновение обусловлено объективными обстоятельствами и доказательств, что он скрылся умышленно, не имеется, залог должен быть возвращен залогодателю.

В судебное заседание вызываются нарушитель и лицо, составившее протокол, или прокурор (ч. 3 ст. 134 УПК). Закон не предусматривает участия залогодателя, а также защитника и законного представителя подозреваемого, обвиняемого в судебном заседании. Что касается залогодателя, то именно этот участник является заинтересованным лицом в вопросе об обращении залога в доход государства, так как изымается его собственность, и поэтому в целях защиты своего законного личного интереса имеет право присутствовать при рассмотрении этого вопроса в

суде, давать объяснения, представлять доказательства, относящиеся к предмету судебного разбирательства.

Игнорирование законодателем таких участников, как защитник и законный представитель, можно расценить и как игнорирование в определенной степени закрепленного в ст. 17 УПК принципа обеспечения права на защиту. Исходя из вышеизложенного, считаем необходимым расширить перечень участников, подлежащих вызову в судебное заседание.

Литература

1. Червоткин, А. С. Место промежуточных судебных производств в системе российского уголовного процесса / А.С. Червоткин // Рос. судья. – 2012. – № 7. – С. 5–9.

2. Профатилова, Н. В. Оценка следователем достаточности доказательств при принятии основных процессуальных решений по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.В. Профатилова ; Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2009. – 26 с.

3. Лупинская, П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П.А. Лупинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2010. – 238 с.

4. Соркин, В. С. Особенности процессуального доказывания в уголовном судопроизводстве : монография / В.С. Соркин. – Гродно.: ГрГУ, 2002. – 95 с.

5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 18-е изд., стереотип. – М. : Рус.яз., 1986. – 797 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Калинкович В.Л.</i> О роли юридической науки в реализации государством правоохранительной функции.....	3
---	---

Раздел I. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА, КРИМИНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

<i>Ананич С.В.</i> Криминологические и уголовно-правовые критерии классификации преступлений	5
<i>Багиров С.Р.</i> Совершенствование общей части уголовного законодательства об ответственности за многосубъектное преступление	11
<i>Барков А.В.</i> Совершенствование мер уголовной ответственности: планы и результаты.....	14
<i>Бородулькина Е.С.</i> Совершение нового преступления лицом, освобожденным от уголовного наказания в случае тяжелого непсихического заболевания	18
<i>Бошукова Е.В.</i> К вопросу о квалификации неудавшегося соучастия	21
<i>Василевич Г.А.</i> К вопросу об уголовной ответственности за неисполнение конституционной обязанности по защите Республики Беларусь	24
<i>Василевич Д. Г.</i> К вопросу о квалификации деяний, связанных с расчленением трупа	28
<i>Грунтов И.О.</i> Содержание принципа справедливости уголовного закона и конструирование составов посягательств и правовых норм	34
<i>Гулякевич Д.Л.</i> Незаконные действия по усыновлению (удочерению) детей: основание криминализации.....	41
<i>Давидовская В.А.</i> Замена штрафа иным наказанием по законодательству стран СНГ	46
<i>Добродей А.И.</i> К вопросу о юридической судьбе предмета взятки.....	49
<i>Епифанова Е.В.</i> Актуальные проблемы учения о преступлении.....	55
<i>Захилько К.С.</i> К вопросу об уголовной ответственности за вымогательство.....	58
<i>Караваева В.А.</i> Проблемные вопросы построения главы 35 Уголовного кодекса Республики Беларусь	60
<i>Кашевский В.А., Сальникова А.В.</i> О соответствии ст. 221 УК Республики Беларусь нормам международного права	64

<i>Кийко Н.В.</i> Совершенствование механизма применения условно-досрочного освобождения в отношении осужденных к лишению свободы.....	66
<i>Кленова Т.В.</i> О несостоятельности утилитаристских теорий преступления и наказания	69
<i>Ковальчук А.В.</i> Существенный вред как оценочный признак в Уголовном кодексе Республики Беларусь: проблемы правоприменения и законодательного закрепления.....	73
<i>Коняхин В.П.</i> Структура Уголовного кодекса РФ: перспективы модернизации.....	76
<i>Коротич Е.А.</i> Проблемные аспекты объединения преступных деяний в рамках главы 22 Уголовного кодекса Республики Беларусь....	79
<i>Лобанова Л.В.</i> Квалификация приобретения права на имущество путем злоупотребления процессуальными правами ...	82
<i>Лосев В.В.</i> Мотивы и цели злоупотребления служебными полномочиями: сравнительно-правовая характеристика.....	86
<i>Мороз Д.Г.</i> Об ответственности за совершение публичного проступка	90
<i>Непомнящая Т.В.</i> Практика назначения уголовных наказаний в Российской Федерации и Республике Беларусь: общее и отличительные особенности	94
<i>Новикова Е.В.</i> Освобождение от уголовной ответственности участника преступной организации или банды	98
<i>Плетенева Д.А.</i> Соотношение обстоятельств,отягчающих уголовную ответственность, и квалифицирующих признаков преступления	101
<i>Ретнёва Н.И.</i> К вопросу о проблеме коллизий в уголовном праве....	104
<i>Савенок А.Л.</i> Эффективность уголовного права: от теории к практике.....	109
<i>Санташов А.Л.</i> Совершенствование законодательства криминального цикла с учетом межотраслевых связей, дифференциации наказания и законодательной техники	112
<i>Саркисова Э.А.</i> Реальный принцип действия уголовного закона в пространстве: истоки и современное понимание	115
<i>Стаценко В.Г.</i> Криминальное насилие в сфере семейно-бытовых отношений в Республике Беларусь: криминологические аспекты	120
<i>Сяргейчык А.М.</i> Аб'ектыўная неабарачальнасць часу і крывінальны закон	124
<i>Хилута В.В.</i> Уголовно-правовая охрана гражданского оборота: постановка проблемы	126

<i>Шабаль В.С.</i> Некоторые аспекты совершенствования воспитательной работы с осужденными к лишению свободы.....	129
<i>Шабанов В.В.</i> Проблемы организации исправительного процесса с осужденными во второй половине 20 века: историко-правовой аспект	133
<i>Шаблинская Д.В.</i> Функциональное назначение механизма уголовно-правового воздействия	136
<i>Шарикова В.П.</i> О методологических началах исследования криминогенности личности	139
<i>Шевцов Ю.Л.</i> Классификация преступных деяний в контексте уголовно-правовых понятий «преступление», «проступок» и «нарушение»	142
<i>Шидловский А.В.</i> Христианские начала лишения свободы как вида наказания	146
<i>Шиенок В.П.</i> Сущностные подходы к пониманию человека в современной криминологии.....	150
<i>Яцута И.С.</i> О законодательных недостатках в части установления ответственности за контрабанду.....	154

Раздел II. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ МЕР ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПНОСТИ

<i>Носкевич И.Д.</i> О некоторых аспектах организации и осуществления ведомственного процессуального контроля в Следственном комитете Республики Беларусь.....	158
<i>Швед А.И.</i> Подходы к определению понятий «судебная экспертиза» и «судебно-экспертная деятельность»	163
<i>Витрук О.В.</i> Зарубежный опыт возмещения причиненного потерпевшему вреда за счет государственного бюджета	167
<i>Гладышева О.В.</i> Конкуренция процессуальных решений в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства ...	171
<i>Гридюшко П.В.</i> О возбуждении уголовных дел по факту безвестного исчезновения лица.....	175
<i>Данилевич А.А.</i> Общие принципы судебной речи.....	178
<i>Данько И.В.</i> К вопросу об апелляционном производстве в уголовном процессе	180
<i>Дубровин Е.В.</i> Отставка судьи	183
<i>Зайцева Л.Л.</i> Упрощенные формы уголовного судопроизводства в Республике Беларусь	185
<i>Каменецкий Ю.Ф.</i> Совершенствование планирования расследования хищений путем злоупотребления служебными полномочиями в бюджетной сфере на основании типовых схем.....	188

<i>Качалова О.В.</i> Досудебное соглашение о сотрудничестве: российский опыт правового регулирования.....	192
<i>Князев И.М.</i> Требования к мерам по обеспечению безопасности участников уголовного процесса и других лиц	195
<i>Луцик В.В.</i> Английская модель участия прокурора в досудебном расследовании.....	198
<i>Мелешко В.Н.</i> Участие прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса	201
<i>Петрова О.В.</i> Совершенствование расследования преступлений сексуальной направленности в отношении детей.....	204
<i>Попова Е.И.</i> Тактическая операция «Проверка показаний лица, согласившегося с предъявленным ему обвинением	207
<i>Савчук Т.А.</i> Проблемы и перспективы законодательного совершенствования возмещения вреда от преступления.....	210
<i>Самарин В.И.</i> Перспективные сферы сближения норм уголовно- процессуального права в рамках ЕАЭС.....	213
<i>Семенцов В.А.</i> О понятии следственных действий по УПК Российской Федерации и УПК Республики Беларусь	217
<i>Синицкая В.А.</i> К вопросу о стадии апелляционного производства.....	220
<i>Третьяков Г.М., Атапович А.С.</i> К вопросу о личности медиатора в уголовном процессе Республики Беларусь.....	223
<i>Хиревич М.Л.</i> О некоторых вопросах регламентации стадии возбуждения уголовного дела.....	225
<i>Шпак В.В.</i> Истребование и представление доказательств в уголовном процессе	229
<i>Щерба Т.Л.</i> К вопросу об обращении залога в доход государства.....	232

Научное издание

**Совершенствование
уголовного законодательства
и практики его применения
в современных условиях**

**Материалы
Международной
научно-практической конференции**

Минск, 14–15 октября 2016 г.

На русском и белорусском языках

Подписано в печать 04.10.2016. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 13,95. Уч.-изд. л. 13,90.
Тираж 55 экз. Заказ 545.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/159 от 27.01.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика
в республиканском унитарном предприятии
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.